

И. ГУММЕР

ПАМЯТЬ

И. ГУММЕР

ПАМЯТЬ

документальные
повести

★

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ СССР
1983

ББК 84Р7
Г93

Рецензент — Падерин И. Г.

Гуммер И. С.

Г93 Память: Докум. повести.— М.: ДОСААФ, 1983—127 с.

45 к.

Эта книга—о героических традициях советского народа, его армии.

Заглавная повесть—«Память» посвящена самоотверженной поисковой работе преподавательницы-махачкалинки В. В. Макаровой, установившей фамилии и нашедшей могилы более трех тысяч солдат и офицеров, считавшихся пропавшими без вести в годы Великой Отечественной войны.

В книгу включены главы из ранее публиковавшейся повести «Молодость, прожитая дважды»—о юношах и девушках, которые строили, обороняли, поднимали из руин тракторный завод на Волге. (Впервые повесть опубликована в Нижне-Волжском книжном издательстве в 1972 году с предисловием Бориса Полевого.)

Для массового читателя.

Г $\frac{4702010200-006}{072(02)-83}$ 63—83

ББК 84Р7
32С2

> **Мне кажется порою, что солдаты,**
> **С кровавых не пришедшие полей,**
> **Не в землю нашу полегли когда-то,**
> **А превратились в белых журавлей.**
>
> *Расул Гамзатов*

О поисках без вести пропавших, которыми долгие годы занималась Валентина Васильевна Макарова из города Махачкалы,— это повествование.

Но начинать надо не с наших дней, а с далекого сорок второго года, с Веры Ефимовны Колодей, чья судьба в конце концов пересеклась с судьбой Макаровой.

I

Непонятно: везло ли ей на пограничников или просто их было много в частях, оборонявших Моздок. Но вот уже которого выносит с поля боя. И у каждого непременно зеленая фуражка.

Фашисты жмут с прежней силой. Самолеты, танки, пехота... Снова танки... Сначала она считала, дошла до сорока и сбилась... А может, не сбилась — просто некогда счи-

тать, оглядываться, бояться. Надо переправлять раненых. Хорошо, что плавает с детства и к горным речкам привыкла сызмальства — родилась и выросла на Северном Кавказе. Но Терек — не абы какая речка, а большая горная река. И когда переплываешь в десятый, пятнадцатый, двадцатый раз — холод сжимает сердце, июль кажется октябрем.

Этот прошептал фамилию — Калинин... И тут же потерял сознание...

Ей некогда было думать, запоминать. Вылила воду из белых парусиновых тапочек, отжала платье в красный горошек, крепче обмотала косы вокруг головы и снова поплыла за ранеными на тот берег, где лязгали танки, рвались мины, гремели выстрелы, полыхал огонь.

Она так и не успела получить военное обмундирование, семнадцатилетняя студентка Нальчикского медучилища Вера Колодей. Платье, тапочки — вот и все ее имущество, все богатство. Да еще косы. Толстые, длинные, пушистые, роскошные косы, с которыми она, несмотря ни на что, не расставалась всю войну — ни под Моздоком, ни на Малой земле, под Киевом, в Берлине...

...Все-таки в гражданской одежде не положено находиться в армейских рядах. И старшина, который, как и все старшины, суров и требователен в любой обстановке, раздобыл для нее гимнастерку, отрезал длинные рукава и приказал тут же надеть.

— А юбка? — растерялась Вера.

— Без юбки, санинструктор Колодей! Затянешься ремнем.

Санинструктор Колодей посмотрела на свои голые ноги и быстро-быстро заморгала глазами.

— Отставить! — поспешно сказал старшина.— В порядке исключения и ввиду тяжелой обстановки разрешаю надеть гимнастерку поверх платья.

При чем тут тяжелая обстановка, Вера не поняла, но с благодарностью посмотрела на старшину...

А через несколько часов ни старшина, ни Вера не помнили о разговоре и форме одежды: гитлеровцы ринулись на курган Абазу, который закрывал дорогу в Чеченскую балку, а оттуда через ущелье — в Махачкалу.

Пятнадцать раз переходил курган из рук в руки. Был

и такой момент, когда единственный защитник кургана связист Виктор Парамонов вызвал огонь на себя, погиб под снарядами своих орудий, но не дал фашистам закрепиться на кургане.

Все это Вера узнала потом, когда ее часть вывели на переформирование. И после войны, когда глубже заинтересовалась боями под Моздоком. И тридцать лет спустя на встрече защитников Чеченской балки и кургана Абазу.

А тогда...

Она перевязывала раненых и снова ползла по полю боя, где не было ни одного сантиметра живого места и где, казалось, никто не мог укрыться. Но люди держались. Измученные, израненные, они держались до последнего: штыком, гранатами отбивали яростные атаки.

Бинты кончились, и Вера обрадовалась, увидев в сторонке груду каких-то вещей. Она кинулась к этой груде, схватила все в охапку и вдруг услышала голосок:

— Где моя мама?

Маму Ани Рябухи вместе с другими беженцами убили фашисты. Оглушенная, контуженная, Аня лежала до тех пор, пока на нее случайно не наткнулась Вера Колодей.

Пограничника Калинина и шестнадцатилетнюю Анечку Рябуху отправили в ближайшие тыловые госпитали города Махачкалы. С Рябухой Вера вскоре встретилась: девушка поправилась, добилась направления на передовую, и неожиданно попала в ту же самую часть, где воевала Вера Колодей,— чего только не бывает на войне. Красивая, тоненькая, с большими темными глазами и русыми волосами, Аня Рябуха одним своим видом успокаивала раненых: легким прикосновением, доброй улыбкой, ласковым словом. А как она пела!.. Хирург Надточий — это уже на Малой земле — просил:

— Пой, Анечка... «Днипро»...

А потом, когда наступал недолгий перерыв и можно было перекурить, говорил:

— Что бы я без тебя делал, Рябуха, ты Рябуха...

Погибла Аня Рябуха, подорвалась на мине. И еще долго Вера Колодей чувствовала что-то вроде вины за то, что Ани нет, а она вот жива... Хотя какая уж тут вина — просто счастье. Сколько раз могла погибнуть на бесконечных

дорогах войны, возле каждого раненого. А было раненых столько, что самой не перечесть и не припомнить. На Малой земле получала по пятьдесят писем в день от спасенных солдат и офицеров. Раздав адресатам письма, почтальон протягивал оставшуюся пачку Вере:

— Твои, забирай.

«Доктору Вере», «Маленькому доктору», «Вере», «Доктopeнкy»... Это вместо фамилии, части, роты. Да и какие нужны были адреса на Малой земле!

8-я гвардейская бригада занимала оборону в Долине Смерти. Санинструктор Колодей — кстати, единственная женщина, награжденная за бои под Моздоком медалью «За отвагу»,— укрывала раненых в так называемых лисьих норах, вырытых в горе Колдун, и ждала катеров из Геленджика. Но катера не всегда могли пробиться: с неба бомбили, с моря торпедировали... Не хватало продуктов, медикаментов, не было воды — колодец фашисты держали под прицельным огнем. Вместо бинтов Вера использовала немецкие парашюты, а воду заменяла роса, собранная по утрам ватой...

В те дни санинструктор Колодей, только что принятая кандидатом в члены партии, не раз встречалась с полковником Брежневым, разговаривала с ним, когда он приходил в санчасть к раненым. И нет ничего удивительного в том, что тридцать один год спустя, в 1974 году, когда городу Новороссийску вручались Золотая Звезда и орден Ленина, а бывшие защитники Малой земли решили сфотографироваться на память, Вера Ефимовна Колодей, кавалер двух орденов Красной Звезды и многих медалей, оказалась на этом широко известном теперь снимке рядом с Леонидом Ильичом Брежневым.

Раненые, раненые... Изо дня в день, долгие годы войны... Сотни раненых, тысячи... А навсегда запомнился один из первых — пограничник Калинин.

Многие десятилетия спустя, в случайном разговоре, услышала она эту фамилию от подруги и коллеги по сельскохозяйственным делам Валентины Васильевны Макаровой.

— Калинин? — переспросила Вера Ефимовна.— Пограничник?

— Пограничник. Николай Антонович.

Имя и отчество ничего не говорили — не до них было

в горячке боя. Может быть, внешность?.. Хоть санинструктор Колодей не успела толком рассмотреть раненого, но все-таки какие-то черты... фигура...

— Откуда мне знать? — удивилась Макарова.— Номер госпиталя могу сказать... И куда ранен... Когда умер... Все это выяснила, когда занялась поисками. А внешность?.. Я ведь тогда девчонкой была, далеко от этих мест...

2

В ту пору, когда санинструктор Колодей переправляла через Терек раненых, а пограничник Калинин до последнего патрона отстреливался от наседавших фашистов, Вале Макаровой было всего одиннадцать лет — солнечных, светлых, радостных.

Казалось бы, малая малость из всей жизни, а вот, поди ж ты, запоминается эта короткая пора ярче остальных долгих лет. Почему так? И заботы были, и тревоги... Смешные, правда, с точки зрения взрослых; наивные и чепуховые, если смотреть на них с лестницы годов, но и слезы вызывали, и отчаяние, и глухую безнадежность, когда, казалось, ничего уже поправить нельзя...

Почему же, почему все теперь окрашено в светлые тона? Наверное, потому, что рядом всегда были папа и мама, с нежными руками, ласковыми словами.

По вечерам, после работы, отец брал балалайку и с улыбкой спрашивал:

— Ну как, артистка, готова?

Валя всегда была готова петь и плясать. В отличие от старшей сестры Нины и совсем еще маленького братика Васьки она всюду успевала, все хотела уметь и знать. Стриженная под мальчишку, с короткой челкой, она и была как мальчишка — крепкая, ловкая, решительная.

Хорошо жили Макаровы до войны, распахнуто. В доме всегда были люди — родные, соседи, знакомые, просто прохожие. Отец, Василий Сергеевич, и особенно мама, Марья Ивановна, радовались людям и старались все сделать для людей — будто для этого и жили. Даже в глубокой старости, незадолго до кончины, когда и ходить стало трудно, Марья Ивановна аккуратно проведывала многочисленных знакомых, делала для них все, что было в силах.

Любовь и уважение к людям с детства впитала Валя.

И когда сейчас кто-то не понимает ее многолетнего поискового труда, потребовавшего немалых усилий, кто-то удивляется, недоумевает, а иные прямо спрашивают — зачем и для чего ей это понадобилось,— она просто не знает, что можно ответить на эти вопросы. Не только собой занят человек и не только для себя он живет — если бы это было так, какой скудной оказалась бы жизнь! Люди сильны и красивы тем, что крепко держатся друг друга. «Спешите делать добрые дела!» — кажется, так сказал очень хороший поэт. Поэты умеют кратко и образно выразить общие чувства и думы. Всем другим необязательно говорить, а то ведь слова нередко заменяют у иных дела. Надо просто поступать по совести, по велению сердца.

Обо всем этом она начала думать потом, в том возрасте, когда захотелось осмыслить свои поступки, самой понять их...

А тогда, до войны, жила, как миллионы детей в стране — светло, безоблачно, увлекательно. Школа, пионерский отряд, интересные походы... Незадолго до войны семья переехала в деревню Большая Коша на берегу Волги. А 19 июня 1941 года Макаровы въехали в новый просторный дом...

Через неделю отец ушел в армию. А еще через два месяца Макаровы с котомками на боку двинулись согласно эвакуационному листу в село Красный Холм.

Трехмесячное путешествие по дорогам войны... Непрерывные бомбежки и непреклонное требование Марьи Ивановны: детям быть возле нее — убьют, так всех сразу... Гул фашистских танков совсем рядом, на передовой... Постоянный голод и стертые в кровь ноги... Наступившие холода и все еще далекая цель путешествия, к которой шли зигзагами — в зависимости от вражеской авиации и линии фронта... Деревня Диево, где решили остаться... Волки на околице... Болезни от истощения...

Говорят, человек помнит только хорошее. Наверное, так. Но, может быть, надо время от времени вспоминать и страшное, чтобы обрести силы и уверенность, взять разбег на будущее... И как не помнить, что в том прифронтовом военном аду — иначе его не назовешь! — люди не только не зачерствели, но были особенно внимательны друг к другу, держались один одного, вместе переносили тяготы.

...Все это Валентина Васильевна Макарова припоминает и говорит скорее для себя самой, словно хочет понять

глубинные порывы и те поступки, объяснение которым не сразу найдешь. Ну вот, например, почему в Махачкале, куда семья переехала в сорок шестом, на первом курсе сельскохозяйственного института, при повышенной стипендии, она становится еще и уборщицей — почему?! Да просто желание не быть семье в тягость, самой одевать и кормить себя.

А многие годы спустя после окончания сельскохозяйственного института, когда поработала на опытной станции научным сотрудником, заложила коллекционный сад, окончила аспирантуру, трудилась в Министерстве сельского хозяйства Дагестана и разработала такую систему внесения удобрений — с таблицами, сроками, способами,— что ею и сейчас пользуются; когда, одним словом, крепко стояла на ногах, была уже солидным человеком и поехала на годичные курсы педфака Тимирязевской академии,— там она неожиданно и непонятно для многих опять стала по совместительству уборщицей. На этот раз действительно ради заработка и денег, без которых не побываешь в театрах, не доберешься до музеев, не купишь книги и не узнаешь хорошо Москву... Ну и что из того, что вставала чуть свет, мыла коридоры, лестницы, аудитории! Учебе не мешало, на здоровье не жаловалась, а возможности были огромные. В квартире Николая Островского познакомилась с женой писателя и там же увидела космонавтов. В театральном музее разговорилась с дочерью Ф. И. Шаляпина. На Новодевичьем кладбище поставила цветы к памятнику В. В. Маяковского, сменила воду в вазе... Кто-то даже спросил — не родственница ли поэта, а она ответила, что все мы его родственники, весь народ...

Ну разве не стоит встать раньше на несколько часов и поработать физически — тряпкой ли, веником, шваброй,— чтобы потом иметь возможность всюду бывать, все видеть, со всеми встречаться?

Местком решил премировать ее туристской путевкой по ленинским местам.

— Меня?! — обрадовалась и растерялась Макарова.

— Вы заслужили и учебой, и особенно бескорыстной помощью другим.

Да, уж что-что, а помогать всегда старалась всем, никому ни в какой просьбе не могла отказать. Порой до смешного доходило. На втором курсе института, когда была и членом факультетского комитета комсомола, и в хоре пела,

и танцевала, в баскетбол играла, волейбол, упросили ее участвовать в кроссе.

— Я же никогда не бегала,— доказывала Макарова.

— Неважно. Главное, не сходи с дистанции...

Ну и стыдно тогда было! Тянется в хвосте, а с трибун хохот, свист... Обозлилась на себя — слабая, что ли, силенок мало? — и припустила. Обогнала одну, вторую, третью... А тут еще с трибун подбадривающие крики: Ма-ка-ро-ва!.. Потом, после бега, поняла, что крики адресовались другой Макаровой, которая была любимицей, чемпионкой и бежала первой. Но в тот миг выложилась вся и неожиданно победила. Теперь стадион кричал уже в ее адрес: Ма-ка-ро-ва!!! Одно только омрачало: другая Макарова горько плакала. Не надо было, наверное, обгонять. А почему не надо? Это же спорт! Не только выносливость, сила, но и упорство, характер, умение настоять на своем и добиться цели.

Вот такой знали многие Макарову в сельскохозяйственном техникуме, где она преподавала курс водоснабжения и мелиорации, основы сельского хозяйства, была заместителем директора, занималась вместе со студентами спортом, создавала музей... Такой ее узнали в Дагестанском сельскохозяйственном техникуме по подготовке руководящих кадров для колхозов и совхозов, где заведовала отделением. И Вера Ефимовна Колодей, с которой вместе работали, тоже знала ее энергичной, целеустремленной, настойчивой. Но кто мог думать, что у этой женщины достанет сил и терпения на долгие годы труднейших поисков, на то, чтобы пройти через многие трудности и довести до конца розыски?!

3

Почти в самом центре Махачкалы, на улице имени 26 бакинских комиссаров, рядом с новой школой высится курган Славы — земляная горка, насыпанная на тротуаре ровной, отнюдь не холмистой улицы. Но дело совсем не в размерах, важно то, что в создание этого кургана внесли свой вклад многие жители Махачкалы и прежде всего бывшие военные врачи, медицинские сестры, санитары, которым особенно памятно это место, расположенное на стыке трех самых больших госпиталей Махачкалы.

Курган Славы, мемориальные доски воскрешают в памяти одних и заново рассказывают другим, родившимся после войны, историю почти ста госпиталей Дагестана, ста двадцати тысяч раненых — историю подвига и самоотверженности народов, населяющих эту землю, военной славы республики. Вот почему в Дагестане стараются сейчас запечатлеть на фотографиях здания, в которых размещались госпитали и которые в силу времени и обстоятельств могут навсегда исчезнуть.

На столе у Валентины Васильевны Макаровой среди карточек, географических атласов, справочников, рукописных журналов лежит многостраничный список, называемый прозаически: «Сведения о дислокации и специализации военных госпиталей города Махачкалы и Дагестанской АССР в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». С этого списка, с этих сведений началась поисковая работа Макаровой. Придет такое время — и надо верить, в скором будущем,— когда историки, работники музеев, а возможно, и писатели вплотную займутся госпиталями Дагестана, тогда списки, составленные Макаровой, окажут неоценимую помощь. И долгие месяцы, проведенные ею в архивах, поиски разрозненных сведений, анализ и изучение отдельных фактов и данных — все это предстанет в трудном и самоотверженном величии — придет такое время... А пока что листаешь эти списки и уносишься в давние, незабываемые годы...

...Госпиталь № 450, общехирургического профиля, размещался в школе № 5 на улице имени 26 бакинских комиссаров, имел двести коек, перебазировался в Махачкалу из Запорожья, находился здесь с 25 августа сорок первого по октябрь того же года, начальник госпиталя Н. Г. Белов...

Госпиталь № 5061, грудные и полостные ранения, находился в кинотеатре «Комсомолец» и в школе № 14 на улице имени Маркова с 20 марта сорок второго по 1 декабря сорок пятого...

Госпиталь № 4651... № 3187... № 1614...

Госпиталь № 4650, один из наиболее тяжелых, куда попадали с черепными, грудными ранениями и ранениями нижних конечностей,— так это называется на языке медицины. Тот самый госпиталь, куда был направлен пограничник Калинин и где оказалось много безвестных, хотя бы потому, что далеко не каждый раненый приходил в со-

знание и был в состоянии назвать свою фамилию, родных, свой город. На бумаге этот госпиталь ничем не отличается от многих других. И сведения такие же: размещался в бывшем механическом техникуме с 17 декабря сорок первого по 1 декабря сорок пятого, в разное время возглавляли госпиталь военные врачи Т. Е. Трахтенберг, Д. Г. Коваленко, А. Я. Турнер, мог принять и принимал больше тысячи раненых...

В тот поздний вечер капитан медицинской службы начальник отделения госпиталя № 4650 Александра Никифоровна Бекова отпросилась ненадолго домой проведать детишек. Вот уже несколько месяцев весь медицинский персонал жил на казарменном положении в самом госпитале: фронт был так близок, что раненые поступали прямо с поля боя. Круглые сутки, но больше всего ночью, когда прекращались бомбежки, привозили раненых на единственной машине, на нескольких подводах, а чаще всего приносили из железнодорожных вагонов на носилках.

Врачам и сестрам, санитарам — всему медицинскому персоналу госпиталей не надо было рассказывать о жестоких боях, о том, как стояли люди насмерть — они видели это. Раненые поступали из-под Севастополя, Пятигорска, Моздока, Сталинграда... Их было столько, что не хватало ни помещений, ни коек — в том памятном сорок втором году смертельные бои шли на всех участках огромного фронта.

Ночами тяжелых отправляли в Красноводск. А тех, кто полегче, у кого были надежды на скорое выздоровление, размещали на частных квартирах.

Удивительные люди живут на этой земле, омываемой с одной стороны Каспием и уходящей другим краем высоко в горы,— добрые, открытые, честные, мужественные, многие десятки национальностей и народностей, говорящие на разных, порой совсем несхожих языках, но без слов понимающие друг друга в самом главном, человечном. Не случайно костромичка Александра Никифоровна Правоторова, окончившая московский медицинский институт и приехавшая сюда работать, осталась в Дагестане, вышла замуж за кумыка и стала Бековой. Только при активной помощи всего населения Дагестана, всех жителей Махачкалы удалось в кратчайшие сроки развернуть многие десятки госпиталей и в несколько дней начать лечение раненых...

Она тяжело вздохнула, подумав о том, что из госпита-

ля № 4650 никто еще не был определен долечиваться на частные квартиры — тяжелый госпиталь, тяжелые ранения. Какие же нервы надо иметь молоденьким сестрам и санитаркам, совсем еще девочкам, чтобы присутствовать при нечеловеческих страданиях раненых. И не просто присутствовать, но и всячески облегчать страдания — лаской, словом, материнским терпением. Даже ей, тридцатилетней женщине с врачебной практикой, трудно... Откуда же берутся силы у Кати Алискеровой, Лиды Флотской, у собственной сестренки Вареньки Правоторовой...

Утром Катя Алискерова горько плакала:

— Не могу больше, не могу... Совсем молоденький, еще мальчик... Похоронили...

Ночами хоронили умерших. На братском кладбище, в братских могилах. На дощечке писали фамилии, если они были известны: случалось, умирали безымянными, так и не приходя в сознание и не сумев даже назвать себя. А нередко и фамилии ничего не давали, даже адреса родных — кому и как сообщишь, коль город под фашистом или идут там, как в Сталинграде, жестокие бои. Разве что со временем расскажет о судьбах близких людей деревянная табличка на могиле или запись в истории болезни...

Но деревянные таблички оказались недолговечными. И когда в пятидесятом году решили махачкалинцы установить на обширном братском кладбище каменные надгробия и написать золотом фамилии умерших, то оказалось, что из десятка фамилий на каждой дощечке сохранились одна-две — и то порой искаженные. А истории болезни давным давно сданы в архив и увезены в Ленинград. Да и у кого бы достало сил, терпения, времени поднять тонны бумаг, сверить надписи, исправить их, а самое главное, известить родственников. И как известишь, если за войну и послевоенные годы многие переехали в другие места — по работе, в поисках счастья, к родственникам — мало ли по какой причине покидают люди насиженные места и отправляются в новые края, тем более после такой долгой и суровой войны, которая коснулась буквально каждой семьи. И до сего времени многие тысячи хранят горькие извещения о пропавшем без вести, все еще веря и надеясь, что когда-нибудь станет наконец известна судьба близких...

В ту ночь, когда Александра Никифоровна проведала детей и вернулась в госпиталь, хоронили еще нескольких

человек. Сестры ходили заплаканными, хотя за долгие месяцы могли бы привыкнуть к смертям; настроение у всех подавленное, словно вина лежит на каждом и будто не все было сделано, чтобы спасти раненых. Лида Флотская сказала, что умерли пограничник Николай Антонович Калинин, кавалерист полка войск НКВД Иван Котков и лейтенант Андрей Алексеевич Таралевич, тоже из войск НКВД... На этот раз хоть фамилии известны, подумала Бекова, значит, узнают родные...

...С той далекой поры прошло почти сорок лет. Александра Никифоровна давно уже на пенсии, растит внуков. Пенсионерами стали Лидия Ивановна Флотская и Екатерина Ибрагимовна Алискерова. И хотя за долгие годы многое забылось — человеческая память, она ведь как сито: одни события удерживает, а другие упускает,— но все они по крупицам припоминают и восстанавливают то незабываемое время, историю махачкалинских и дагестанских госпиталей. Ну как не припомнить и не рассказать о Порфирии Ивановиче Горысеве, старом члене партии, который в четыре дня организовал и разместил в гостинице «Дагестан» первый в Махачкале госпиталь на тысячу человек и через три дня после организации принял на лечение восемьсот раненых. Или о главном хирурге Дмитрии Георгиевиче Коваленко, живущем сейчас в Ленинграде, который делал удивительные операции и многим спас жизнь. А недавно приезжал иркутянин с женой — в войну он лежал в госпитале № 4650. Не сдержал он слез, когда подвела его Александра Никифоровна к механическому техникуму, где был в войну госпиталь. Вот и решила все это записать, чтобы не забылось, детям и внукам осталось,— жаль, раньше не делала. И о медицинской сестре Екатерине Григорьевне Збарах, которая умерла в госпитале,— даже фотография осталась... И об Ольге Николаевне Пугачевой, которая сопровождала эшелон добровольцев «Красный Дагестан»... И вообще фамилии всех работников госпиталей, которые еще держит память, пусть останутся в музее боевой славы, в разделе, посвященном медицинским работникам...

— Недавно приезжала из Павлограда сестра Екатерины Збарах — Евдокия Григорьевна Каменева,— уточняет Макарова.

Она внимательно слушает Бекову, время от времени дополняя ее рассказ, уточняя фамилии, госпитали... Она

никогда не видела ни медицинскую сестру Збарах, ни главного паталогоанатома эвакогоспиталей Махачкалы Н. Л. Водоноса; не давала раненым лекарства, не делала перевязки, не хоронила ночами... Но все это она пережила совсем недавно, когда вплотную занялась госпиталями, фамилиями похороненных на братском кладбище...

4

«Уважаемая Валентина Васильевна! Слышали по телевидению и читали в центральных газетах о том, как разыскиваете погибших в Великую Отечественную войну. Просьба к Вам: может быть, удастся разыскать сына? У нас только такие сведения: пропал без вести в сорок первом году. Сын мой Владимир Александрович Борвенок родился в Одессе в 1925 году. Последнее предвоенное время учился в Одесской спецшколе артиллерийского одесского училища, и в 1941 году вся школа эвакуировалась в неизвестном направлении, и мы о нем ничего не знали всю войну, так как мы при тяжелых обстоятельствах находились в оккупированной Одессе. После войны мы запрашивали о сыне и выяснили, что школа эвакуировалась в Бухару, где находилась всю войну... окончившие училище были отправлены на фронт. Относительно сына мне сообщили, что он заболел и был отправлен в госпиталь в Бухаре. И вообще эвакогоспиталь после выздоровления отправляет в часть. После окончания войны эвакогоспиталь расформировали, и все концы пропали. Больше нам ничего не удалось узнать. И нам прислали ответ на все запросы, что сын пропал без вести. Наша большая просьба к Вам— может быть, Вам удастся что-либо выяснить, где наш мальчик и какая его судьба. Люди находят друг друга через тридцать — сорок лет. Может быть, он где-нибудь живет. Нас осталось двое — я, мать его, Евгения Владимировна Борвенок, и сестра его, Мария Александровна Борвенок. Живем мы в Ильичевске на улице Ленина, 25, квартира 30».

Она читала письмо, которое без адреса нашло ее — Махачкала, поисковая группа погибших в Великую Отечественную войну, Валентине Васильевне Макаровой,— и думала, чем можно помочь этой женщине. Дать ей адрес архива при ленинградском Военно-медицинском музее,

где сосредоточены подробные сведения обо всех госпиталях и всех, кто был на излечении? Или лучше самой написать туда — теперь там достаточно и знакомых и друзей, которые откликнутся на любой запрос Макаровой. Ничего, правда, общего нет у нее, Валентины Васильевны Макаровой, ни с Ильичевском, ни с госпиталем в Бухаре — она занимается госпиталями только Махачкалы и Дагестана. Но как об этом скажешь женщине, которая обратилась к ней, может быть, с последней надеждой и которая все еще живет верой в то, что отыщется ее мальчик? Сколько же ей сейчас лет, этой женщине, которой война нанесла глубокую, всю жизнь незаживающую рану? Пусть даже молодой вышла замуж и рано родила — все равно самое малое под восемьдесят. Надо запрашивать, искать, отвечать...

А письма идут без конца — вот они, полный шкаф, многие сотни. Хорошо еще, что не все с новыми просьбами, многие с благодарностями — иначе не хватило бы ни сил, ни времени, ни жизни. Но ведь и на благодарственные письма надо отвечать...

С чего же и когда все началось? Нет, не поток писем — это после статей в центральных газетах и передач по телевидению,— а вообще вся многолетняя работа по розыску погибших? С рассказа Веры Ефимовны Колодей о ее первом раненом — кстати, родственники Николая Антоновича Калинина так и не отозвались, хотя она посылала не один запрос в деревню Плетниковскую Вожгалинского района Кировской области; придется снова разыскивать, запрашивать, устанавливать, пока не отыщутся близкие пограничника, пусть хоть трижды переменили они местожительство... Или с того давнего поразительного случая еще во время работы в Буйнакске, когда в День Победы стоял в почетном карауле на братском кладбище молодой солдат и вдруг неожиданно среди множества фамилий погибших обнаружил фамилию, имя, отчество, год рождения своего отца, о котором знал только, что был ранен в Сталинграде и отправлен в госпиталь. Заплакал солдат от горя, неожиданности и потому, что не знал, как известить мать в Красноярске, которая все еще надеется, что муж жив. И вместе с ним плакала Макарова... Об умерших в ленинградскую блокаду родственниках, о своем отце, умершем вскоре после войны...

И еще одна история навсегда вошла в сердце. В Верх-

нем Джунгутае, где она в свое время закладывала сады и ставила опыты с плодовыми деревьями, рядом с домом аварской семьи, в котором она квартировала, стоял нежилой дом и находился обширный двор. Но ни дом, ни двор не производили впечатление заброшенного, запущенного. Каждое утро кто-то подметал территорию, проветривал комнаты, ставил на стол свежие цветы... Это был дом-памятник, дом-святыня. Когда-то в нем жила женщина с единственным сыном. Он погиб на фронте, ее мальчик, а вскоре от горя умерла и мать. Но аварцы, кумыки, русские, живущие в Верхнем Джунгутае, по молчаливому согласию ухаживают за домом и хранят память о сыне и матери.

Эти и многие другие случаи, факты, события незаметно, но все же, видимо, глубоко действовали, откладывались в памяти. И когда в очередной раз пришла Макарова по весне со студентами сельхозтехникума на братское кладбище Махачкалы, чтобы, по обыкновению, прибрать территорию, то по-иному посмотрела на многочисленные таблички с надписями: «Неизвестный» — и на то, что никогда никого из родственников здесь не видела. Ну пусть не приходят и не приезжают к тем могилам, где неизвестно кто похоронен,— это еще можно понять, хотя мириться с неизвестностью никак нельзя. Но почему никого не бывает у могил с фамилиями? Допустим, не каждый может приехать, скажем, с Дальнего Востока, хоть и трудно поверить, чтобы расстояния остановили родственников. А из Армении, Азербайджана, Грузии — рукой подать, совсем рядом. Или просто не знают родственники об этих могилах — не известили их по каким-то причинам ни в свое время, ни сейчас...

У сто первой могилы неожиданно увидела Нину Васильевну Коршунову, с которой одно время работала в Министерстве сельского хозяйства. Немногочисленная семья Коршуновых — муж, жена, сынишка — заботливо прибрали могилу, белили надгробие.

— Родственник? — удивилась Макарова, прочитав на табличке грузинскую фамилию.— Или знакомый?

Нина Васильевна отрицательно покачала головой:

— Нет. Просто выбрали могилу и ухаживаем. Многие махачкалинцы так делают.

В тот раз Макарова решила со своими студентами навести полный порядок на всех трех обширных, в тысячу

с лишним надгробий, братских кладбищах, расположенных друг за другом. И прежде всего убрать и вывезти лишнюю землю, которая за долгие годы легла таким плотным и высоким слоем, что чуть ли не занесла надгробия. Студенты горячо взялись за работу. Никто при этом не предупреждал их и не просил помнить о святости кладбища, о том, что здесь не надо бы шуметь, громко говорить, курить... Все получилось само собой: работали молча, курить выходили за территорию, землю убирали руками. А как же иначе! Бывают такие положения, когда не нужно никаких слов и предупреждений, когда человек сам понимает, как себя вести — интуиция подсказывает, внутренний такт. Разве не молчат многие тысячи людей на Пискаревском кладбище... Или не стоит молча и терпеливо огромная очередь на Мойке у дома Пушкина, несмотря на морозы, метель... Однажды Валя торопилась и попросила у очереди разрешения войти на минуту, поставить цветы. Кто-то начал было возражать, дескать, знаем мы ваше нетерпение, лишь бы скорее пройти. Но очередь ее поняла. Она прошла в квартиру, поставила цветы на рабочий стол Александра Сергеевича, поклонилась и тут же ушла, еще раз поблагодарив чуткую очередь.

Они бы могли убрать землю в два-три дня, если бы призвали на помощь всех желающих студентов — хоть тысячу человек. Но решили работать малым количеством, человек тридцать, чтобы не превращать это святое дело в обычный шумный аврал. И приходить каждый день после занятий, иначе, по выходным и праздничным дням, работа растянется на долгие, нескончаемые месяцы.

И еще сказала она студентам: кому некогда, или работа не по душе, или кто просто устал — пусть скажет сразу, никто не осудит и не упрекнет, но все должно быть сугубо добровольно — как на фронте.

Все до единого, говоря опять же по-фронтовому, сделали шаг вперед. Даргинец Заид Балашов, чеченец Иса Маниев, кумык Серажудин Салаватов, лезгинка Фатима Эмирчубанова, табасаранец Абдулмеджид Гамидов, ногаец Бейтула Карагулов, аварец Омаргаджи Магомеднабиев — и с ними руководители учебных классов Алил Ярахмедов, Магомед Гаджиахмедов, Софья Хмельницкая, Надежда Белоглазова...

Землю надо как-то вывезти, и Макарова решила выпросить у треста саночистки самосвал. Поначалу ее и слу-

шать не хотели — этого еще не хватало, будто у треста нет своих забот, пусть вывозит кладбищенская контора...

— У конторы бортовая машина,— терпеливо разъясняла Макарова.— Придется не только нагружать, но и разгружать...

— Ну и что?

— Где взять столько времени?

— А мы при чем? — равнодушно сказал работник треста.

— Вы же воевали, судя по вашим орденским планкам,— не выдержала Макарова.— Неужели вам говорить о погибших?

Наступило долгое молчание...

— Одного самосвала хватит?

— Хватит,— обрадовалась Макарова, не ожидавшая такого поворота.

— Не управитесь, лучше два.

Весть о работе студентов разнеслась по всему городу. На кладбище приходили местные жители. Многие из них имели в свое время прямое отношение к госпиталям и раненым или были свидетелями похорон. Старая аварка в традиционном черном платке сказала:

— Я видела, как хоронили. Это святая земля, здесь надо стоять на коленях.

Именно так, на коленях, и работали студенты, выдергивая каждую сорную травинку, горстями сгребая землю...

Шестнадцать самосвалов земли вывезли студенты. Побелили надгробия, поправили табличкп, посадили траву, привели в порядок деревья, завезли и рассыпали желтый песок... И совсем по-другому стали выглядеть три братских кладбища Махачкалы — строже, торжественнее...

К тому времени, когда работы завершались, у Макаровой не просто появилась мысль, а возникла горячая потребность — выявить похороненных на кладбище и установить фамилии безвестных — чтобы не было укоряющих табличек.

Кто может хоть что-нибудь знать об умерших в госпиталях? Скорее всего, работники городского военкомата, которые в свое время занимались госпиталями и должны были сохранить сведения о тех, кто находился на излечении.

Валентина Васильевна дала своим студентам задание: переписать с надгробий все фамилии, имена, отчества, даты рождения и смерти — одним словом, все имеющиеся

данные с указанием номеров могил. А сама пошла в Советский райвоенкомат к Гаджи Халиловичу Омарову, которого знала по тем временам, когда создавала музей в сельхозтехникуме. Хотелось посоветоваться не только со знающим военным, но и с человеком, брат которого тоже пропал без вести на фронте.

— У нас, в военкомате, хранятся списки умерших,— неожиданно сообщил Омаров.

— Я могу с ними ознакомиться?

— Пожалуйста.

— И переписать?

Омаров удивленно посмотрел на взволнованную женщину:

— Зачем?

— Ну как же! — горячо заговорила Макарова.— Столько безвестных могил... Может быть, найдутся забытые или пропущенные фамилии...

— Вряд ли... Но — попробуйте.

Хорошо, что техникум находится по-соседству и каждый свободный от занятий час Макарова проводила в военкомате — иначе никогда и ни за что бы не управилась: дать списки домой категорически отказался даже Омаров. Она и приблизительно не представляла, какие трудности кроются за таким простым понятием, как работа со списками. Ну хотя бы начать с того, что госпиталь № 2924 оставил военкомату списки, в которых были указаны только фамилии — ни имен, ни дат, ни воинских званий — ничего! Госпиталь № 4650 представил списки за один только сорок третий год, хотя находился на этой территории четыре года. Много путаного было в списках других госпиталей. Правда, чтобы обнаружить путаницу и вообще выявить изъяны, Макаровой пришлось заново составить списки четырех госпиталей по алфавиту, пометить возле каждой фамилии недостающие данные...

К тому времени студенты составили списки фамилий на надгробиях. И Макарова засела за другую работу: она решила составить список надгробий по алфавиту и по номерам могил, например, на букву «а» — третья могила, седьмая, пятьдесят пятая и так далее по всем буквам...

Работа потребовала огромного внимания, усидчивости, терпения, кропотливости — всего того, чем Макарова при ее подвижности, общительности, спортивности и профессии агронома не могла до сих пор похвалиться. Привыкшая к

свежему воздуху, к садам и полям, к запаху трав, Валентина Васильевна Макарова за какой-то месяц стала непохожей на себя. А вскоре пришлось не только выписать очки, но и работать с лупой...

Военкоматские списки и надписи на надгробиях во многом не совпадали: в тысяче двухстах фамилиях были десятки расхождений. Ну как правильно — Варакин или Вараксин — при остальных одинаковых данных? Одна-единственная буква, но совсем не мелочь. В списках Вараксин, на надгробии Варакин. Чья-то невнимательность, поспешность, усталость; а может быть, стерлась буква на деревянной дощечке — и в результате вот уже сорок лет человек числится пропавшим без вести. Патрикей или Петрикей? И почему на двух надгробиях одна и та же фамилия Горбат с одинаковыми инициалами и остальными данными?

Три месяца страшного напряжения — май, июнь, июль 1977 года... Шаг за шагом, фамилия за фамилией, день за днем... И стало ясно, что здесь, в Махачкале, ничего больше не узнает и не уточнит. Надо ехать в Ленинград и уточнять в архиве...

5

Работники архива Тамара Алексеевна Маришенко и Николай Алексеевич Яковлев, к которым по приезде в Ленинград обратилась Макарова, не скрыли своего удивления и сомнения: уж кто-кто, а они хорошо понимали, какую тяжкую, почти невыполнимую задачу поставила перед собой эта женщина... Тем не менее проявили горячую заинтересованность. Впрочем, в Ленинграде вообще не оказалось равнодушных — люди, что ли, там такие или блокадная военная пора навсегда осталась в памяти и современников и потомков, навеки сроднив поколения... Жаль, не запомнила Макарова многие фамилии, например, гостиничных работников — хотелось бы назвать всех, отдать всем должное и низко поклониться, потому что без доброго участия многих ничего бы не сумела добиться...

— Давайте попробуем,— согласилась старшая хранительница архива Тамара Алексеевна Маришенко.

— С чего начинать? — спросила Макарова.

— Наверное, с дислокации госпиталей,— подумала Ма-

ришенко.— Да, пожалуй. Без этих данных ничего у нас не получится.

Она так и сказала — у нас! И Макарова была глубоко благодарна этой женщине, которая согласилась оказывать ей помощь и взяла на себя немалую долю забот по архивным документам.

— Вот вам стол,— сказала Тамара Алексеевна.— Начинаем мы в восемь часов тридцать минут и кончаем в половине шестого. Вы — человек свободный, можете приходить, когда вам удобнее, тем более что и Ленинград захочется посмотреть. Только имейте в виду, архивная работа — тяжкий труд, он потребует все ваше время.

— Я понимаю.

— Придется от многого отказаться...

— Да, наверное...

Тамара Алексеевна с недоверчивой улыбкой посмотрела на молодую женщину, которая заранее отказывалась от многого. Она тогда еще не знала Валентину Васильевну Макарову. Впрочем, и сама Макарова не знала как следует себя. И если бы ей сказали, что за четыре года поисков она ни разу не побывает в кинотеатре — не поверила бы, может быть, испугалась. И что будет тратить все свои заработки на письма и телеграммы, откажет себе в самом необходимом... Наверное, хорошо, что люди не знают заранее, что их ожидает, какой тернистый путь они выбирают — иначе бы многие от многого отказались...

Ленинград она увидела в другой раз, в другие поездки. А тогда пошла и купила три толстые тетради.

— Вооружились? — проговорила Маришенко.— Ну начинайте. Только не пропускайте ни один госпиталь, пусть даже был он в Дагестане хоть день... И в этот день умирали люди...

Неделю переписывала госпитали со справочников, добавляя из других документов все остальные данные: адрес, профиль, даты, место дислокации, ближайшую железную дорогу, количество коек, фамилию начальника... В глазах рябило, в голове звенело, не хватало свежего воздуха... И вообще хотелось все бросить и бежать подальше: может быть, никому и не нужна эта изнурительная работа?.. Но как иначе доберешься до раненых, их судеб, фамилий?..

К слову сказать, три толстые, полностью заполненные тетради по приезде Макаровой в Махачкалу были переданы в местный музей, а копии остались в музейном ар-

хиве, где они оказывают многим неоценимую помощь. Но это все потом... А тогда, окончив выборку госпиталей, она принялась за списки умерших...

И опять все оказалось не так просто — идти в хранилище, договариваться, искать свои госпитали и своих раненых — да, теперь уже без всякой натяжки своих, именно своих, так она с ними свыклась и породнилась! — выбирать, переписывать, уточнять, даже догадываться...

Сорок лет назад, в горячие дни войны, истории болезни и карточки писались карандашом на книжных листах, оберточной бумаге, на газетах... И далеко не всегда сшивались. Нет, в недобросовестности военных врачей того времени, сестер, санитарок никак не обвинишь — они всю душу отдавали раненым. Это чувствуется по записям, которые далеки от официальности и стандарта, где за каждым словом — тревога, боль, бессонные ночи. «Губки у больного сухие...», «Всю ночь говорил в бреду на своем языке...», «Не переставая звал маму...» Может быть, и в самом деле не губы, а совсем еще мальчишеские губки... Но это мог заметить и написать только почти родственный человек, глубоко переживающий ход болезни раненого.

Где ты теперь, душевная сестра или врач? Уцелела ли за длинные годы войны? Как сложилась твоя жизнь и знаешь ли, где тот раненый, которому ты смачивала сухие губки?..

Так кто теперь осмелится произнести, пусть даже мысленно, недобрые слова в адрес врачей и сестер, если не на месте все листы или какая-то путаница,— мало ли тому было причин во время войны. Надо просто-напросто добросовестно искать, переклеивать, заново сшивать странички, на многих из которых навсегда остались следы крови... И коль скоро листает она, Макарова, архивы махачкалинских госпиталей, почему же по ходу работы не подшить обложку, не подклеить ветхую страничку, не подложить отыскавшийся лист туда, где он должен быть. Ведь это же не просто архив, а люди, которые когда-то радовались, смеялись, переживали, воевали и только в силу обстоятельств не дожили свое...

Хорошо, что за время работы в архиве изучила она почерки, манеру письма и почти безошибочно может сказать, какому госпиталю принадлежит запись,— это очень помогает. Иначе никогда бы не разобралась с путаной историей Назарова.

Вот уж над чем пришлось поломать голову! Всюду, на всех страницах, Назаров, Назаров... И вдруг бумажка... «Прошу сообщить состояние больного Земляного. Майор медицинской службы Александров».

Так кто же все-таки — Назаров или Земляной? Путаница или случайная записка? В истории болезни записано, что поступил с тяжелым черепным ранением, несколько суток был без сознания, сделали трепанацию черепа... А что дальше, где конец истории болезни?

Она внимательно просмотрела сотни листов всех госпиталей Махачкалы, пока не обнаружила знакомый почерк, ту же фамилию и небольшую приписку о том, что больной ненадолго пришел перед смертью в себя и назвал себя Земляным из города Одессы. Гадать теперь, как мог Земляной стать Назаровым,— бесполезное дело. Гораздо важнее найти родственников Земляного. Но сначала следует обо всем доложить работникам архива и только с их разрешения присоединить к истории болезни найденный лист.

— А вы знаете, это серьезное научное исследование.

Валентина Васильевна пожала плечами: может быть, исследование, даже готовая диссертация, как уверяют некоторые, но важнее, что отыскался еще один без вести пропавший...

6

23 января 1978 года, многие месяцы спустя после первой поездки в Ленинград и первых результатов поисков, жители Махачкалы и всего Дагестана с волнением смотрели телевизионную передачу — экран впервые показывал мало кому известную Макарову и родственников умершего от ран в сорок втором году бойца Гасана Ахмедова из дагестанского села Уркарах.

Каким образом и как узнали работники студии телевидения о поисках Макаровой, ее поездке в Ленинград — уму непостижимо, секрет фирмы, как шутит директор студии Феликс Аванесович Астратянц — человек большой души, горячей заинтересованности, который и по сей день в курсе всех поисковых дел. Во всяком случае, сама Макарова никому еще ничего не говорила. Но вот пришли к ней редактор Заур Казулаев, режиссер Татьяна Федорченко и по-

интересовались, есть ли среди умерших в госпиталях дагестанцы. Валентина Васильевна назвала несколько фамилий. А все дальнейшее было чудом — и для тех, кто смотрел телевизор, и особенно для родственников умершего — жены, сына, дочери, которые долгие годы ничего не знали о близком человеке. Можно только приблизительно представить себе, как их потряс звонок со студии телевидения и сообщение о том, что пропавший без вести отец похоронен на братском кладбище Махачкалы. Через минуту об этом знала вся школа, в которой директором сын умершего; больница, где врачом его дочь; вся округа, включая окрестные села. И тут же многочисленные родственники в сопровождении друзей поехали в Махачкалу.

Работники телевидения задумали познакомить родственников и Макарову неожиданно. Вот почему решили привезти Валентину Васильевну на место встречи в самую последнюю минуту, когда там будут уже и родственники и студенты сельхозтехникума, помогавшие в поисках. На всякий случай Макарову попросили подготовить и запомнить текст — неожиданность неожиданностью, но заранее разработанный сценарий все же надежнее.

Мороз стоял в тот январь жесточайший. Студенты крепко промерзли, но все же дождались родственников. И когда все подошли с корзинами цветов к могиле солдата, родственники увидели Макарову, о которой им уже рассказали. И тут все получилось так неожиданно, что даже многоопытный телевизионный режиссер забыл о сценарии и поначалу растерялся, но сразу же спохватился и без всякой подготовки показал телезрителям то, что не придумаешь ни на какой репетиции и никоим образом не подготовишь,— горячие слезы, крепкие объятия, сердечные слова благодарности... И солдатского сына, который раскинул руки на заснеженной могильной плите, словно пытался растопить холодный камень и отогреть мерзлую землю...

Вот так впервые узнал Дагестан о Макаровой. О суровой и трагической судьбе пропавшего без вести солдата, многолетних надеждах родственников, о волнующем завершении поисков...

А некоторое время спустя журналист Курбан Магомедов рассказал на страницах журнала «Женщина Дагестана» еще одну волнующую историю.

«У моего друга Запира нашелся отец. Фронтовик, считавшийся без вести пропавшим, Магомедов Харбил Рама-

занович из селения Кунки Дахадаевского района... Харбил нашелся на воинском кладбище Махачкалы. В суровом ряду могил, под бетонной плитой с щемящим сердце словом «Неизвестный». Нашла его Валентина Васильевна Макарова...

Понятно, как взволновала родных солдата весть об отце... Запир уже через несколько минут после звонка из редакции помчался в Махачкалу, на кладбище, и потом — к Макаровой. Отец нашелся, отец!!! Он похоронен в родной земле, и отныне можно приходить к нему, когда позовет сердце. В горах говорят: когда мы стоим у могильных камней, погибшие видят, слышат нас и глядят на нас родниковыми, а по ночам — звездными глазами...»

В очерке приведена еще одна подробность.

«...Слесарь-наладчик Махачкалинского рыбоконсервного комбината, а в войну моряк-черноморец, Михаил Минович Мищенко и его жена пришли, как приходили многие годы, к могиле неизвестного солдата под номером 140. Брат Михаила, Сергей, погиб в Восточной Пруссии за несколько месяцев до победных залпов, и никто не знает, где он нашел свой покой. Супруги выбрали на воинском кладбище могилу неизвестного солдата и приходили к ней... И вдруг они увидели на могиле мраморную плиту с портретом в металле и надпись: «Магомедов Харбил Рамазанович, Дахадаевский район, с. Кунки. 1941—1943». Растерялись супруги Мищенко... В растерянности и Запир со своей семьей... Но вот они знакомятся, рассказывают друг другу историю Харбила и Сергея... И с того дня навеки породнились две семьи...»

А Макарова тем временем сверяла архивные данные с военкоматскими списками и надписями на надгробиях, начала поиски родственников — иначе нет никакого смысла во всей работе, если умершие в госпиталях по-прежнему будут числиться пропавшими без вести. А ведь к прежним, выясненным в Махачкале фамилиям добавилось после работы в архиве ни много ни мало — полторы тысячи человек. Подумать только — полторы тысячи безвестных! И сколько у каждого из них близких людей, у которых до сих пор кровоточат раны и которые не могут и не хотят мириться с коротким сообщением — «пропал без вести»... Да вот хотя бы перед отъездом в Ленинград пришел к Макаровой мужчина и попросил помочь в розысках отца.

— Халилов фамилия. Здешний. Большой такой, красивый...

— Запомнили? — удивилась Макарова, подумав, что в войну он был совсем крохой, этот мужчина.

— Почему запомнил? Не мог запомнить. Когда я родился, он уже воевал. Мама говорила. Сильный, красивый.

Вот так... Никогда не видел отца, мамы уже нет, сам прошагал добрую половину жизни — и не может успокоиться, разыскивает, хочет знать, как и где сложил голову защитник Родины Халилов, фамилию которого носит. Чем поможешь, если ничего сын не знает — ни но́мера части, ни военкомата, ни рода войск... Может быть, попал Халилов-отец в одну из дивизий, формировавшихся в Махачкале,— тогда еще есть надежда, номера дивизий известны. А если направили его в другие части, которые здесь доукомплектовывались и сразу уходили в бой?.. Надо писать в газеты, па радио, в специальные бюллетени — вдруг кто-нибудь и отзовется...

А почему бы самой не обратиться в газеты тех городов и районов, где до войны и ухода на фронт жили умершие в госпиталях Махачкалы? Это же самый верный путь к розыску родственников...

Она написала, потом упросила отпечатать на гектографе и разослала во многие газеты вот такое обращение:

«Уважаемые сотрудники газеты, здравствуйте! К вам обращаются учащиеся Дагестанского сельскохозяйственного техникума по подготовке руководящих кадров для колхозов и совхозов. О нашей работе писала газета «Правда» 2 мая 1978 года в статье «Имя твое известно». Нами были проработаны архивы госпиталей, которые дислоцировались в г. Махачкале в годы Великой Отечественной войны. В результате этой работы установлены фамилии воинов, которые умерли в госпиталях и похоронены на братском кладбище. Просим вас опубликовать данные о ваших земляках в газете. Сведения нам нужны по уточнению списков, а также для сообщения родственникам о судьбе погибших. Просим всех, кто знал этих людей, сообщить по адресу: г. Махачкала, ул. Гагарина, дом 132 (56), кв. 19, Макаровой Валентине Васильевне».

В конце каждого письма добавляла от руки фамилию и все, что знала об умершем. А таких писем было многие сотни. И хоть обращалась Макарова от имени студентов сельхозтехникума, но рассылать письма, получать ответы,

систематизировать их, пополнять картотеку и делать многое другое приходилось самой... И устраивать в гостиницах, а то и у себя в небольшой однокомнатной квартире родственников умерших, которые без всякого предупреждения, сами по себе, сразу же по получении известия о близком мчались в Махачкалу со всех концов страны,— кто их за это осудит! И кто упрекнет их в том, что со всеми перешенными вопросами и затруднениями, вплоть до приобретения обратных билетов, они шли не к городским властям и не в соответствующие организации, а только к Макаровой, считая, что эта женщина все может и все должна.

И она все делала — не отмахнешься же от потрясенных неожиданным известием людей, чаще всего пожилых, а то и престарелых, у которых нет здесь ни одного знакомого. Сопровождала на кладбище, водила к зданиям, где размещались когда-то госпитали, читала и перечитывала родственникам скудные записи в картотеке, отправлялась за цветами, заказывала фотографии и надписи на надгробия... Директор мастерской Ахмед Амирханов, мастера Арслан Гаджиев, Магомед Арсланов, Олег Илюшкин, Алимхан Акаев, Залимхан Амиров не только узнали за это время Валентину Васильевну Макарову, которую почти каждый день видели на кладбище, но и хорошо поняли ее заботы, тем более что почти у каждого была своя горькая военная утрата. И когда Макарова приводила родственников, мастера откладывали все работы и тут же, в один день, делали новые надписи на надгробия...

После той январской телевизионной передачи о встрече у могилы Гасана Ахмедова, после статей в газетах посыпались со всех сторон письма с запросами, ответами, уточнениями...

Наверное, одной бы все это оказалось не под силу. Но в том и счастье, что никогда не была одной — ни в Махачкале, ни в Ленинграде. Сколько нашлось рядом отзывчивых, чутких людей! Пусть не каждый из них оказал какую-то существенную помощь в работе, но ведь и доброе слово помогает, и дружеский взгляд... Бывший министр культуры, а ныне заместитель директора музея Изумруд Гаджиевна Губаханова... Работники горкома комсомола... Вахтеры в техникуме Антонина Александровна Пецентий, Мария Корниловна Петухова, Мария Яковлевна Сопина... Мастер одного из заводов ветеран войны Сергей Пет-

рович Ельчанинов, который вот уже десять лет занимается поисками своих одноклассников и учителей... Журналисты и писатели...

7

Это письмо среди очередной солидной пачки посланий было подписано — Владимир Федорович Макаров. «Кто-нибудь из родственников умерших»,— подумала Валентина Васильевна. На братском кладбище несколько Макаровых. Труднее всех дался рядовой 716-го стрелкового полка Михаил Фаддеевич Макаров из Сталинградской области, умерший от осколочного черепного ранения 7 ноября 1941 года. В списках значился Макеевым, это ж надо так перепутать или ошибиться. Сколько потребовалось сил и времени, пока уточняла, выясняла, разыскивала родственников — брата, сестер, дочь Кириллову Таисию Михайловну, которая живет в Средней Ахтубе Волгоградской области... Наверное, кто-нибудь из них и благодарит в этом письме...

«Здравствуйте уважаемая и незнакомая Валентина Васильевна! Пишет вам инвалид войны Владимир Федорович Макаров, который проживает по адресу: почтовое отделение Хлебодаровка Волновахского района Донецкой области. Прочитал о вас и вашем поиске в газете «Правда» и хочу сказать спасибо и выразить свое восхищение. Сам я участник Великой Отечественной войны, родился в 1927 году. Мальчишкой ушел на фронт с нашими наступающими войсками, был танкистом, ранен, лежал в госпиталях. А еще мы с вами коллеги по работе — я тоже окончил сельскохозяйственный техникум. Если дадите совет и скажете, с чего и как начинать,— займусь поисками своих однополчан. А если не выберетесь написать, я не обижусь и все равно буду вас уважать, потому что вы делаете большое дело. Может быть, вам нужна моя помощь? Я с радостью...»

Отвечать не то чтобы не хотелось, а просто не было времени. Да и что она, профессор, что ли, чтобы давать советы и направлять на путь поисков,— сама движется на ощупь и работает по интуиции. А насчет помощи... Конечно, неплохо бы.., Но чем он может помочь на расстоянии?..

Показала письмо Макарова Вере Ефимовне Колодей. И та вдруг сказала:

— Человек он, судя по письму и биографии, серьезный... Поручи ему Украину. Или еще конкретнее — Донбасс. Пусть ищет там родственников, переписывается, сообщает...

И все же Валентина Васильевна сомневалась. Может быть, потому, что никто (даже Вера Ефимовна Колодей) не знал и не представлял, какой это адский труд — розыски родственников, о которых неизвестно почти ничего, кроме скудных данных, занесенных в свое время в истории болезни. К тому же эти сведения имеют сорокалетнюю давность, а за четыре десятка лет на земле сменилось почти два поколения... Вряд ли даже приблизительно представляет себе далекий Макаров из Хлебодаровки, сколько изведет он чернил и бумаги, пока разошлет запросы; какого нечеловеческого напряжения и боли в глазах потребуют географические атласы, справочники, карты, на которых будет разыскивать крошечное село или деревню... А сумеет ли он, Владимир Федорович Макаров, отрешиться от многого и посылать открытки, телеграммы в адрес совершенно чужих людей?..

Да что слова, тут надо самому, как говорят, пощупать. Увидеть почтовые квитанции об отправке в один только июньский день трехсот сорока пяти писем. Перелистать всю обширную переписку с адресным столом, скажем, Волгограда по розыску родственников Макарова. Подержать в руках многочисленные письма со всех концов страны и чуть ли не из всех городов от А до Я — из Архангельска, Белгорода, Воронежа, Гомеля, Дебальцево...

Ну пусть не придется Владимиру Федоровичу Макарову куда-то ездить и тратиться, хотя как знать... А все остальное?!

Однако хватит рассуждать и сомневаться, а то ведь никогда ни на что не решишься — права Вера Ефимовна Колодей. Надо выбрать и послать Макарову карточки на тех, кто жил до войны ну хотя бы в Донецкой и Ворошиловградской областях... Хотя нет, сами карточки нельзя посылать, мало ли что может на почте случиться — и тогда пропадет огромный труд, придется работать заново. Только потому и тащила с собой из Ленинграда толстенные тетра-

ди и тяжелые списки, хотя многие советовали отправить бандеролями. Вот они на столе, всегда под рукой, эти бесценные теперь карточки, форму которых придумала сама, а сведения по крупицам собирала отовсюду: вверху, по углам в рамочках, буква алфавита и номер госпиталя, потом — фамилия, имя, отчество, год рождения, воинское звание и должность, номер воинской части, каким военкоматом призван, место рождения, адрес родных, дата и причина смерти, место захоронения и графа для дополнительных сведений. Последняя графа почти всегда пустая: какие могут быть дополнительные сведения, если и основные не всегда есть, разве что пометки о родственниках, которые нашлись или, наоборот, до сих пор не отозвались. Очень хотелось, чтобы не было этой безнадежной записи — не отозвались! Вот пусть и поработает Владимир Федорович Макаров. Только послать ему надо будет дубликаты. А копии помогут заказать в типографии комсомольские работники или Изумруд Гаджиевна Губаханова через свой музей...

В середине 1978 года Валентина Васильевна отправила дубликаты карточек Макарову. И с той поры началась оживленная деловая переписка между Махачкалой и Хлебодаровкой. Вскоре Валентина Васильевна с полным основанием доверила своему добровольному помощнику уже не две области, а добрую половину страны.

Владимир Федорович оказался не просто добросовестным, но увлеченным человеком — таким, видимо, был по натуре. Правда, Валентина Васильевна ничего о нем не знала и даже не представляла, какой он есть,— не попросишь же прислать в письме фотографию. Но ей очень понравилось, что запросы рассылает Макаров не от себя лично, а от имени Дагестанского республиканского штаба «Поиск», хотя такой штаб только еще намечался и обговаривался. Это ничего, что он опережает события,— лишь бы на пользу дела. Смотришь — и привыкнут люди к мысли о таком штабе, и уже не смогут без него, а в результате облегчится работа, которую все еще выполняет одна... Нет, теперь уже вдвоем! И как могла раньше обходиться без Макарова, его писем, сообщений сначала от руки, потом на машинке?.. Что же он за человек, Макаров, если купил для поисковой работы машинку и уже научился сносно печатать,— об этом он с радостью сообщил в последнем

письме. Свидеться бы, поговорить по душам... Но как доберешься до Хлебодаровки, если надо опять ехать в Ленинград и снова искать, уточнять, выяснять. Иначе теперь нельзя, на полпути не бросишь — результатов требовательно ждут многие тысячи...

Работники архива встретили ее с удивлением: это не все?.. И не устала?..

И опять потянулись напряженные дни поисков, сопоставлений, сверок... Она еще не знала, что найдет много новых фамилий. И совсем не думала, что неожиданно для себя поедет из Ленинграда в Хлебодаровку, куда давно звал ее в письмах и Владимир Федорович Макаров, и его братья, и его мама... Может быть, мамино приглашение и оказалось главным — слишком свежа еще была боль от потери собственной мамы...

И так ей вдруг захотелось услышать доброе материнское слово, что в последний день, сама не понимая, как могло случиться, взяла билет не в Махачкалу, а в Хлебодаровку.

Поздним вечером подошла она к маленькому деревянному дому, адрес которого сотни раз читала на письмах, знала наизусть, взялась за щеколду калитки и вдруг так оробела, что решила уйти, пока не поздно, переждать на вокзале и назавтра уехать. В самом деле, как можно прийти без предупреждения в незнакомую семью, вот так просто, ни с того ни с сего. Приглашали, звали? Ну а если это простая, ни к чему не обязывающая вежливость? Правда, по письмам уже успела узнать эту семью и верила в искренность... Но ведь всякое может быть...

Тихонько, чтобы никто в доме не услышал, отступила от калитки, шагнул в темь. И, скорее всего, ушла бы, если бы случайно, пока думала, сомневалась, не приподняла щеколду и не открыла чуть калитку. Огромный пес метнулся к ней со двора. Она замерла, боясь пошевельнуть пальцем. А пес неожиданно завилял хвостом и лег рядом.

Калитка опять открылась, и мужской голос позвал:

— Буран, назад! Кому сказал?!

Человек взял собаку за ошейник и вдруг воскликнул:

— Валентина Васильевна! Что же вы здесь? Пойдемте в дом!

Как он ее узнал, почему решил, что это именно она, Валентина Васильевна Макарова,— остается до сих пор непонятным. Сам он объясняет тем, что никто другой не мог прийти в такой поздний час. Да и ждал, верил, что приедет...

В тот вечер было много неожиданностей — наверное, вот так они и случаются в жизни. И братья Владимира Федоровича, которые пришли без зова, будто что-то почувствовали. И добрая, ласковая мама, молча обнявшая Валентину Васильевну. И сам Владимир Федорович Макаров, оказавшийся именно таким, каким его представляла Валентина Васильевна...

Она прожила в Хлебодаровке десять дней. И впервые за долгие месяцы после смерти мамы почувствовала себя в родной семье, где тебя, как маленькую, любят, балуют, где ты всем очень нужна.

8

Расположенная на берегу теплого Каспия, граничащая с горами, Махачкала всегда привлекала и туристов, и отдыхающих, и путешественников. Поток приезжающих никогда не иссякал. Но с лета 1978 года он заметно увеличился и, самое главное, внешне изменился. В Махачкалу начали приезжать люди, совсем непохожие на отдыхающих или путешествующих. Озабоченные, встревоженные, с беспокойными, горестными взглядами и скорбными лицами, эти люди чаще всего не видели ни Махачкалу, ни море. Прямо с вокзала шли они на улицу Гагарина к Макаровой, в гостиницу, на братское кладбище. Многие впервые выезжали из своих деревень и селений. А были и такие, что не говорили ни по-русски, ни на одном из многих языков Дагестана.

Вот когда Валентина Васильевна Макарова еще и еще раз оценила братство народов Дагестана, большое сердце людей этой земли. Говорят, несхожесть характеров, несовместимость... Ерунда все это — были бы люди порядочными, с большой совестью. Иначе как объяснить, что все соседи Макаровой по подъезду — азербайджанцы, аварцы, лезгины, русские, евреи, лакцы, даргинцы, кумыки — не только никогда не ругались и не косились друг на друга,

но живут душа в душу, как одна добрая семья. Ну кто бы стерпел постоянную толчею в подъезде и сплошной людской поток в День Победы, когда многие сотни приезжих хотят непременно побывать у Макаровой...

Пришла как-то Макарова поздним вечером с работы, а соседка приводит к ней старенькую женщину:

— К вам, Валентина Васильевна.

— Деменчук я,— назвалась старушка.

— Мать Саши? — кинулась к ней Макарова.— Сейчас, сейчас... Отдохнете, покушаете...

— А я уже, дочка... И отдохнула, и покушала, и чаю попила у твоей соседки, добрая она душа...

— Вы что же, одна? — удивилась Макарова.

— Дочки с внуками потом приедут. А я не захотела ждать. Как узнала, что Сашенька нашелся, сразу же на поезд. Дочки не пускают, куда одной в восемьдесят лет. А я решила — пусть умру, но сначала могилу сыночка увижу...

Другая соседка, азербайджанка Зарифа, привела к ней женщину из глухого азербайджанского селения, которая до этого ни разу никуда не выезжала. И все время Зарифа была у той старушки переводчицей...

Хорошо, что у Саши Деменчука есть могила и его старенькая мама горько, но все же облегченно поплакала на ней. И у сержанта Никурадзе из села Кулаши Самтредского района Грузинской ССР. Когда первый раз после сообщения Макаровой приехали вдова Никурадзе — Мэри Варламовна, дочь — Жужуна Владимировна и еще человек двадцать родственников и запели печальные грузинские песни, то не удержались и заплакали все, кто был тогда на кладбище (даже дагестанцы-мужчины, которые не должны плакать ни в коем случае). Теперь на могиле Владимира Никурадзе большая мраморная доска с подробной надписью и портретом, на котором молодой черноглазый сержант изображен в военной форме нынешнего образца — в мундире, рубашке, при галстуке, и с погонами на плечах, хотя он их не застал. Ну кто позволит себе даже улыбнуться, если вечно молодой для жены и родственников сержант Никурадзе видится им вот таким бравым и в такой красивой форме!..

Но как быть с теми, кто найден, а надгробий нет?.. Может быть, следует подумать о дополнительных надписях, о чем-то вроде мемориала?.. Чтобы в следующий приезд

Виктор Матвеевич Минеев со станции Макат Гурьевской области, его сестра из Баку и мама из Куйбышева могли склонить голову у мраморной плиты с именем отца и мужа, а не просто побыть на братском кладбище, где в какой-то могиле похоронен заместитель политрука Матвей Минеев...

Кто-то рассказывал Макаровой, что в маленьком грузинском селе жители соорудили на собственные средства мемориал и назвали его Обитель Героев. Если смогли в селе, то неужели не осилят в Махачкале, где свято чтут героев, хранят память о госпиталях, а в День Победы каждый считает своим долгом побывать на братском кладбище. В том самом городе, в котором написаны печальные и торжественные строки о солдатах, превратившихся в журавлей.

В горкоме комсомола горячо поддержали идею и поручили молодым архитекторам разработать проект. При этом было высказано пожелание, чтобы мемориал вписался в уже существующее кладбище со строгими рядами каменных надгробий и небольшим обелиском в центре, на котором в давние годы была сделана надпись: «Мы помним всех, отдавших свои жизни за мир и за счастье на земле».

Архитекторы предложили оставить все, как есть,— и надгробья, и обелиск, и могучие деревья, и травяной ковер, потому что лучше не придумаешь, да и привыкли жители Махачкалы именно к такому братскому кладбищу. А по обеим сторонам центральной аллеи, которая разрезает кладбище надвое и ведет от входных ворот к обелиску, уложить наклонно мраморные плиты с фамилиями умерших. С центральной аллеи плиты завернут в обе стороны и таким образом замкнут в себе надгробия. К тому же этот поворот даст возможность по мере появления новых фамилий продолжить вечный список умерших. Сколько потребуется плит, столько и уложить — пятьдесят, семьдесят, сто... И на каждой золотом пятнадцать — двадцать фамилий с инициалами, воинскими званиями, датами рождения и смерти.

Проект понравился торжественностью и простотой. Немалое значение имело и то, что его несложно осуществить своими силами — земляные работы, бетонные, даже выбивка надписей...

Поначалу все шло споро — нашли керамзит, песок, плиты, договорились насчет автотранспорта... Даже перевыборы

в городской комсомольской организации не приостановили работу. Тогда ушли прежние секретари горкома Магди Магомедов и Салих Гусаев, помощь которых Макарова чувствовала постоянно. Новые руководители городской комсомольской организации Игорь Гафуров и Анатолий Карибов оказались такими же горячими энтузиастами поисковой работы и строительства мемориала.

Валентина Васильевна ясно представляла себе строгие ряды белых наклонных плит, между которыми нежно зеленеет трава. И золотые надписи... Красные гвоздики... Голубое небо... Скорбный людской поток... Она видела это впечатляющее шествие на многих мемориалах страны, сама не раз участвовала в нем. И на Малой земле под Новороссийском, куда давно стремилась после воспоминаний Веры Ефимовны Колодей и где побывала со студентами техникума уже в дни своей поисковой работы... И в Брестской крепости, которую защищал найденный ею пограничник Калинин... И у могилы Неизвестного солдата в Москве, на Пискаревском кладбище в Ленинграде, Мамаевом кургане на берегу Волги... Давно, лет десять назад, совершила она с подругой путешествие по городам-героям и памятным местам — может быть, потому, что уже тогда, задолго до начала поисков, зрела в ней тревога и боль за безвестные судьбы многих погибших. Или просто сказалась любовь к Родине, которая заполняет всю, как воздух...

На Мамаевом кургане встретила знакомую фамилию — гвардии сержант Ханпаша Нурадилов, Герой Советского Союза. В Махачкале есть улица имени Ханпаши Нурадилова. Она по ней ходила сотни раз. Но никогда глубоко не задумывалась над подвигом, совершенным горцем из Дагестана в донских степях.

...Начало сентября 1942 года. Гвардейская кавалерийская дивизия имени Котовского сдерживает полчища фашистов на подступах к городу Серафимович. Раненый гвардии сержант Нурадилов не уходит с позиций. Несколько фашистских атак захлебнулось, но враг не унимается. Наскоро перевязав еще одну рану, Нурадилов снова лег к пулемету. В разгар боя осколок пробил грудь сержанта. Товарищи перевязали его, отнесли в лощину. По пути в санбат Нурадилов умер.

Триста фашистов уничтожил лично гвардии сержант Нурадилов, захватив за это же время семь вражеских пулеметов, пленив двенадцать солдат. Его умелые действия помогли полку удержать позиции и не дали противнику прорваться в Серафимович...

Годы спустя, когда начала Макарова свой поиск, не раз встречала она в списках умерших от ран жителей Сталинграда, которые сражались на Кавказе. И не одно письмо отправила в город на Волге с известием о найденных и похороненных в Махачкале.

Пусть не столь грандиозным будет махачкалинский мемориал, как в Ленинграде, на Волге или в других городах,— разве дело в размерах! — зато навеки сохранит он для будущих поколений фамилии сражавшихся и отдавших жизни за Родину, жителей многих городов необъятной страны...

Торжественное открытие мемориала было намечено на 9 мая 1979 года. И вдруг выяснилось, что памятник не будет готов к сроку.

...Даже теперь, годы спустя, не может Валентина Васильевна спокойно, без волнения, говорить о тех днях. Ведь то была не просто задержка, где месяц-другой не играют роли. Тысячи родственников умерших от ран бойцов и командиров должны были приехать в День Победы и присутствовать на торжественном открытии мемориала. Тысячи!.. Со всех концов страны!... Извещенные Макаровой письмами и телеграммами и приглашенные от имени горкома комсомола и группы «Поиск»!.. Да, новые телеграммы предупредят об отмене приглашения... Но ведь надо иметь в виду и настроение людей, и здоровье, и годы... Особенно годы, которые для многих имеют немаловажное значение. Тут уж никакие телеграммы не помогут.

Нелегкими оказались те дни: телеграфная переписка, хождение по организациям с просьбой ускорить работы на мемориале, встреча и размещение все же приехавших родственников, новые данные об умерших... А тут еще письмо из Одессы от Николая Данилова, с которым давно идет переписка по поводу его пропавшего без вести отца. В конверте — фотоснимок залитой кровью карточки кандидата в члены ВКП(б), на которой видна часть лица, имя «Ша-

рип» и название райкома партии — Тляратинский. Этот снимок Данилов сделал прямо с экрана телевизора, когда смотрел киноэпопею «Великая Отечественная», и решил послать его Макаровой — а кому же еще, тем более что речь идет о дагестанце!

Ну что делать?! Не отложишь ведь этот снимок до других, более спокойных, что ли, времен. И будут ли они когда-нибудь, спокойные времена... Надо искать, несмотря на множество забот и неприятностей, на болезнь и плохое настроение. Одно только облегчает — близость розысков: Тляратинский район хоть и высоко в горах, но все же в Дагестане.

В архиве областной партийной организации Валентина Васильевна выяснила, что кандидатская карточка принадлежала Макшарипу Рамазанову из селения Кутлаб, погибшему в самом начале войны. А через несколько дней вместе с телевизионными журналистами вылетела в Тляpату, где произошла встреча с вдовой погибшего, его сестрой, родственниками и с однополчанином Курбаном Гаджиевым — свидетелем героической гибели земляка...

Видел эту телевизонную передачу и Иван Иванович Воронин, ответственный работник обкома партии. И когда Макарова пришла к нему по поводу мемориала, он прежде всего заговорил о большом и святом деле, которое она добровольно выполняет. Мемориал?.. Задержалось открытие?

— Вы меня, пожалуйста, чуть-чуть подождите,— попросил Воронин.— Я сейчас.

Она ждала Воронина и думала о своих заботах, делах, вообще о своей судьбе и об очень многих людях, которые порой незаметно, но непременно помогают — без них бы пропала. Какое это огромное счастье, что кругом столько добрых, отзывчивых людей!..

Вернулся Воронин. По его лицу Валентина Васильевна радостно поняла, что все решилось лучшим образом.

Теперь, когда строительством мемориала заинтересовался обком партии и определился окончательный срок открытия — 9 мая 1980 года, можно было бы вроде и отдох-

нуть, во всяком случае сбавить темп, осмотреться, подумать...

Но какой уж тут отдых, если обнаружились расхождения и неточности в списках госпиталя № 4651. Придется опять выехать в Ленинград... В третий раз...

Да, но как выпросить отпуск в техникуме? Не дадут ведь, ни за что не дадут — и снова напомнят о том, что прежде всего учебный процесс. Все правильно, ничего не возразишь... Хотя, если подумать, то разве поисковая работа не воспитывает в студентах гражданские качества, любовь к Родине и вечную светлую память о погибших?.. Тем более что поиски ни в коей степени не мешают работе: ей Макарова отдает все силы и знания, весь немалый опыт.

Но что толку в этих умозрительных рассуждениях, если уже не раз встречалась с непониманием, удивлением и даже осуждением — вот ведь что странно и непонятно. В том же техникуме затянули предоставление отпуска и чуть не сорвали первую поездку в Ленинград. Может быть, и не нарочно, скорее всего, случайно, но ведь и особой тревоги, заботы никто не проявил... Или вдруг председатель методической комиссии техникума записал в аттестацию, что она, Макарова, не выполняет общественные поручения: будто поиски — ее личное дело...

Вообще после статей в газетах, передач по телевидению и широкой известности работать стало и легче и труднее. Легче потому, что заинтересованную помощь начали оказывать сотни людей, организаций, учреждений. А труднее из-за недоверия, скептицизма, даже подозрений и обвинений в поисках выгоды и славы. Пусть немного было недоверчивых — единицы, но ведь каждый больно ранил. Один местный журналист прямо заявил, что ничего не напишет о Макаровой, потому что поиски ее отнюдь не бескорыстны... Подсчитать бы вместе с ним все расходы на поездки, письма, телеграммы; показать оскудевший гардероб, который не обновлялся вот уже несколько лет, да рассказать о страшном напряжении и усталости, когда вечерами нет сил даже в магазин сходить, не то что пошить для себя, связать или перелицевать. А ведь всему научилась у мамы... И швейная машина осталась в наследство...

Ну этот журналист хоть по-своему честен — прямо сказал, что не верит. Но ведь есть и такие, что мешают исподтишка. Дескать, зачем нужен мемориал, если дав-

ным-давно существует братское кладбище?.. Не повлечет ли строительство мемориала тяжкого обвинения в равнодушии к умершим, которые столько десятилетий числились безвестными?.. И не лучше ли вообще не замечать Макарову — пусть ищет сама по себе, как частное лицо...

Однажды Ахмед Ибрагимович Ибрагимов, секретарь Дагестанского облсовпрофа, с которым сдружилась и который старался помочь во всем, сказал ей вычитанную в какой-то зарубежной книге горькую мысль: когда идут войны, помнят солдат и бога; когда кончаются войны, забывают солдат и проклинают бога. Вряд ли это применимо к нашей действительности — насчет бога ладно, а солдат у нас никто никогда не забывал. Но вот кое у кого память оказалась короткой, а души за послевоенные годы совсем зачерствели... К счастью, у очень немногих... И лучшее тому доказательство — полная поддержка и помощь обкома партии...

Ох как не хочется все это вспоминать, тем более что хорошего куда больше! Но если вычеркнуть все трудности, не припоминать их время от времени пусть даже для себя, то жизнь предстанет в облегченном виде, вроде гладкой, укатанной дорожки...

Нет уж, из песни слов не выкинешь, никуда не денешься от того недоброго, что, к сожалению, было. Разве что всеми силами по-прежнему не обращать внимания и не поддаваться. Но как не обращать, если все сейчас зависит от руководителей техникума?..

Она себе места не находила из-за предстоящего разговора об отпуске и до того была заранее расстроена, что даже не очень обрадовалась приезду из Крыма Федоряков — сына воина,— теперь уже пожилого человека, его жены и их дочери с мужем. Трудно дались ей в свое время Федоряки — потому и радовалась каждый раз их приезду. Ну прежде всего — путаница на могильной табличке, где было написано «Федорян». А потом долгие поиски родственников, сменивших за послевоенные годы несколько городов — и чего людям не сидится на месте?.. Все-таки нашла, списалась, пригласила...

Федоряки поняли ее состояние и, чтобы как-то отвлечь, пригласили в ресторан. Отказывалась: не привыкла к ресторанам, не то настроение... Но получилось хорошо, семейно, душевно. А тут еще призывники, которые

в этот вечер прощались со своими близкими, особая дружеская обстановка, знакомые по техникуму... И уж совсем неожиданно вытащил ее из-за столика бывший студент Исаев, тот самый Вася Исаев, который работал на кладбище и потом отправлял в конвертах и бандеролях землю тем родственникам, что по дальности или нездоровью не могли приехать: в Хабаровск, Мурманск, Читу, Иркутск — примерно в пятьдесят городов.

— Валентина Васильевна, скажите призывникам несколько слов.

— О чем? — испугалась Макарова.

Никогда не говорила публичных речей — студенческая аудитория не в счет, это работа; и выступления перед родственниками умерших — там не надо искать слов. А что сказать вот этим юношам?

В руках у нее оказалась фотография моряка, умершего от ран в госпитале Махачкалы,— Федоряк вовремя дал ей снимок отца. И она рассказала о долгих и трудных поисках, судьбе моряка, о глубокой сыновней любви...

— Вы же талантливый оратор,— восторгался Федоряк.

— Какой уж там оратор,— с тоской проговорила Валентина Васильевна, вспомнив о нерешенных проблемах. И вдруг обрадованно воскликнула:

— Слушайте, а я все решила!

— О чем вы, Валентина Васильевна?

— Завтра же беру в техникуме расчет и еду в Ленинград.

Федоряки не отговаривали, они уже успели узнать Макарову...

Удивительно устроен человек! День назад все казалось мрачным, безысходным. А сейчас готова громко петь и такую силу почувствовала, что могла, казалось, без передыху взобраться на высокую гору позади улицы Гагарина и ее дома. А что, собственно, произошло, что изменилось? Разве что принято решение — и совсем нелегкое, если подумать. Но, оказывается, именно такая определенность нужна человеку, чтобы не только обрести душевный покой, но и многое совершить,— определенность, решимость!

Утром она пошла на переговорный пункт, заказала Ленинград, пригласила к телефону старшую хранительницу архива при Военно-медицинском музее Тамару Алексеевну Маришенко, с которой сдружилась за две прошлые

поездки. Рассказав о своем решении, Валентина Васильевна спросила, найдется ли для нее в музее какая-нибудь работа, вроде дворника или уборщицы.

— Почему вдруг уборщица? — удивилась Тамара Алексеевна.— Мы вас возьмем научным сотрудником.

— Нет, нет,— испугалась Валентина Васильевна.— Я ведь не просто работу ищу, а такую, чтобы вплотную заняться поисками.

— Хорошо, позвоните завтра, я выясню.

1 ноября 1979 года Валентина Васильевна положила на стол завучу заявление об уходе. Она очень волновалась — все-таки не так просто расстаться с работой, которой отдано много лет. Да и учебный год в разгаре — не подведет ли она техникум? Но все обошлось спокойно... Единственное, что встревожило немного завуча,— это категоричная форма заявления.

— Поговорите с директором.

— Непременно.

Все-таки он оказался хорошим человеком, директор техникума. И когда много времени спустя Валентине Васильевне Макаровой за ее поисковые дела присвоили почетное звание заслуженного работника культуры, он первым поздравил. И на открытии мемориала был, с родственниками разговаривал, волновался, переживал...

— Вы хорошо подумали, Валентина Васильевна?

— Очень. И не раз.

— Ну что ж, вам виднее,— сказал он и наложил резолюцию об освобождении преподавателя В. В. Макаровой по собственному желанию.

Немножечко было горько, чуть-чуть обидно... И не потому, что надеялась на уговоры и рассчитывала, что ее удержат... Обидно было из-за того, что не нашлось ни у директора, ни у завуча добрых человеческих слов и что никто из них ничего не сказал на прощание, даже не пригласил вернуться потом в техникум. Вот студенты переживали... Да еще вахтеры и кое-кто из преподавателей...

Но что теперь об этом... Новая жизнь, хотя трудно ее переиначивать в таком возрасте, работа дворником в Ленинграде и поиски, поиски...

Через несколько дней она была уже в городе на Неве.

Марья Михайловна Панкрашина, с которой Макарова познакомилась в прошлый раз, не отпустила ее ни в какую

гостиницу и заботилась, как о собственной дочери. Сама уставала па своей фабрике и все же находила силы, время, душевную теплоту и для приезжей, по-существу, совершенно чужой женщины. Не сядет за стол до тех пор, пока не усадит Валентину Васильевну... Перед тем как уйти на работу, приготовит Макаровой завтрак... А то вдруг вернется с улицы и радостно сообщит, что снега мало и Валентина Васильевна может сегодня поспать подольше... Или в воскресный день, никого не слушая и уверяя, что это для нее лучший отдых, поможет чистить тротуары...

А зима в тот год выдалась такая снежная и морозная, какой давно не знал Ленинград,— будто нарочно. Хорошо еще, что от дома Панкрашиных до музея всего пятнадцать минут ходу, даже меньше, если быстрым шагом. А шла она очень быстро, чтобы прогнать сонливость и скорее прийти в себя после куцей ночи,— ложилась в первом часу, вставала около шести. Прибегала в маленькую комнатку под лестницей, вооружалась лопатой, веником, скребком и часов до девяти-десяти чистила и убирала тротуары, дорожки, территорию музея.

Оказывается, и дворнику нужно умение, да еще какое! Иначе собьешь руки и ни за что не перекидаешь высоченные сугробы снега; не совладаешь с опасно нависшими литыми сосульками и вообще не управишься. А оставлять назавтра ничего нельзя: ночью мороз так скует снег, что его и ломом не возьмешь, или, наоборот, ударит оттепель и снег с водой станет втрое тяжелее... Одна отрада: несколько часов па свежем морозном воздухе, прежде чем с головой уйдешь в бумаги и архивную пыль, которую, к слову, далеко не все переносят, и будешь до позднего вечера искать, листать, проверять, сопоставлять, переписывать...

— Оставайтесь у нас совсем,— предложила как-то Тамара Алексеевна.

— Что вы! Я из Махачкалы никуда... Да и как теперь бросишь мемориал, могилы, поиски...

— Жаль, мы к вам привыкли. Много еще работы?

— Вроде бы заканчиваю.

Она не стала говорить, что с каждым днем работы все больше. За эти три поездки набралось свыше трех тысяч неизвестных ранее фамилий. И каждую надо опять сверить, выверить, потому что списки для мемориала составляет заново здесь, в Ленинграде, да еще в двух экземпля-

рах — один пошлет по почте, а второй на всякий случай оставит у себя. А работать все труднее и труднее — наверное, устает. И от дворницких обязанностей никто не освобождал... Приходится прихватывать ночи. Не совсем, правда, удобно засиживаться до глубокой ночи в не очень большой, густонаселенной квартире. Она даже порывалась уйти в гостиницу, где жила во вторую поездку и где дежурной работала Анна Николаевна Козлова, с которой тогда сдружилась. Но Марья Михайловна и слушать не захотела. Да и самой, честно говоря, трудно бы было в гостинице с многими сотнями листов бумаги, каждый из которых представляет огромную ценность.

17 февраля 1980 года она отправила в горком комсомола Махачкалы окончательный, тщательно выверенный список и попросила немедля приступить к выбивке фамилий на плитах — иначе опять не успеть. А сама вдруг разболелась. Вот ведь как получается: пока работала, некогда было даже думать о болезнях, держалась на нервном напряжении; как только все закончила, расслабилась, выпустила нервы из кулака,— сразу свалилась. Как на фронте, где почти никто не знал никаких болезней, особенно недомоганий, до конца войны...

Врачи не находили никаких явных симптомов болезни и не могли назначить лечение. Покой, уход, забота — вот и все лекарство. Нервное истощение. Или, просто говоря, не хватило сил, надорвалась — не только ощутимые физические тяжести валят человека...

Солнечным мартовским днем, когда молодой морской ветер насквозь продувал улицы Махачкалы и кружил голову весенними пронзительными запахами, она трепетно вошла в горком комсомола и чуть не заплакала от радости. Коридоры и кабинеты горкома напоминали производственные мастерские. Десятки добровольцев под присмотром опытных скульпторов выбивали на плитах буквы, наносили тонкий слой клея, покрывали розовым цветом и бронзой... Запорошенные лица ребят и девчат трудно было различить... Звонкий перестук молотков, теснота, веселый шум...

Она побежала на почту.

И помчались телеграммы из Махачкалы во все концы страны, ко всем родственникам: приглашаем на открытие мемориала!.,

10

Такую телеграмму получил и я...

Но сначала, за месяц до этого, пришло письмо от совершенно неизвестной мне Валентины Васильевны Макаровой. Она спрашивала: не доводится ли мне родственником младший сержант с моей фамилией, который до войны жил в Сталинграде по Банковской улице дом номер семнадцать и который умер от тяжелых ран в госпитале Махачкалы 10 января 1943 года. Если этот младший сержант мой прямой родственник или близкий человек, то желательно, чтобы в День Победы я приехал в Махачкалу на открытие мемориала. Сообщение о приезде надо послать Валентине Васильевне Макаровой по такому-то адресу...

Как передать глубокое потрясение, которое я испытал, узнав через сорок лет о судьбе пропавшего без вести и долго разыскиваемого старшего брата?!

Война никогда не уходила от нас и не отпускала нас — ее современников, участников, детей... Она звучит громовыми раскатами салютов в праздничные и победные дни, тихим перезвоном орденов и медалей на груди ветеранов; она в полуистлевших ружейных патронах и насквозь проржавевших осколках, которыми до сир пор начинена земля, в чудом сохранившемся черном медальоне и окопном светильнике из артиллерийской гильзы... Она с нами навсегда, неожиданно напоминая о невозместимых потерях, все еще кровоточащих ранах...

Я держал письмо, на котором почему-то вдруг поплыли строки, и с болью думал, что ни отец, ни мать не дожили до этого дня и так и не узнали о судьбе старшего сына. Не знаю, как бы они пережили известие о его смерти... В одном уверен: даже самая страшная определенность куда лучше долгой безвестности, которая к тому же порождает несбыточные надежды — а вдруг жив? Не случайно отец ходил даже по гадалкам... И если после официального сообщения о гибели второго по старшинству сына они с матерью сразу и заметно постарели, то в поисках старшего и в постоянной надежде годами изводили себя...

В большой и шумной семье старшие были отдалены от нас, еще трех братьев и двух сестер, солидным возрастом: 1908 и 1910 годы рождения. И когда отец привез всю малышню вместе с матерью из глухого городка белорусского

Полесья в Сталинград, где строился тракторный завод, старшие уже работали — один каменщиком, а второй грузчиком, или, как потом стали называть, разнорабочим.

В те давние, далекие годы я еще не мог разобраться в своих чувствах, разложить их по полочкам и дать им оценку. Теперь мне кажется, что старших больше уважал, чем любил. Они были для меня людьми совсем другого, непонятного, взрослого мира — со своими заботами, делами, интересами, разговорами... И с зарплатой — вот что больше всего потрясало. Денег в семье не хватало даже на еду, обходились мы хлебом, воблой, которую отец запасал на зиму чувалами, рыбой собственного улова и осенью несколькими возами арбузов. Дни зарплаты старших братьев были для всей семьи праздником. А мы, малыши, в эти дни непременно получали по нескольку конфет, а то и по заварному пирожному — вку-усному до головокружения, с нежным белым кремом и сладкой ломкой корочкой сверху.

Старшие не только работали, но еще и учились. Солидные, самостоятельные люди, они решали за одним домашним столом с нами, школярами, задачки про путешественников, которые вышли из пунктов А и Б, зубрили до обалдения законы физики и химические формулы. Какими же цельными, упорными людьми были они, если сумели одновременно с трудной физической работой преодолеть за короткий срок школьную программу, рабфак, а самый старший окончил педагогический институт и уехал в какое-то глухое место Северного Кавказа учить детей!

После окончания десятилетки, в 1940 году, меня, как и всех моих сверстников, призвали в Красную Армию. Вчерашние школьники, мы тут же повзрослели, жизнь наша круто изменилась, личное отодвинулось далеко-далеко... Этот ранний уход из дома тоже затруднил мои последующие долгие поиски пропавшего без вести старшего брата — ничего я о нем толком не знал; письма, документы, фотографии сгорели в первые дни Сталинградской битвы, а старенькие родители многое забыли, пока выбирались из Сталинграда и трудно жили в эвакуации — кто их за это осудит!

И вот, когда я уже окончательно потерял надежду и давным-давно прекратил поиски, пришло письмо из Махачкалы, потом телеграмма...

II

За годы войны и вообще за свою жизнь я видел много горя — да и кого миновала эта чаша, кто может похвалиться абсолютно безоблачными днями... Но такого общего, собранного воедино, безысходного и в то же время облегчающего горя, как на братском кладбище Махачкалы в День Победы — 9 мая 1980 года, никогда не видел и не переживал.

Эта горестная общность началась в самолете, когда выяснилось, что многие летят к давным-давно пропавшим без вести и только что отысканным родственникам. Мы не столько говорили друг с другом, сколько вспоминали вслух и для себя.

Седой, грузный Виктор Иванович Сергунцев, механик автотранспортной колонны, вспомнил солнечный день на берегу Волги, отца, снимающего с крючка бо-ольшую рыбину, и себя в черных сатиновых трусиках, насквозь пропеченного солнцем...

— И напугался же я этой рыбы! — по-детски признался Виктор Иванович.— За отцову спину спрятался...

Подумать только — этому седому человеку в те последние довоенные месяцы было всего лишь шесть лет!.. Сколько же дней и ночей промчалось с той давней поры, сколько минуло событий!.. А в памяти все так же ослепительно ярко держатся солнечный день, высокое голубое небо, зеленые деревья у реки — и веселый, сильный, молодой отец...

Больше никогда не видел Виктор Иванович Сергунцев отца — никогда! Только рыбацкие снасти остались — удочки, крючки, поплавки, бредешок... И два фронтовых письма... Всего два... И несколько официальных ответов — пропал без вести...

А он, оказывается, совсем не пропал, станковый пулеметчик Иван Сергунцев. И воевал, судя по ранам, до последнего... Теперь есть о чем рассказать детям — во весь голос, открыто, гордо!

...Вера Сергеевна Черданцева бережно показывает небольшую, изрядно пожелтевшую довоенную фотографию парня в костюме, при галстуке, с улыбкой во все широкое лицо. Больше у нее нет ничего, даже воспоминаний — она родилась после того, как отец ушел на фронт. Разве что

мамины рассказы... Из всех хороших довоенных песен папа больше всего любил и все время пел вот эту: «Люба-Любушка, Любушка-голубушка, я тебя не в силах позабыть... Люба-Любушка, Любушка-голубушка, сердцу любо Любушку любить...» Потому что маму звали Люба, а папа ее очень любил, носил по комнате на руках и пел, как маленькой. И на карточке написал эти же слова — вот они, видите... Довоенные чернила давно выцвели, а выглядят свежо потому, что дочь каждый раз обводит заново дедушкину надпись... Это он снялся, когда стал стахановцем... И костюм с галстуком купил с большой зарплаты специально для того, чтобы идти в загс. Вот бы мама обрадовалась, что нашелся наконец ее Сережа! Только нет уже мамы, давно нет... И не с кем теперь поговорить об отце, никто не расскажет ничего нового и не припомнит какие-то пустячные, но трогательные случаи...

Мы слушаем Веру Сергеевну и понимающе киваем ее словам — у каждого такие же или почти такие воспоминания, та же затаенная боль. И никто из нас ничего не знает о фронтовых дорогах погибших отцов и братьев — потому что не было писем, пропали без вести, ничего о себе не успели сообщить. Это нам предстоит теперь узнать — когда мы побываем в Махачкале, выясним номера частей, соединений, запросим военные архивы. А пока что все мы по-хорошему завидуем А. Г. Шаринову из Татарии, который бережно разглаживает истрепанный, подклеенный желтый тетрадный листок и произносит навсегда выученные строки из отцовского письма: «Зацепились крепко, врылись в берег реки... Отсюда не уйдем, разве что разнесут в куски вместе с нашим минометом... Но сначала дадим немцам жару...»

И опять воспоминания, рассказы, какие-то яркие обрывки... И никого не удивляют нежные, совсем детские слова «папа», «мама», «братик», которые так странно звучат в наших, мягко говоря, немолодых устах. Кто-то в который раз перечитывает вслух письмо Макаровой — и начинаем наперебой ей удивляться. Интересно, какая она, Макарова? Сколько ей лет? Пережила ли сама войну или тоже потеряла кого-то из близких?..

Обо всем этом мы говорим в аэропорту Махачкалы, где нас встретили специальные дежурные, в гостинице, на улицах города, в только что открытом музее боевой славы, в горкоме комсомола... Махачкалинцы каким-то чутьем

узнавали родственников погибших. А может быть, не чутьем, а по лицам, на которых были скорбь, боль, удивленная растерянность... Или, скорее, по открыткам и телеграммам, которые мы не выпускали из рук...

— Вы к Макаровой?

— Что? Да, да...

Пусть простят махачкалинцы нашу вроде бы невнимательность. Мы все оценили потом — встречу, гостиницы, транспорт, огромную заботу, проявленную городскими и республиканскими властями, партийными и комсомольскими органами... У нас даже нашлось время, чтобы полюбоваться красивым городом, выйти на берег моря, спокойно подышать особым воздухом Дагестана. Потом, перед отъездом, когда мы немного пришли в себя...

А поначалу, в первые дни...

Нет, ничего не помню... Ни красоту и удобство гостиницы «Ленинградская», которую после землетрясения возвели строители города на Неве. Ни вкусные национальные блюда и уютные кафе. Ни живую, деловую и в то же время пляжно-морскую улицу имени Буйнакского. Ни величественную центральную площадь...

Какая-то отрешенность от всего повседневного, житейского, суетного по сравнению с тем, что привело нас сюда — вечной памятью и вечной славой. Какое-то хоть и горестное, и тяжкое, и щемящее, но все же просветленное состояние. Потому что кончилась сорокалетняя безвестность, нашлись следы близких, стали известны их судьбы.

Десятки тысяч махачкалинцев пришли в этот День Победы, 9 мая 1980 года, на братское кладбище, чтобы отдать почести защитникам Родины, воинам, умершим от ран в госпиталях Махачкалы. Все было, как и в прошлые годы: сбор на площади у памятника Владимиру Ильичу Ленину, орудийные салюты, приспущенные знамена, взволнованные обращения ветеранов, торжественное и печальное шествие из центра города на братское кладбище, оркестр, нескончаемое море цветов... Только на надгробиях почти не осталось к этому дню табличек с надписями: «Неизвестный» — вместо них появились фамилии и фотографии. Да вдоль центральной аллеи легли мраморные плиты с фамилиями. И не было привычной прежней скорбной тишины.

Над братским кладбищем стояли стон и плач.

Больше тысячи приезжих из самых дальних и совсем близких уголков страны, начиная от Владивостока и кончая соседним Азербайджаном, долгие годы ничего не знавших о судьбах своих пропавших без вести близких, впервые увидевших их могилы или мраморные плиты с фамилиями, громко выражали свое безутешное горе. Седые женщины горько плакали на надгробиях и плитах. Нет, это не были матери — матерей почти не осталось,— жены, сестры, дочери... Били себя в грудь и горестно о чем-то говорили с умершими на родных языках — грузинки, армянки, кабардинки... Молча и без тостов, как на запоздалых поминках, пили водку мурманчане... Конфетами и печеньем осыпали мраморную плиту приезжие из Воронежа... Стонал седой мужчина, не сводя глаз с фотографии молодого сержанта, которую он выставил на плите,— и если бы не знать о сорока минувших годах, то никогда бы не поверилось, что это сын вспоминает отца, который так и остался вдвое моложе его...

Я стоял у плиты, на которой в длинном списке умерших от ран значился и мой старший брат — воинское звание, инициалы, фамилия, год рождения, смерти,— и думал о том, что отец с матерью непременно добрались бы к нему в госпиталь даже из далекой Сибири, где были в эвакуации. Непременно... Если бы знали... Почему он не сообщил о себе, ну почему?! Не знал, куда писать, где искать нас, воевавших, и родителей? Не верится. Скорее всего, не приходил в сознание. Иначе бы разыскал. Он у нас такой — решительный, твердый, смелый, красивый, как все старшие братья и все люди того давнего времени.

...Ранним утром я по обыкновению собрался на улицу с куском хлеба в кармане.

— Обуйся,— сказал вдруг старший.— Поедешь со мной.

— Куда? — в нерешительности остановился я.

Поездки со старшим всегда были радостными и интересными — цирк, кино, зверинец... Но сегодня мы договорились с ребятами ловить в степи сусликов, потом полазить по оврагам и закончить на Волге — июньский день длинный... Нет, сегодня я никак не могу.

— Жалеть будешь,— сказал старший.— Это на всю жизнь. Пуск завода!

То-то я с утра почувствовал необычайное оживление в доме и еще удивился, что отец и старшие братья облачи-

лись по жаре в вынутые из сундука и пахнущие нафталином костюмы. Пуск завода! Как же я сразу не сообразил! А еще не раз похвалялся на улице, что в нашей семье все взрослые строят тракторный! У других ребят тоже кто-нибудь да непременно имел отношение к тракторному. Но сразу трое!..

В нашем городе были и другие солидные, может быть даже больше тракторного, заводы: металлургический «Красный Октябрь», на котором когда-то хозяйничали иностранцы и который долго еще по инерции назывался французским, а его поселки — «Малая Франция» и «Русская деревня»; «Баррикады», раскинувшийся на необъятной территории вдоль Волги... Но эти давние, старые заводы появились еще до нашего рождения, мы получили их как бы по наследству вместе со всем городом и привыкли к ним, как к Волге, Мамаеву кургану, крутым глубоким оврагам, тянущимся на многие километры далеко в степь, прохладным в самые жаркие дни, таинственным, отлично приспособленным для воинственных игр...

Тракторный строили отцы и братья. Дома, в школе, на улице только и говорили о заводе... И конечно же сразу после уроков, а то и вместо них мы мчались туда, сначала на гигантскую строительную площадку, а потом и на сам завод. У нас были свои лазейки, дыры, свои «проходные»... Нам казалось, что энергичный взмах руки Дзержинского (памятник установили потом на площади) имеет полное отношение к нам и зовет на завод именно нас. С замирающим сердцем смотрели мы издали, как в огромном гулком цехе движется металлическая лента, а на ней в считанные минуты вырастает трактор. Это было чудом, волшебством. И мы нетерпеливо и страстно мечтали о времени, когда сами станем участниками этого чуда...

Но это все было потом, после пуска завода. А тогда я все же успел выбежать на улицу и сообщить, куда и с кем еду. А потом всю дорогу свысока поглядывал из окна трамвая на висящих на подножке пацанов — тут уж меня можно понять: чуть ли не впервые ехал «билетным» пассажиром!

На тракторном мы попали в такую круговерть и такой сплошной человеческий поток, что я перепугался: мне было всего-навсего восемь лет, я никогда не видел столько людей вместе,

— Не бойся,— успокоил брат, когда я судорожно вцепился в него.

Он высоко поднял меня, мягко усадил к себе на плечи. Отсюда, сверху, я увидел все: рокочущее, без конца-краю человеческое море; деревянную трибуну в сплошных красных лозунгах; крестьянские подводы, запряженные разукрашенными конями; серый трактор на огромных, больше него самого, колесах, выезжающий из заводских ворот...

Прав был брат: на всю жизнь запомнил я этот июньский день тридцатого года. И хотя потом, за долгие десятилетия, довелось мне не только видеть, но и участвовать в таких знаменательных событиях, как пуск Волго-Дона, перекрытие Волги, прокладка целинной борозды,— первый трактор навсегда и ярче всего врезался в память.

...Вечером, после официального и торжественного пуска завода, мы, как и другие приглашенные, поехали со старшим братом на новую, только что отстроенную лодочную станцию и долго, до луны, катались па Волге: гулять — так гулять!

Кто из нас, мальчишек города, не был душой и сердцем привязан к лодочной станции тракторного завода! Мы пропадали там с утра до ночи, вызывая гнев и тревогу родителей и старших братьев. Мы знали все лодки и яхты. Устойчивые двухпарки, легкие однопарки, верткие лаковые байдарки, стремительные яхты с тугими парусами были для нас живыми существами со своим норовом, повадкой, своими капризами, привычками... Но самая главная прелесть и самое большое преимущество заключалось в том, что на этой лодочной станции мы чувствовали себя не посторонними людьми, которых могут турнуть, а полноправными, законными хозяевами: наши отцы и старшие братья работали на тракторном.

Брат греб легко и красиво, лодка стремительно скользила по воде. Я тоже хотел грести легко и красиво, но мои весла с противным шлепком глубоко уходили в воду, поднимая фонтаны брызг, с трудом я их тащил из воды...

— Ничего, ничего, научишься. Мы с тобой еще покатаемся на лодке.

Грести я научился. А вот покататься нам больше не пришлось. Никогда! После окончания заочного отделения педагогического института брат уехал на Северный Кавказ. Перед отходом поезда он вдруг снял свои большие на-

ручные часы, переделанные из карманных, протянул мне:

— Носи!

Я не просто был потрясен — онемел от такого щедрого, немыслимого подарка. Часы! Шутка ли... Мечта всех и каждого! Я их так берег, что даже носить не решался, в армию не взял! Так они и сгорели вместе с домом, лодочной станцией, всем городом в дни Сталинградской битвы.

...Нет, что ни говорите, а хорошо иметь старших братьев. Я почувствовал это в раннем, розовом возрасте, когда на улице мне крепко досталось. Зареванный прибежал домой. Старший поднял голову, спросил:

— Били за дело?

— Не знаю,— обливался я слезами.

— Говорить не хочешь,— понял он.— Значит, за дело. Много их?

— Много.

— Не годится,— сказал он и пошел на улицу.

Минут через десять вернулся:

— Иди, не тронут. Но больше не жалуйся. Сам управляйся.

Ну разве я не должен был за все это и многое другое благодарить старшего? Надо думать, и он порой ждал от меня если не слов, то хоть доброго взгляда, улыбки... Наверное, ждал. Но ведь все мы в молодости сдержанны до черствости, почему-то боимся показать свои чувства и спохватываемся, когда уже невозвратно поздно...

Я впервые подумал об этом на фронте, когда получил горестное письмо матери о том, что пропал без вести старший. Но только годы спустя, когда кончилась война и в живых нас осталось двое, я со всей остротой ощутил боль утраты.

...Вот мы с тобой, брат, и встретились сорок лет спустя. Я теперь хоть знаю, где ты похоронен. И, может, еще что-нибудь узнаю, поговорив с Валентиной Васильевной Макаровой. Надо подробно обо всем расспросить ее, побывать с ней в механическом техникуме, где когда-то размещался госпиталь.

Наивные желания — поговорить, расспросить, сходить... С огромным трудом пробился к ней через плотную толпу, увидел ее заплаканное лицо — позднее узнал, что, несмотря на годы поисков, бесчисленные описания ранений, по-

стоянные встречи с родственниками, она так и не смогла привыкнуть и каждый раз плакала со всеми,— назвал себя, поблагодарил... Мне многое хотелось сказать этой удивительной женщине — все, что передумал за последний месяц, что накопилось в душе за сорок лет, поблагодарить от имени отца и матери, которых уже нет...

Она отложила наш разговор на потом, у себя дома, где удастся заодно посмотреть карточку и, возможно, узнать еще что-то о брате. Честно говоря, мне не очень хотелось узнавать подробности ранения и смерти — и так тяжело, зачем еще это?.. Но пойти и поговорить непременно надо...

Под вечер, часу в шестом, я приехал на улицу Гагарина, отыскал пятьдесят шестой дом и направился в девятнадцатую квартиру. В подъезде стояла огромная и плотная толпа, которая заполнила лестницу с самого низа до квартиры Макаровой на пятом этаже. У всех были такие же вопросы, как у меня, та же боль, благодарность, воспоминания... И такое же ограниченное время...

Я понял, что мне не удастся поговорить с Макаровой и вообще в такие дни лучше не подступаться, надо приехать в другой раз... Я сел в автобус, добрался до механического техникума на улице Батырая, обошел серое здание, долго-долго стоял у мемориальной доски с надписью: «В период Великой Отечественной войны в этом здании в 1942 — 45 гг. размещался военный госпиталь № 4650».

Длинный майский день все еще не кончался, и я опять поехал на кладбище. Людей стало меньше, но скорбь и горе, тихий стон все еще висели над могилами и плитами.

А может быть, это были души умерших, которые поэт назвал белыми журавлями?..

12

Месяца через два я снова прилетел в Махачкалу. Никаких торжественных, памятных, массовых мероприятий на братском кладбище не было, не предвиделось, и ничто не могло отвлечь от подробных, откровенных разговоров с Валентиной Васильевной Макаровой, Верой Ефимовной Колодей, Александрой Никифоровной Бековой, комсомоль-

скими работниками, бывшими медицинскими сестрами, Сергеем Петровичем Ельчаниновым, который параллельно занимался своими поисками и стал добровольным, горячим помощником и пропагандистом розысков безвестных бойцов и командиров... Правда, родственники погибших время от времени все же появлялись — неожиданно, без предупреждения, стихийно: в командировку, по дороге на курорт с солидным крюком или просто выдались свободные дни... Но они не только не отвлекали, а, наоборот, дополняли рассказы и дорисовывали, если так можно сказать, общую картину поисков.

Так вот, с торжественным и официальным открытием братского мемориала не окончились поиски. Разве что облегчились и вошли в колею, что ли: отошла прежняя горячка и спешка; появились опыт, знания, уверенность; и самое главное — стало ясным, что предстоит делать дальше.

Прежде всего — продолжать поиски родственников. Многие еще не отозвались, тысячи полторы. А ведь где-то они есть, родственники и близкие полутора тысяч умерших в госпиталях, похороненных безымянными в братских могилах, с трудом наконец найденных,— непременно есть, не могут не быть! Ведь это же такая редкость, чтобы в довоенное мирное время не было у человека ни корней, ни ветвей, как у срубленного и ошкуренного дерева. Уж на что не надеялась найти хоть кого-нибудь близкого Николаю Шуликову, потому что рос в Батайском детдоме, но и тут отозвалась Любовь Михайловна Франченко, в семье которой он квартировал одно время.

Теперь, правда, легче искать: горком комсомола решил привлечь к поисковой работе лучшие производственные бригады заводов, фабрик, строек Махачкалы. Им переданы уже известные адреса родственников — для постоянной связи и переписки. И они же будут искать тех, кто еще не отозвался. С помощью Макаровой, под ее контролем. Но советовать, помогать, направлять куда легче, чем самой писать письма, посылать запросы, прочитывать кипу ответов, отвечать родственникам, слать телеграммы... Тем более что нельзя прекращать работу со списками госпиталей и погибших — многое может еще выявиться. Но тут уж никто не поможет и не на кого рассчитывать, тут надо только самой...

И наряду с основной работой в краеведческом музее,

где она заведует передвижными выставками, одновременно с трудными и долгими поездками в отдаленные районы и селения республики Валентина Васильевна ни на день не прекращает поиски. Тем более что задумала она воссоздать в музее историю госпиталей, составляющих немалую часть воинской славы Дагестана...

Этим и живет сейчас Макарова. Увлекательная работа в музее и дружный коллектив; старые верные друзья и десятки новых; со всех концов страны трогательные письма от родственников погибших и неожиданные добрые послания от совершенно незнакомых людей, коллективов, организаций — вроде недавней телеграммы с Горьковской студии телевидения: «Большой радостью прочитали «Известия». Гордимся вами, дорогая Валентина Васильевна...» Непрекращающиеся поиски, которые стали общим делом многих сотен людей, и братский мемориал, за который она всегда будет чувствовать ответственность и где каждое надгробие, каждая табличка, плита, надпись — неповторимая человеческая судьба, история жизни и подвига, верности и преданности не только умерших в госпиталях и похороненных здесь, но и многих тысяч ныне живущих людей...

Могила пограничника Ивана Константиновича Аносова из 26-го полка войск НКВД, умершего 23 июня 1943 года от тяжелых ран... Один из первых безвестных, родственники которого оказались поблизости — в селе Бургун-Маджары Левокумского района Ставропольского края. Тут же приехала дочь воина — Анастасия Ивановна Подорога. Побыла на могиле, поплакала, оставила на надгробии два каравая хлеба собственной выпечки, увезла домой горсть земли.

В другой раз приехала в День Победы, пошла со всеми на кладбище... И вдруг раздался страшный крик: нет могилы, пропала могила! Женщину привели в сознание, Макарова показала ей усыпанное цветами надгробие, которое та не заметила...

А у могилы, в которой покоится Иван Францевич Пракель, занесенный в старые списки под фамилией Праксель, произошло вот что. Жена, вернее вдова, горько разрыдалась и начала вдруг просить прощения у Макаровой за то, что вышла второй раз замуж. Тут же стоял второй ее муж, тоже фронтовик. Низкий поклон отдал он умершему.

Мама девятнадцатилетнего Саркиса Шагояна не дожила до того дня, когда на мраморной плите появилось имя ее мальчика. До последнего вздоха не расставалась она с письмами сына, читала их, перечитывала и завещала схоронить ее вместе с этими письмами...

Пограничник Иван Архипович Чубенко, к которому приезжают из Батайска дочь, зять... Балкарец Хамид Канаматович Маммеев, который значился Маниевым... Людмила Тужик, записанная Тушниковой... Ворошко, который был Волошко... Владимир Михайлович Макаров из Горьковской области, к которому приезжают жена, сыновья, внучка... Даже пенсию жена не получала — как о ней заговаривать, если неизвестно, где, как, когда погиб муж. И только после того как установила Макарова причину и день смерти, место захоронения, и архив Военно-медицинской академии прислал вдове все необходимые выписки, вопрос о пенсии был сразу решен.

А какими горячими словами благодарила Макарову вдова красноармейца Андрея Шевелева, приехавшая в Махачкалу с внуком, названным в честь деда. Тут особая боль, которая не давала покоя Александре Павловне все долгие десятилетия — разве что последнее время не так саднила. Она ведь и полного дня не прожила с мужем, как ушел он на войну. И когда родилась дочь, многие смотрели косо — откуда ребенок, если мужа толком не было, да и где он, этот муж, куда вдруг исчез? И вот неожиданно статья в районной газете, не какая-то личная бумажка, а самая настоящая статья о том, что разыскиваются родственники геройски умершего от ран Андрея Шевелева. А родственники — вот они: жена, дочь, внук.

Григорий Денисович Ткаченко из Ростовской области, к которому регулярно приезжают три сына, дочь, внуки... Большая семья Карамновых из Москвы, Куйбышева, Краснодарского края, Крымской области... Как приедут человек десять, так друг другу не нарадуются и благодарят Макарову, что собрала их вместе. Родственники Таучелова приезжают из Орджоникидзе на специальном автобусе, а иногда и на двух, непременно бывают у Макаровой, причем так плотно набиваются в маленькую квартиру, что приходится стоять. Зато всё искренне, трогательно: и разговоры, и воспоминания, и вино, которым поминают умершего.

А вот А. Харламов до сих пор тяжким грузом висит на

Валентипе Васильевне. Ничего не может о нем установить и никого не может отыскать. Прекратить поиски — никто ведь не упрекнет, все возможности испробованы и использованы. Но она сама себя перестанет уважать и никогда себе не простит — что там другие! Потому что не может, не должно быть пропавших без вести! Об этом сказал в своем письме Иван Андреевич Копылов из города Краснодара:

«Я — ветеран Черноморского флота, капитан-лейтенант в отставке, три года и семь месяцев был в действующих частях, то есть на передовой. От имени моих товарищей, павших в боях, утверждаю, что ни ранения, ни сама смерть не были так страшны на фронте, как мысль остаться неизвестным. Именно этого мы все боялись, идя в смертельный бой и прося друг друга о том, чтобы оставшиеся в живых сообщили родственникам, близким, всем людям, что мы умерли с достоинством, защищая Родину.

Так поймите же, милая, дорогая Валентина Васильевна, какое вы сделали величайшее дело, установив имена тех, кто умирал в тяжелых муках. Значит, они не забыты.

А я низко кланяюсь вам за то, что вы нашли моего брата Андрея Андреевича Копылова, умершего от ран в госпитале Махачкалы и похороненного на втором кладбище в могиле номер пятьдесят; за многие тысячи прежде безвестных и еще за то, что вы находите время ухаживать за могилами, убирать их цветами...»

* * *

Этими словами из письма ветерана я хочу закончить рассказ о Валентине Васильевне Макаровой, ее поисках и великой памяти сердца.

ЗДРАВСТВУЙ, ЗАВОД!

Встаю,
заботам твоим подвластен,
по графику время свое кроя,
иду и иду
на участие в счастье,
Сталинградский тракторный,
юность моя!

Михаил Луконин

Вторые сутки кружит метель.

Утром отвела Мишку в садик, Танюшку — в школу. Мишка всю дорогу хныкал: «Баб Лид, хочу домой». Жалко мальчишку, но дома не оставишь: маме, Мишкиной прабабушке, далеко за восемьдесят, с трудом ходит. Когда же наконец вернутся из служебной командировки дочь с мужем? Оставили детей и умчались. Вот и разрывайся: работа, дом, Танюшка, Мишка, школа, садик...

— Сестра говорит: иди на пенсию. А разве так просто с заводом расстаться? Сорок лет на тракторном, с первого дня, с первого камня!

Она говорит на ходу, прибирая квартиру, перетирая посуду на кухне, быстрая, проворная, невысокого роста, ху-

денькая, глаза большие, черные, живые. У Танюшки такие же глаза. И вообще девочка очень похожа на бабушку — тонкое смуглое лицо, порывистые движения...

— Правда? — радуется Лидия Степановна.— А ведь внуки от приемной дочери. Я, когда осталась одна, уговорила сестру отдать мне на воспитание младшую дочку.

Поздний вечер. За окном в бешеном вихре кружится снег. Сквозь густую пелену с трудом просматриваются огни тракторного.

— Тогда тоже была метель,— вспоминает Пластикова.— Несколько дней подряд.

I

Вторые сутки кружит метель.

Густая пелена наглухо закрыла небо и землю. Даже телеграфные столбы и те еле видны. Будто весь белый свет состоит из снежной заволоки, воя ветра, стука колес и гудков паровоза, которому невмоготу тащить длинный хвост вагонов.

Свесив голову с верхних нар, Лида присматривается к новым товарищам. Вон того, широкого, уже запомнила, Петра Корчагина. Первый раз выехал из деревни. И паровоз впервые увидел.

Высокий, тонкий, в косоворотке — Сергей Лисин. Появился в вагоне и начал всех тормошить:

— Гармонь есть? Гитара? Балалайка?

А вот эта, круглолицая, Хлоптунова Аля. Землячка Лисина, саратовская. Все они, что ли, в Саратове такие общительные, так быстро сходятся с людьми? Собрала у девчат красные косынки, сшивает в одно полотнище, пишет лозунги.

— Вывесим на вагоне. Пусть все знают, кто мы и куда едем.

Позавидуешь такому характеру. Не то что у Лиды Пластиковой. Второй день — и ни с кем словом не перемолвилась, даже со своими сызранскими. Чуть было из-за робкого характера не оставили дома. Представитель окружного комитета комсомола, специально приехавший в Сыз-

рань, попросил рассказать о себе. Все приготовились слушать: члены бюро, активисты, старые рабочие... А она молчит. Потом сказала, что родилась в десятом году, в комсомол вступила в двадцать седьмом — и опять замолчала.

— Смелее, смелее. И подробнее.

А где взять подробности? И какие? Рассказать, как носило с отцом по всей Центральной России, как кочевал железнодорожный машинист, а потом телеграфист Степан Степанович Пластиков с женой и двенадцатью детьми из Подмосковья в Рузаевку, потом в Воткинск, Симбирск, Пензу, Инзу, Сызрань?.. Не по своей воле — по предписанию полиции, чтобы не организовывал забастовки, не распространял прокламации... А может быть, рассказать про смутно вспоминающийся 1917 год и отца с винтовкой и красным бантом на груди? Или про школу в Симбирске недалеко от дома, в котором жил когда-то Володя Ульянов?.. Про пионерские походы, костры и о том, что до сих пор хранит свой красный галстук?

О чем же рассказать? О поисках работы после окончания десятилетки, бирже труда, толпе у маленького окошечка, открывавшегося всего на полчаса? Или о том памятном вечере, когда отец принес «Правду» со статьей о строительстве тракторного завода на Волге и сказал:

— Езжай, дочка.

Мать — в слезы. Кричит на отца:

— Совсем с ума сошел! Сам всю жизнь мыкался, а теперь дочь на это толкаешь? Не пущу! Пусть дома сидит. А ты, старый, выбей у нее из головы эту дурь, слышишь!

Не любил отец женского крика, перемолчал. А вечером повторил:

— Езжай! Твое время пришло. Сам бы поехал — здоровье не то.

...Какие же подробности, если и биографии еще нет?

Представитель окружкома развел руками:

— Ну, знаешь... На стройке нужны боевые девчата.

— Она у нас боевая,— вступился секретарь райкома.— Смелая. Недавно хлеб искали у кулаков, все перерыли — нигде ничего. Ребята ушли, а она — в сарай. Сидит там тихонечко, каждый угол перекапывает. И нашла. Глубоко

под землей, хитро запрятано. И вдруг увидела — сарай горит. Кинулась к выходу — дверь на запоре. Хорошо, ребята хватились, вернулись и вытащили из огня.

— Вот как! Что ж ты молчишь? На стройку хочешь?

— А пошлют?

Все почему-то засмеялись.

— Ты уж будь там немного побойчее, ладно?

— Постараюсь.

Обещать-то обещала, но не так просто переделать себя. Ребята и девчата перезнакомились, все в вагоне знают друг друга. А она никак не может заговорить. Спросят — ответит. А самой чего же приставать? И вовсе дело не в характере. Просто каждый по-разному сходится с людьми: один быстрее, другой медленнее.

Алька сказала: пусть все знают, кто мы и куда едем. Кто мы — понятно, об этом сказано в решении Центрального Комитета комсомола: семь тысяч проверенных на общественных делах рабочих и батраков. Зачем едем — тоже известно: строить первый в стране тракторный завод. А вот что дальше? С чего начнем, где будем жить, что делать?.. Неужели другим все понятно? Посмотришь на ребят и девчат, вроде бы не за тысячу верст от дома, а в соседнее село едут: шутят, смеются, разговаривают. Лисин, как заправский оратор, шпарит про тракторный — заслушаешься! Первые тракторы изготовлены в России после революции, но было их очень мало. Советское правительство решило построить завод, чтобы не лезть в кабалу к капиталистам и не покупать тракторы на золото. Все знает Лисин: и про первый камень тракторного; и про споры, каким быть заводу — на привычный русский манер или на новый американский; и про решение правительства, что завод должен выпускать сорок тысяч тракторов в год американским, массово-поточным методом — все знает.

Вот такими, наверное, и надо быть, как Лисин или как Хлоптунова.

2

Прораб показался Лиде огромным. Полушубок нараспашку, шапка сдвинута на затылок, из-под шапки копна черных волос.

— Пополнение? Землю копать умеете? Кирпичи класть? Так. Ясно. Ничего не умеете. Не дрейфьте, научим.

Дал каждому лопату и повел расчищать снег.

— И это все? — удивился молчаливый Корчагин.

— Мало?

— Неинтересно.

— Припоздал ты чуть, парень, на неделю бы раньше. Тут такой интерес был, что шкура трещала, глаза дымом выедало. Видишь, цех в стекле? Двадцать восемь тысяч квадратных метров, соображаешь? Да на таком ветру. Девчата стеклили. А парни пол в это время настилали, смолой заливали. Как черти в аду. Очень даже интересно было, многие до сих пор не очухаются.

Лида посмотрела на цех — страшно стало. Высота!.. Рассказывали, что девчонки привязывались друг к дружке. Работали днем и ночью. До того уставали, что сами спуститься не могли. А бригадиром — тоже девчонка, Женя Зозуля с Украины, ее теперь вся стройка знает. И Мишу Бердикова, который полы настилал. Сезонники отказались, а он собрал комсомольцев, и в самые морозы все сделали. Во это да! А тут снег чистить.

Прораб будто догадался, о чем думают новички. Хлопнул Корчагина по плечу:

— Не горюй, парень, скучать не придется. Стены видишь, котлованы? Земля, чувствуешь, каменная? Долбить будете. Еще наломаетесь, будь здоров. А снег — это вам так, вроде разминки. Но тоже нужная работа.

Ничего себе разминка! Ветер пробирает до костей, лицо горит, руки коченеют. Ни укрыться, ни прислониться. Голо, пусто. Хоть бы дерево какое. И как живут люди без деревьев? Сядешь передохнуть на снег, проберет так, что не поднимешься. Когда-нибудь кончится метель, перестанет сыпать снег?!

— Лида, держишься?

Алька беспокоится, Хлоптунова. Хорошая она. Как тогда в вагоне перебралась к Лиде, так до сих пор вместе, даже кровати рядом. Алька одних лет с Лидой, а чувствует себя куда взрослее. Может быть, потому, что успела дома, в Саратове, поработать на настоящем заводе. А Лиде так и не пришлось. Два раза ездила в соседние с Сызранью

села собирать ягоды и фрукты. И этому была рада. Другие вон месяцами толклись на бирже труда, и ничего не перепадало.

Что это все думается о доме, о прошлом? Наверное, потому, что не обвыкла на новом месте. Не то что Сережка Лисин и Алька Хлоптунова. Те будто всю жизнь здесь: со всеми перезнакомились, все знают, даже коммуну сколачивают. Коммуна — это здорово! Говорят, коммунарам пятиэтажный дом отдадут, он вот-вот будет готов. Лисин сочиняет устав коммуны, приглядывается к ребятам и девчатам — не каждого возьмешь. Правильно делает. Коммунаром может быть тот, кто начисто избавился от пережитков прошлого. Ну какой же коммунар, скажем, Кузьмина, если держит свой сундучок на замке? А в коммуне все общее: зарплата, обувь, еда — всё, всё. Неважно, что один заработал больше, другой меньше. Никаких «мое», «твое» — все наше, как при коммунизме.

...Опять Зойка Кузьмина убежала в барак. Что с ней делать? Позорит сызранцев — и только. Прораб говорит, будет еще труднее, тогда как? Работает же узбечка. Совсем непривычная к морозам, шатается от ветра, а не убегает. Только вечерами садится к печке, тянет руки в самый огонь и шепчет, шепчет что-то по-своему. Гена Нестеров рассказывал, что дома, в Узбекистане, ее хотели выдать замуж за богатого старика. Подумать только, такую молоденькую — за старика! Что, у них Советской власти нет? А она молодец, решила уехать. Только холодно ей здесь, бедной. Надо сказать Лисину — он всех знает, всё начальство — пусть подыщут работу в тепле.

Гену Нестерова тоже Лисин разыскал. И с Веной Коновым сдружился, с Лешей Мангутовым, Колей Покусаевым. Хорошие ребята, настоящие товарищи. Гена Нестеров с самого начала на стройке. Вместе с отцом первый колышек забивал в степи, строительную площадку забором огораживал. Все знает! Как начнет рассказывать — заслушаешься. Тут, говорит Гена, до приезда комсомольцев-семитысячников такое творилось, такое творилось! Сезонники, они ведь как работали: селами, артелями. Одна артель землю копает, вторая — плотничает, третья — кирпич кладет... Летом здорово работали, а подошла осень —

собрались по домам. Начальник строительства Василий Иванович Иванов с ними и так и эдак. А они — ни в какую: дескать, такого не было, чтобы в холода строить — и всё. Ну что тут будешь делать, хоть закрывай стройку! Выручил старый каменщик Григорий Иванович Титов. Не сезонник, нет, и не артельщик. Сам по себе с сыновьями. Собрал старик бригаду из комсомольцев и начал в холода класть стены. За ним — отец Гены с плотниками, Михаил Бердников с ребятами, тот самый, что в морозы полы настилал. И сезонники — видят такое дело, многие поостались. Теперь они уже никакие не сезонники, а самые обычные строители. Правда, еще раз заупрямились, когда надо было в самый мороз стеклить механосборочный цех и полы настилать. Если по справедливости, то такую работу в теплое время делают. Но кто же виноват, что сроки подпирают, а людей не хватает. И так Иванов на части разрывается.

Сейчас он в Америке, Василий Иванович Иванов. Станки заказывает, оборудование. Когда поехал, многие сомневались: как он там будет с капиталистами говорить — языка не знает, обхождения никакого, бывший матрос, из крестьян. Как пить дать, надуют его капиталисты. А станки ведь за золото покупаем. И что бы вы думали? Управился, еще как! Все заказы проверил, всюду побывал, с капиталистами разговаривает на равных. Вот тебе и матрос! Скоро вернется. Тут теперь такие дела начнутся, только держись! Завод будет готов раньше срока — это точно.

— Лидка, не замерзла?

Какая она беспокойная, Алька! И Вена Конов. Чуть только передышка — подходит к Лиде. Ничего не говорит, молчит, но смотрит внимательно-внимательно. Зря они так, не маленькая, не ребенок. И к холоду привычная. Прораб даже удивился:

— Смотри ты! С виду невзрачная, а двужильная.

И отец так говорил. Уйдешь, бывало, на весь день в лес, вечером возвращаешься с ягодами, грибами — и усталости никакой. Еще маме по хозяйству поможешь, железнодорожные стрелки за отца сбегаешь проверить...

Пусть уж лучше Вена узбечку в барак отведет, замерзает бедная. И Зойку Кузьмину поругает. Нет, с Зойкой самой придется говорить. Вена не сумеет — очень уж деликатный, что ли. Все-таки приятно, когда о тебе заботят-

ся. Приятно, да? А Лисин узнает? Не видать тогда коммуны. Он насчет этого строг. А что тут такого особенного? Поговорить уж нельзя с человеком. И никакого нарушения устава коммуны. Лешка вон Мангутов и Колька Покусаев не отходят от Альки, им можно?

А Лисин молодец, уже придумал название коммуны — «Искра». Здорово! «Из искры возгорится пламя...»

3

Народу-то, народу на тракторный понаехало! Или с весной перестали вечерами отсиживаться в бараках? Костры, гармонь, песни. Спать никого не загонишь, не то что раньше: чуть вечер — и греться под одеяла. Нет, все-таки много понаехало. По палаткам видно: «Украина», «Астрахань», «Белоруссия», «Ленинград»... Вот это Интернационал! Только надписям теперь не очень можно верить: астраханцы живут вместе с украинцами, ленинградцы — с белорусами...

Эх, Зойка, Зойка Кузьмина! Ну что бы тебе еще месяц потерпеть — и не пришлось бы ночью на цыпочках пробираться с сундучком мимо спящих, мчаться с оглядкой на вокзал. Посмотрела бы ты, как хорошо сейчас в степи и какие дела тут развернулись.

Перво-наперво — учеба на профтехкурсах. Кто на слесаря, токаря, а мы на зубореза. Поначалу скандал подняли: что это за зуборез? Давай в слесари. А оказалось, посложнее, чем слесарь. Математику надо знать: геометрию, тригонометрию...

Станки стали прибывать. Американцы приехали учить работать. Ну, еще месяц — и осталась бы здесь навсегда.

— Ты чего бормочешь, спать не даешь?! — удивилась Хлоптунова.

— Так,— смутилась Пластикова.

— Нет, не так, знаю. Все задним числом свою Кузьмину воспитываешь. Далась она тебе.

— Может быть, мы виноваты? Ну не только я, а мы все?

— Ох и жалостливая ты, Лидка! Давай спать, а то, чует мое сердце, поднимут ночью станки выгружать.

— Я, знаешь, о чем, Алька, думаю? Увидеть бы ее лет через десять и узнать, выгадала она в жизни или нет?

А ведь встретила Лидия Степановна Пластикова Кузьмину. Случайно, много лет спустя. Говорили долго и обо всем — о жизни, семьях, товарищах, о работе. Только об одном не вспоминали, словно заранее решили не касаться этого,— о бегстве Кузьминой, о той ночи, когда с сундучком в руке пробиралась она на вокзал. И почувствовала Пластикова, что не забыла Кузьмина своего бегства, до сих пор не может забыть, хотя все уже покрылось толстым слоем времени, никто ей ни о чем не напоминает, а многие вообще об этом ничего не знают.

Видимо, от себя самой, от своей совести никуда не уйдешь...

4

17 июня 1930 года.
Запомнить надо этот день.

Никогда не видели коммунары свой дом коммуны таким светлым и веселым: обычно уходили рано утром и возвращались поздно вечером. На этот раз можно не торопиться. И завтра, и послезавтра — три свободных дня. Хотя как не торопиться, если на площади уже гремит оркестр, собрались тысячи празднично одетых, радостных, взволнованных людей?

Заводские ворота — настежь. В глубине видны корпуса, асфальтированные дороги, просторный двор. На конвейере — трактор. Ребята из сборочного подкрашивают его.

Алька и тут не растерялась, выхватила кисть у парня, обмакнула в краску, дотронулась до трактора.

— Теперь ты, Лиданя.

Примчался Лисин.

— Где Френкель? Яшка где?

— Спит,— сказал Корчагин.

— Как спит? Ему же трактор вести?

Корчагин недовольно посмотрел на Лисина: «Вот так и спит. Мертвым сном. Трое суток не выходил из цеха. Решил вздремнуть часа два. Просил разбудить. Да разве

добудишься? Конечно, можно было поднять его спящего и поставить на ноги. Но жалко парня. Неужели все это надо рассказывать комсомольскому секретарю? Сам должен понимать».

— Не разбудил,— догадался Лисин.— Ну смотри, Корчагин! Будешь отвечать, если что случится. И Яшка тебе еще задаст. Думаешь, так это просто — проспать такой момент?

Трактор вздрогнул, ожил, пошел. На небольшом подъемчике возле заводских ворот он вдруг чихнул и заглох. Сотни рук тут же протянулись к машине.

— Да отойдите же, наконец,— взмолился Лисин.

Толпа чуть подалась назад, напряженно следя за лихорадочными движениями сборщиков. Трактор неуверенно зарокотал, опять смолк, потом заговорил во весь голос, взял подъем и пошел на площадь. Лида и Аля — за ним. Алька даже забралась на трибуну.

— Что делается, что делается! Иди сюда, Лидка, посмотри.

— Неудобно.

— Лезь!

Людей-то, людей! На площади, на прилегающих улицах, на крышах домов... Многие на разукрашенных подводах, некоторые верхом... И всюду — знамена, плакаты, транспаранты. Низко проносятся самолеты, летчики в очках и кожаных шлемах машут руками...

Василий Иванович Иванов читает телеграмму Центрального Комитета партии. Старый дед жмет руку Иванову. Смуглый человек в черкеске просит прислать один из первых тракторов на Кавказ и передает директору тракторного деньги. Кто-то зачитывает поздравительную телеграмму поэта Александра Жарова:

Невиданными делами
рабочий класс живет.
Нет больше Тракторостроя,
есть тракторный завод.

— В чем у тебя рука, Лида? — удивилась Хлоптунова.

— В краске. Трактор подталкивала.

— Вытри. Перепачкаешься.

— Нет уж. Потерплю до вечера,— засмеялась Пластикова.

Вечером вырвала листок из тетради, аккуратно приложила руку, бережно спрятала в память о первом тракторе.

Пришли ребята. Притащили злого Френкеля. Позади плелся Корчагин.

— Не показывайся,— кричал Френкель.— Убью! Все равно убью. Не мог разбудить, да? Пожалел, говоришь, да?

Петр виновато улыбается.

— Ладно, живи,— успокоился Френкель.— Твое счастье, что мне в Москву ехать.

— Как в Москву? — широко раскрыла глаза Пластикова.

— Расскажи,— потребовала Хлоптунова.

— А чего рассказывать? Трактор везем на Шестнадцатый съезд партии.

— Ты можешь подробнее?

— В партком его вызывали,— наперебой заговорили ребята.— А Яшка боится.

— Не боюсь. Думаю,— уточнил Френкель.— Москва на семи холмах. Там, знаете, какие подъемы! Вдруг заглохнет? Позор! Вот я и думаю. Поедем с трактором в товарняке. Возьмем инструмент и будем по дороге каждую деталь проверять.

— Правильно, Яшка! Отрапортуй в Москве: есть советские тракторы!

5

А тракторов не было. День не было, два... неделю...

Вернулись из Москвы начальник цеха Грибков, Яша Френкель и Ваня Тоскуев.

Френкель ввалился в дом коммуны — радостный, сияющий, праздничный — и громко продекламировал:

Это шел вдоль людской степи,
Оставляя на камне метки,
Трактор бедной еще страны,
Шумный первенец пятилетки!

— Яшка! — обрадовались ребята.— Рассказывай.

— Дайте хоть передохнуть...
— Потом. Рассказывай. С самого начала. Все, как было.
— Ну слушайте. Погрузили мы трактор в товарный вагон, захлопнули двери и начали по винтикам проверять машину. Вагон швыряет, качает, темно. Коленки ободрали, локти посбивали... Не обращаем внимания. Так увлеклись, не сразу заметили, что вагон стоит, отцеплен. А состав вдали и вот-вот уйдет.

Тоскуев — к машинисту, я — к начальнику вокзала. Ворвался в комнату, кричу:
— Что вы делаете? Трактор везем в Москву! Понимаете?
— Какой еще трактор?
— Первый. Прямо с конвейера.
— Ты, случаем, парень, не врешь? — говорит начальник.— Откуда ему взяться, трактору? Завод только начали строить. Покажи-ка.
— А как с отправкой? Не застрянем?
— Не твоя забота.
Увидел начальник трактор и как раскричится:
— Какого черта раньше молчал? Дрыхнете у себя в вагоне... А мы откуда знаем? Видим, буксы горят — и отцепили. На съезд, говоришь? Можешь не беспокоиться. Всех обзвоню. По зеленой улице доедете.

Постарался, разнес весть о тракторе... И повалил к нам народ. Какой уж тут ремонт! Посматривай, чтобы на радостях трактор не унесли по частям. Щупают, нюхают, требуют самых подробных сведений: как пашет, чем пашет, сколько может без устали работать, куда заливать топливо, какое оно. И в один голос: когда начнут продавать и сколько стоит? Будто вот сейчас уплатят деньги, на плечах вытащат трактор и погонят на поля. А кто его знает, сколько он стоит на продажу? Хорошо, хоть Грибкову известно. Наговорился он за дорогу до хрипоты. На каждой станции начинает все сначала. Перед самой Москвой пристал мужичок:
— Ты бы чуть проехал, сынок.
— Куда же я поеду? Не видишь — стены.
— Мне бы только колесо в ходу глянуть.
— Так некуда.

— А ты чуть-чуть.
— Не могу,— отказал Грибков.— Мотор заведу, хочешь — слушай.
— Чего его слушать? Моя баба тоже балабонит, а все даром.
Не успел трактор выкатиться в Москве на площадь перед вокзалом, как тут же попал в огромную толпу встречающих: рабочие, крестьяне, служащие — жители Москвы,— кого только нет! С лозунгами, знаменами, оркестрами. Едем по живому коридору. Грибков — впереди, мы с Тоскуевым — на тракторе, один ведет, второй — на крыле, потом меняемся. Грибков волнуется. Подойдет к трактору и шепчет:
— Голову сниму, если заглохнет. Ты не трактор, историю своими руками ведешь.

На ступеньках Большого театра — делегаты партийного съезда. Увидели трактор — пошли навстречу. Сначала степенно, потом не выдержали, побежали. Кричат, обнимаются, хлопают друг друга по плечам, фуражки вверх бросают... Ну, честное слово, еще немного — и втащили бы трактор на сцену Большого театра. Между прочим, на обратном пути мы уже слышали, якобы трактор своим ходом вошел в театр, прошел на сцену и стоял там до самого окончания съезда.
— А что, может, и надо было затащить? — загорелся Лисин.
— Тебя не спросили. А вы чего тут такие хмурые?
— Плохи дела, Яшка. Нет тракторов.
— Как же так? — растерялся Френкель.
— А вот так. Нет — и всё.
Тракторов не было месяц, два, три... В июне завод дал два трактора, в августе — тринадцать, в сентябре — четырнадцать... Это вместо ста сорока за сутки.

6

Тусклый свет уличного фонаря чуть освещал комнату. Густая темнота застыла в углах. За тонкой перегородкой кто-то заунывно тянул песню о ямщике.
Алька постучала в перегородку:
— Скоро ты кончишь свою волынку? И без тебя тошно.

Лида спрятала голову под подушку. Полное безразличие. Даже с завода ушли сегодня раньше. Бесполезно. Все бесполезно: волнения, ругань, споры, ночные бдения, постоянная усталость, недосыпание... Конвейер стоит. Тракторов нет.

Шагов внизу не слышно. В доме наступила полная тишина. Только на кухне монотонно капает вода: тук, тук, тук...

Как легко и просто жилось совсем недавно. Руки саднило, спину ломило... И было хорошо. Знали, что все это не зря. А сейчас... Непонятно...

В комнате вспыхнул свет, громко затопали, заговорили.

— В клуб! В клуб!

В дощатом неуютном бараке, отведенном под клуб, негде повернуться. Секретарь парткома Лапидус, забравшись на стол, громко читает, почти выкрикивает статью из газеты «Правда». Всегда спокойный, сдержанный, с виду невозмутимый даже в самых трудных положениях, Лапидус на этот раз и не пытается скрыть волнение. Звонкий голос время от времени прерывается, словно не хватает дыхания, будто застревают слова в горле и трудно их вытолкнуть оттуда, бросить в напряженную тишину, эти слова:

«Не вам, пролетариям-металлистам, топтаться на месте. Пусть топчутся трусы и маловеры. А вы должны идти вперед и других за собой вести. Мы зовем вас в первые ряды ударных заводов социализма. Возьмите же сильнее разбег! Добейтесь победы для тракторного. Вы достаточно сильны, чтобы выполнить программу».

— До сих пор помню этот тревожный вечер, длинный, полутемный барак с земляным полом, прерывистое дыхание сотен людей, громкий стук собственного сердца и суровые слова старых путиловских рабочих, опубликованные в «Правде»,— говорит Лидия Степановна.— До сих пор! Хотя были куда более напряженные, тревожные, просто опасные дни и ночи. А этот вечер крепко запал в память. Может быть, потому, что для всех нас много значил. Впрочем, это я теперь мудро рассуждаю, с расстояния сорока лет. А тогда ничего не понимала. Знала только, что плохо, плохо, все очень плохо. Только потом, несколько лет спустя, когда стала наладчицей, училась в институте

и глубоко заинтересовалась историей тракторного, когда со многими поговорила, многое узнала, прочитала,— только потом поняла то, что было в то время непонятно всем нам, молодым рабочим завода.

Беда заключалась в том, что совершенно не был принят во внимание пусковой период, словно решили обойтись без него. Как многие представляли себе пуск завода? Достаточно привезти станки, установить их, приставить к ним рабочих, умеющих обращаться со станками, и дело пойдет. А не пойдет — нажмем, навалимся, штурмом возьмем. Производственная дисциплина? Взаимодействие? Поток? Не такое видели и пережили — все преодолеем, все вытянем. За несколько дней до пуска завода приехал Михаил Иванович Калинин. Все тут же кинулись ему навстречу. Иванов посмотрел на толпу и неожиданно сказал:

— Разрешите мне, товарищи, попросить за вас прощения у Михаила Ивановича Калинина. Я прошу прощения у Председателя ЦИК СССР за то, что вы бросили в рабочее время станки и ведете себя, как на базаре...

Обиделись тогда на Иванова.

— Подумаешь, какой правильный! — размахивал руками Покусаев.— Нельзя уж нам Калинина послушать! Когда бы еще его увидели?

Даже спокойный, сдержанный Корчагин удивился:

— Чего он так?

И никому не пришло в голову, что требовал Иванов обычной производственной дисциплины, без которой не может существовать ни одно предприятие.

Очень уж трудно было ему сладить с неуемной энергией молодежи, с энтузиазмом, силой. Он сам потом писал об этом:

«Когда туман торжественности открытия рассеялся, мы стали испытывать муки освоения. Мы вошли в период пусковых болезней, который, по общему молчаливому предположению, думали незаметно проскочить. Но мы задержались. И ясно, почему: такой высокоразвитой техники никогда ранее не осваивали. Это была первая серьезная встреча. Если в строительный период жили и работали с подхлестом, то в период пуска и освоения это не давало тех же результатов. А мы продолжали штурмовать. Люди теряли заказы на инструмент, забывали о самом главном и нужном, метались из стороны в сторону. Режим произ-

водства не был подготовлен. Все друг другу мешали. Рабочие ходили по цеху, как по Невскому проспекту,— всё хотели знать, весь завод изучить, но своего маленького дела не знали. Как только деталь оказывалась обработанной не по размеру, слесари втихую вытаскивали из-за голенища сапог подпилки и начинали «подгонять» детали. Нам дали семь тысяч молодых ребят и девчат, отличное пополнение. Но многие из них до этого гайки в руках не держали, были примитивно безграмотны, не умели станки смазывать. Их надо было учить, как хранить масло, как его переносить, чтобы пыль не попадала; надо было убеждать не ставить масленки на пол и не смазывать станки грязным маслом. На это уходило много времени, а мы были нетерпеливы».

— Да, это он верно подметил, Иванов, мы были очень нетерпеливы. Нам все хотелось быстрее, быстрее. А пусковой период не терпит ни спешки, ни суеты. Тут нужна точная инженерная мысль. И все-таки нас можно понять: мы были первыми в стране, не у кого было учиться. Это уже потом на нашем опыте учились другие. Наш завод прокладывал дорогу тракторным, автомобильным и другим заводам страны.

Помню день, когда приехал Орджоникидзе. Я видела его в цехах, на большом конвейере, в столовой. Слышала выступление в клубе, когда он прямо сказал, что не хватает нам знаний, организованности, дисциплины, что у нас не темпы — суета; стыдил, что на таком великолепном заводе нет мало-мальски порядочной столовой, Волгой пользоваться не умеем, клуб напоминает хлев...

Следом приехал секретарь Центрального Комитета комсомола Саша Косарев. Потом — выездная бригада «Правды». С правдистами рабочие быстро сдружились. Яша Ильин был чуть-чуть старше, лет на пять — не больше семитысячников, Галин и Безыменский — тоже. Придешь, бывало, в цех, а там уже Галин. Приметит какую-нибудь деталь — и пошел за ней по всему заводу. А назавтра — статья в газете.

Косарева поначалу не то чтобы побаивались, а сторонились, что ли: все-таки секретарь ЦК. Да и он на первых порах не очень заговаривал. Больше присматривался к

производству. Потом незаметно стал своим человеком. Так с ним спорили, схлестывались — только держись! Особенно по коммунам. Мудрый он был человек, секретарь ЦК комсомола Косарев. И видел гораздо дальше многих. Не случайно прежде всего добился, чтобы открыли ларьки со всем необходимым: спичками, папиросами, нитками — их так и называли «косаревскими ларьками». Откуда-то выписал лодки и яхты. И только потом начал наступление на коммуны. Понимал Косарев, что замахивается на самое дорогое, и не спешил, хотел, чтобы сами все поняли.

— Какие порой неожиданности преподносит жизнь,— улыбается Лидия Степановна.— Сколько за сорок лет воды утекло, сколько событий произошло! А один из первых «Глиссонов» до сих пор работает в цехе. Удивительно! Непостижимо! Завод сгорел, оборудование погибло, а он сохранился. И дом коммуны остался. Весь поселок уничтожила война, всё — дотла, а этот дом сохранился. Мы его восстановили почти в прежнем виде. На Ополченской он, внизу большой «Гастроном». Мало кто теперь знает, почему дом так называется. А мы как соберемся вместе, бывшие семитысячники, так непременно идем к нему. Смешные, наверное, со стороны — старые, седые, чересчур говорливые... Но что поделаешь: с этим домом связано самое светлое, самое дорогое в жизни — коммуна. Сейчас любой комсомолец, даже школьник в два счета докажет, что смешно строить коммунизм в одном доме, обособившись ото всех. Все это так, но перенесись я снова в свою молодость — опять пошла бы в коммуну.

А Саша Косарев был тогда прав. Хотя спорили с ним до хрипоты и ни за что не хотели соглашаться.

Шум в доме коммуны стоял круглые сутки: один спит, другой читает, третий поет, четвертый пляшет... Комнаты и постели никогда не убирались — некогда, не до этого. Посмотрел Косарев и спрашивает:

— И клопы у вас, наверное, есть?

— Имеются,— отвечает Лисин.

— Не боитесь, что они ваши тракторы съедят?

— А мы на что? Грудью защитим,— сострил Покусаев.

— И долго так жить собираетесь?

Молчат ребята.

— Да ведь все некогда,— решил наконец оправдаться Лисин.— Вот уж наладим производство...

— Чудаки,— рассмеялся Косарев.— Да как же вы не поймете, что хорошо отдохнувший рабочий принесет больше пользы, чем тот, кто не выспался.

— Неужели я должен тратить время на эту муру, когда меня ждет станок, завод? — не выдержал Покусаев.— Переспать и так можно.

— Хорошее настроение — великая, друг, вещь. Представь, что пришел ты в чистую, светлую, уютную комнату: на кроватях — белоснежное белье; на окнах — красивые занавески; на столе — букет цветов...

Ишь, куда тянет. Цветы! Галстук, шляпы... Пузатый самовар, горка подушек...

— Проживем без цветов. Не для того коммунизм строим.

— Ну, ну,— улыбнулся Косарев.— Значит, в коммунизме цветы не нужны?

Не стал больше спорить Косарев, только посоветовал:

— Думайте, ребята, думайте. И уют нужен, и цветы, и красивая жизнь. Вот тогда и тракторы будут. Думайте!

20 апреля 1932 года с конвейера сошли сто сорок четыре трактора. 30 апреля тракторозаводцы дали сто пятьдесят машин. За эти успехи Сталинградский тракторный завод имени Ф. Э. Дзержинского был награжден орденом Ленина.

Старый каменщик Григорий Иванович Титов в окружении сыновей не спеша шел по поселку. На лацкане пиджака сверкал новенький орден Ленина. Время от времени старик останавливался возле дома и спрашивал:

— Наш, что ли?

— Наш, батя,— отвечали сыновья.

— И этот?

— И этот.

— И тот?

— И тот.

— Ну что же, я свое сделал.

Сыновья многозначительно переглядывались, припоминая, как в шестьдесят с лишним лет старик поднял семью и приехал на тракторный.

— Шабаш! Пора и на покой.

Говорил искренне. И не знал старый каменщик, что долгие годы будет он еще класть стены цехов и домов, учить молодых — и здесь, и на Урале; что придется ему восстанавливать разрушенный войной тракторный, заново строить поселок...

Орденом Ленина был награжден и американский специалист Франк Бруно Хоней.

— Товарищ Калинин давал орден,— рассказывал Хоней.— И товарищ Орджоникидзе спрашивает меня: «Как, товарищ Хоней, обгоним Америку?» — «Обгоним, товарищ Орджоникидзе». А он спрашивает: «И вы с нами?» А я не есть советский гражданин, я есть американский специалист, работающий по контракту...

— А вы оставайтесь у нас, Франк Бру́нович,— предложил Лисин.

— Как оставайтся?

— Совсем.

Хоней задумчиво покачал головой.

— Не приставай к нему,— одернул Конов.— Не так просто остаться в чужой стране.

— Какая же чужая? Советский Союз, как тебе известно,— страна рабочих всего мира. А Хоней — настоящий рабочий. И отец у него коммунист — помнишь, он рассказывал.

— Хонея уговариваешь,— возмущался Покусаев,— а сам драпаешь.

— Не драпаю, а законно уезжаю. В военное училище, понял?

— А может, останешься?

— Нет, Колька, поеду. Да и вам здесь не засидеться — попомни мое слово.

Как в воду смотрел Сергей Лисин. Следом за ним ушел в армию Яша Френкель. Уехали Гена Нестеров, Петя Корчагин, Коля Покусаев... Всюду оказались нужны комсомольцы тракторного: на заводах, в колхозах, в армии, на железной дороге...

Неожиданно перевели в Подмосковье Альку Хлоптунову и Лешу Мангутова. Уехали со своей годовалой Галкой. Совсем никого не осталось из прежней компании... Только письма и фотографии; восторженные — от Лисина, горячие, душевные — от Альки, подробные, обстоятельные — от Кольки Покусаева...

— А мы с Веной застряли на тракторном. Получили квартиру, обзавелись обстановкой... Вена окончил институт, работал мастером, я — по-прежнему наладчицей. Институт пришлось оставить: завод, семья, комсомольские дела... А тут еще назначили директором детской технической станции. Почему? Вроде бы не отличалась никакими особыми организаторскими способностями, никогда не ходила в боевых, даже наоборот, считалась излишне застенчивой и робкой. Вена смеялся:

— Надо же тебе наверстать, коль прежде держалась в стороне и не могла слова сказать. А если серьезно, то кто же еще: старая комсомолка, семитысячница. Давай, давай!

Мало этого, в мае 1941 года избрали секретарем Тракторозаводского райкома комсомола.

— Ну, знаешь,— удивился Вена.— Широко шагаешь, пошире Альки...

А через месяц уехал на фронт. В первый день войны.

— Пиши,— обнял на прощание.— Чаще. Каждый день.

ТРЕВОГА! ТРЕВОГА!

Гул в сердцах накаленных,
брови сдвинуты строго.
Цеха сошлись в батальоны.
Тревога! Тревога!

Михаил Луконин

Асфальт расплавился: ступишь — и каблук уходит в черную вязкую массу. Танк на постаменте накалился так, что не дотронешься. В такую жару каждый старается быстрее проскочить широкую площадь Дзержинского. А если кого и увидишь, то разве что туристов. Да еще мальчишек. Этим жара нипочем. Карабкаются на танк, лезут по орудийному стволу, заглядывают в башню...

— Ох, боюсь, сорвутся,— беспокоится Лидия Степановна.— Ну что ты с ними будешь делать? Отшлепать бы...

Она вдруг замолкает. Потом медленно, словно в забытьи, говорит:

— Вот здесь.. Рядом с заводом... И не успела... Все до одного... Весь детский сад...

...Мальчишки уже освоились с танком, скорее всего, они здесь не впервые. Места заняты, обязанности распределены, экипаж готов к обороне. С пьедестала танка соскальзывает «чертенок» в одних трусиках и, старательно вжимаясь в мягкий асфальт, ползет в сторону «противника».

— А я вот жива,— с горькой улыбкой говорит Лидия Степановна.— В тот день нашли меня без памяти возле развалин детского садика, принесли в райком, а когда пришла в себя, хотели отправить за Волгу. Не согласилась. И вот жива... Куда он ползет? Куда? — вдруг вскрикивает она в испуге, увидев мальчишку в толпе туристов.— Задавят!

Но «разведчик» уверенно и ловко проскользнул между ногами ничего не замечающих, увлеченных туристов, благополучно вернулся к своим, занял боевое место на танке и теперь с упоением изображал стреляющий пулемет и пулеметчика одновременно.

— Вот уж никогда не думала, что по этой площади будут ходить туристы. Впрочем, что это я? Пусть ходят, пусть знают. Самой ведь часто приходится встречаться с молодежью, рассказывать о боях. Бывает, правда, что ждут от меня подробного рассказа о Сталинградской битве. Но я же не полководец, даже не военный человек. Шинель и ту ни разу не надевала. Рассказываю только о том, что сама видела и пережила в дни битвы.

I

За неделю Корчагин впервые вышел из цеха.

— Пекло,— пробурчал он, пересекая залитую солнцем обширную заводскую территорию.

Если бы рабочие услышали своего неразговорчивого бригадира, они бы по одному этому слову поняли все, что он хотел сказать. Что лето слишком затянулось и очень трудно стоять шестнадцать часов у станка; что ни к чему это синее безоблачное небо — того и гляди налетят фашисты; и что надо отправить его, Корчагина, на фронт, а не держать в цехе среди девчат, женщин и фезеушников.

В первый же день войны прибежал в военкомат. Отказали: опытный слесарь. Не сумел тогда убедить военкома.

Эх, проклятая неразговорчивость! Впрочем, раньше жаловаться не приходилось — не очень мешала. Строил тракторный, учился, работал, был в сквозной бригаде... Многие не знали даже, что есть на заводе слесарь-сборщик, семитысячник Петр Корчагин. Ну и что из того! Кому надо, тот знал. Потом опять учился, окончил рабочий факультет... А в тридцать восьмом направили в деревню руководить комсомолом. Вернулся перед самой войной. И вот тебе, пожалуйста, нужный человек. Секретарем цеховой комсомольской организации избрали. Хорошо еще, что сейчас не до речей. А работать Корчагин может. Сначала по двенадцать часов, потом решили по шестнадцать. Каждый день несколько танков сверх плана. Жена здесь же, на сборке, и дочка у станка. Залезешь в танк, вздремнешь — и опять к станку.

...В двух небольших комнатах райкома комсомола собрались секретари цеховых организаций, связные, командиры отрядов... С приходом коренастого, почти квадратного Корчагина стало совсем тесно.

— Ты чего, Петя? — удивилась Пластикова, не привыкшая без вызова видеть Корчагина.

— Деньги принес. Комсомольские взносы. Куда их?

— Как куда? В сберкассу.

— Никого нет. Уехали.

— Ну... Оставь пока у себя.

Секретари комсомольских организаций докладывали, сколько приготовлено бутылок с горючей смесью, где развернуты перевязочные пункты, как проходит обучение ополченцев...

Обидно Корчагину. Зеленые мальчишки, девчонки и у каждого — ответственное, боевое задание. Будто он, Корчагин, не может заняться чем-нибудь, кроме работы. Скажем, обучить ребят стрельбе из танка.

Словно угадав его настроение, Пластикова сказала:

— Самое главное сейчас — танки. Как у тебя, Петя, дела?

— Хорошо.

— А подробнее?

— Справляемся.

Ну, Корчагин! Идут годы, а он не меняется. Такой же молчун, как в первую встречу в эшелоне.

— Сколько рабочих отправлено в тыл?

Все уставились в пол.

— Почему же вы, товарищи, не выполняете партийного решения? Сказано, что здесь остается столько людей, сколько нужно для выпуска танков. Остальных отправить на тыловые заводы.

— А что мы можем сделать? Не хотят ехать — и всё. Мы, говорят, все здесь нужны.

— Отложим разговор до вечера. Я — на оборонительные рубежи. Связные — в райкоме. В случае тревоги — один за мной, второй — здесь.

2

Ни одной тучи. Даже облачков нет, хотя пользы от них никакой. Тучи — другое дело: большие, во все небо, черные с просинью, густые, они прикрыли бы город сверху. Гитлеровцы совсем рядом. Не так давно оборонительные рубежи были за десятки километров. А сейчас... Рукой достанешь... Что будет с заводом, с городом? И от Вены писем нет. Где он сейчас? Жив ли?

Опять заводу удвоили план выпуска танков. Сделаем, не впервой, но тяжело. Рабочих мало. Опытных, настоящих. В основном мальчишки, девчонки, женщины. Тянутся, стараются... Но ох как трудно!

Майя Подручик пришла в первый день войны — маленькая, робкая, неуверенная.

— Тетя Лида, научите.

Сколько бы с ней пришлось возиться в мирное время?

Леня Супопицкий сразу же признался, что умеет только рисовать.

— Художники нужны. Но... Сам понимаешь...

— А вы не сомневайтесь,— перебил Леня.— Что я, темный, что ли? Не знаю, по-вашему, что кругом происходит? Рисовать буду в свободное время.

Пластикова с сомнением посмотрела на измученного подростка: тоненькие руки, впалая грудь, бледное лицо.

— Попробовали бы пехом с Украины,— понял ее взгляд Леня.

А сейчас бригадир фронтовой бригады. И рисует, находит время. Хотя где оно, время? Почти каждый записался в рабочее ополчение — изучает винтовку, пулемет, автомат, учится стрелять. Двести девушек стали зенитчицами. Ополченцы-танкисты регулярно выезжают на тан-

кодром. Десятки отрядов медицинских сестер развернули перевязочные пункты... Доты, дзоты, противотанковые рвы, окопы... Какое уж тут свободное время! Да еще фрицы донимают. Недавно часа три бомбили завод и тут же объявили, что Сталинградский танковый — это они так называют тракторный — больше не существует. Объявили-то, скорее всего, чтобы похвалиться на весь мир: вот мы какие, одним ударом уничтожили. А сами знают, отлично знают, что завод работает, и прут изо всех сил. Совсем уже близко. Видно, допекли их тридцатьчетверки, с которыми немецкие танки не могут потягаться ни в быстроте, ни в броне, ни в маневренности. Неужели не остановим?

...Тишина какая в степи! Не задремали бы ребята. Нет, не спят. Кто-то бежит навстречу:

— Танки!

Из-за бугра выползла громадина с черными крестами. Продвинулась вперед, остановилась, попятилась за бугор.

— На завод, ребята! Предупредите Приходько.

— А вы?

— И я.

Чуть-чуть задержалась, увидела еще один танк и кресты на броне. Все ясно! Фашисты! Быстрее на завод!

Возле проходной нагнал ее далекий гул. Он усиливался, вжимал в землю, давил... И когда стало совсем невмоготу, показались самолеты. Они закрыли небо, потушили солнце. С воем полетели бомбы. Четырехэтажный дом треснул и бесшумно пополз в стороны. Тротуар брызнул асфальтом, комьями земли и превратился в дымящуюся яму.

Боже мой, дети!

Забыв про самолеты, бомбы, не разбирая дороги, бежала она к детям.

Вместо детского садика увидела груду развалин...

3

Отряд комсомольцев уходил навстречу гитлеровцам. Огни пожаров выхватывали из темноты строгие лица, крепко сжатые губы, перекинутые через плечи винтовки...

Горел кинотеатр «Ударник», пылал цирк. С крыш немногих уцелевших домов люди сбивали пламя.

По ночным улицам шли к переправе женщины, дети, старики.

Сейчас раздастся команда, и комсомольский отряд уйдет в ночь. Что сказать ребятам? В голове вертится строка песни о скорой победе. Придет победа. Обязательно, непременно! Но совсем не скорая. И кто скажет, кому суждено дожить до нее?

— Когда вам будет трудно, вспомните вашего сверстника, героя гражданской войны Николая Руднева, его воинский подвиг под Царицыном, до конца исполненный долг,— закончила Пластикова короткую речь.

Прозвучала команда, звякнуло оружие.

— Лида-а-а-а! — донеслось из темноты.— Кисточку и краски берегите!

Леня Супоницкий. Успел до ухода огромными буквами написать на площади: «Фашисты! Вы проклянете тот день, когда пришли сюда. За вами по пятам ходит смерть. И нет для вас другой дороги, кроме как в могилу».

С рассветом начался артиллерийский и минометный обстрел. Стало ясно, что фашисты хотят посеять панику и только тогда уж начать наступление. А паники не было. В щелях, укрытиях, под защитой ненадежных стен пережидали люди дневной обстрел. Вечером шли на переправу.

Связной сообщил: бомба попала в помещение райкома комсомола. Ничего не осталось, все сгорело, все, все.

— Знамя со мной,— успокоила Пластикова.— И комсомольские билеты.

— А билеты зачем?

— Пригодятся.

4

Фашистские самолеты устремились на переправу. На бреющем полете проносятся они над берегом, расстреливая женщин, стариков, детей, раненых.

Командир комсомольского отряда Толя Осипов приказал рыть пещеры в обрывистом берегу.

Под вечер Осипов пригнал две рыбацкие лодки.

— Последние. Больше на этом берегу нет. Повезут Макаров и Лушниченко.

— А это кто? — обратил внимание Осипов на высокого пожилого человека, расположившегося чуть в стороне от

переправы с таким видом, словно он забрел на минуту подышать речным воздухом и сейчас уйдет.

— Не знаю,— пожал плечами Лушниченко.

— Хоть бы поинтересовался,— упрекнул Осипов,— Мало ли кто забредет сюда.

— Да, конечно,— со смешком протянул Лушниченко.— Самое время разгуливать.

Осипов строго посмотрел на него — до чего же беспечный народ! — и подошел к пожилому.

— Вы кто, старик?

— Я не есть старик, я есть рабочий.

— Не русский? — насторожился Осипов.

— Сегодня — русский, вчера — нет, не вчера, как это? — давно не есть русский.

— Ты чего путаешь? — рассердился Осипов.— Откуда?

— Сегодня Сталинград...

— Сегодня, сегодня... А вообще откуда?

— Я есть город Детройт.

— Вон как! Из-за кордона, значит. Подожди, старик, никуда не уходи.

Осипов подозвал Лушниченко.

— Беги за Пластиковой.

— А чего бежать? Вон она сама идет.

На переправу Пластикова заглядывала редко — никак не выберешься, да и ребята здесь надежные. Медленно шла по берегу, останавливалась возле раненых, разговаривала с женщинами, детьми. Осипов в нетерпении переминался с ноги на ногу.

— Как дела, Толя?

— Лидия Степановна, подозрительный тип появился. По-русски говорит плохо, сам из-за кордона. И никуда не спешит.

Пластикова посмотрела на одиноко сидящего человека, всплеснула руками:

— Франк Брунович! Товарищ Хоней!

— Здравствуйте, товарищ Лида!

— Как вы здесь оказались? Вы знаете, кто это? — повернулась к ребятам Пластикова.— Американский инженер Франк Бруно Хоней. Бывший американский,— поправилась она.— А теперь советский гражданин. Орденом Ленина награжден.

— Орденом Ленина! — удивленно пробормотал Осипов.

— Где вы пропадали? Почему вас не было видно? — сыпала вопросы Пластикова.

Все так же не торопясь, путая слова, Хоней рассказал, что по приказу наркома его командировали на Харьковский тракторный. Там тоже учил парней и девчат пружинному делу. Вернулся в Сталинград, работал, хорошо работал, интересно, и вдруг — война. Делал пружины для танков. Много пружин. Днем делал, ночью делал. Потом спасал оборудование.

— Я был завод. Кругом стрелять. Сказали: уходить Волга.

— Вот тебе и подозрительный тип,— не выдержал Лушниченко.

— А я чего? Я ничего! Только спросил,— совсем растерялся Осипов.— Мог же он толково объяснить.

— Правильно поступил, Толя,— успокоила Пластикова.— На войне всякое бывает. Сейчас мы вас, Франк Брунович, переправим на левый берег. Доберетесь до райкома партии, вам помогут уехать за Урал. Там много работы. И учить надо многих. Смотри, Толя, чтобы все было в порядке.

— Будет сделано, Лидия Степановна.

Снаряды со свистом проносились над головой. Привыкли к ним, не обращали внимания. Но этот просвистел особенно низко. Или показалось? Вот сейчас оборвется свист, взметнется фонтан воды, и все страхи пройдут. Нет, кажется, не пройдут. Крики! Оттуда, где лодки.

Руки привычно срывают одежду, хватают веревку, обвязывают ее вокруг пояса. И сразу вдвоем — в воду. Сильными толчками туда, где перевернулись лодки, где тонут люди. Теперь натянуть веревку, и пусть цепляются. Остров недалеко.

— Паша! Макаров! Живой?

— Живой.

— А Лушниченко?

— Здесь я.

— Старик где? Американец?

— Со мной. Держу его.

Лодок не стало. А на плотах совсем плохо. Уйдет в воду снаряд, и волна обязательно кого-нибудь смывает. Надо вытаскивать. Девчат на такое дело не пошлешь.

А парни с ног валятся: днем вяжут плоты, ночью переправляют людей и каждый раз непременно кого-то вытаскивают из воды. Попросить помощи? А где возьмет райком людей? Пластикову тоже можно понять... Ладно, управимся. Вот только спать хочется, спать, спать, спать...

5

Райком комсомола менял адреса.

Райком находился там, где была Пластикова,— на передовой, в заводских цехах, на переправе... Или в первой попавшейся воронке, где наскоро проходили разговоры с секретарями комсомольских организаций.

Аня Кулишенко разыскала Пластикову в воронке.

— Вот,— протянула она листок бумаги.— Прошу принять в комсомол.

Вид у Ани совсем не бравый. Устала. Пластикова вспомнила первые дни, когда небо закрыли фашистские самолеты и сыпались бомбы. Сколько человек перетащила тогда Аня в подвал, где был организован госпиталь! Давно уже нет того подвала. И Аня — не та робкая неопытная санитарка.

— Где твой первый раненый? — спросила Пластикова.— Ну тот, которого ты испугалась?

Первым раненым был старый рабочий Максимов. Осколок бомбы раздробил ему ногу. Увидев кровь, Аня попятилась.

— Привыкай, дочка,— с трудом проговорил старик.— Ничего страшного. Только танцевать на твоей свадьбе не смогу.

Потом ко всему привыкла.

— Хорошо, Аня. О собрании сообщим через связных.

...Сколько же событий произошло за это недолгое время!

В ночь на 24 августа восемьдесят фашистских танков прорвались к окраине завода.

25 августа истребительный батальон тракторозаводцев сдерживал шесть часов атаку автоматчиков.

26 августа рабочие пошли на танках в контратаку и кое-где потеснили фашистов.

27 августа фашистские автоматчики в течение всего дня атаковали ополченцев.

— Молодцы, комсомольцы,— сказал секретарь райкома партии Приходько.— Вот тебе и необстрелянные юнцы. Песни будут складывать о людях без шинелей, а, Лида?

— Не знаю. Не до песен сейчас.

— Э, товарищ секретарь, заблуждаешься. Наши музы не молчат. В газетах читала, по радио слышала? Да еще какие песни — в бой ведут, а ты говоришь, не до песен... Ладно, Лида, давай о другом. Главное сейчас — ремонт танков и переправа людей. Скоро вы нам понадобитесь, очень скоро! Будем, Лида, завод восстанавливать, город отстраивать.

— Что?!

— А ты думала всю жизнь воевать? Береги людей,— повторил он.

Береги... А как их убережешь? Ну хорошо, в окопах больше не надо сидеть — пришли бойцы регулярной армии. А как быть с санитарками, на переправе, с разведчиками? Разве убережешь ту же Аню Кулишенко; бойцы и командиры уже узнали ее как опытную, бесстрашную санитарку.

Где же и когда провести комсомольское собрание? Тихих дней не предвидится. Значит, нечего откладывать, завтра и провести. В любом овраге.

На собрание пришло человек пятьдесят. Тает комсомольская организация Тракторозаводского района. Были тысячи, а остались считанные сотни. Многих отправили в тыл. А многих никогда не будет. И кто знает, сколько останется до вечера.

— Поступило заявление Ани Кулишенко о приеме в комсомол. «Прошу принять меня в ряды Ленинского комсомола. Клянусь до последней капли крови защищать родную землю от фашистской нечисти». Расскажи, Аня, биографию, а самое главное, скажи, как воюешь.

— Хорошо воюет,— перебил Толя Осипов.— Раненые на переправе говорили. Многих вытащила из огня.

— Подожди, Осипов, потом возьмешь слово. Говори, Аня.

Пластикова тревожно смотрела на небо. Что-то уж очень разыгрались сегодня фашисты: не успеют одни отбомбиться, появляются другие. Бьют по заводу и переправе. Веселое место выбрали для собрания: между двух огней.

— Ложись! — крикнул Осипов. В ту же минуту взметнулась земля, полетели комья, тугой воздух ударил по ушам...

С трудом поднявшись, Пластикова увидела свежую воронку, полузасыпанных землей ребят и девчат. Неужели всех? Не может быть! Всего одна бомба, только одна!

Груда земли зашевелилась, показался Толя Осипов. За ним поднялась Аня Кулишенко, потом Маруся Солотонова... Живы! Все живы! И даже не ранены.

— Продолжать? — спросила Аня.

— Не надо. Лучше не скажешь.

На этом же собрании были приняты в комсомол Маруся Солотонова и Тоня Щелочкова.

Опустел поселок. На разбитых улицах не стало людей. Догорали развалины домов...

Гитлеровцы засели в здании механического института и в упор били по цехам.

А завод работал.

Никто уже не различал оставшихся рабочих по их принадлежности к цехам. Да и самих цехов не было: стены и немногое уцелевшее оборудование.

Петр Корчагин совсем стал молчуном. Да и чего зря говорить! Башни танковые в запасе есть, кран работает — можно ремонтировать. А что бомбы рвутся, цеха горят — не привыкать. Залезешь в танк, переждешь налет и снова за ремонт. Правда, раз на раз не приходится. В прошлую бомбежку убило Редькина, ранило Смирнова... Война! Самое главное, переправил на тот берег жену с дочкой...

Пластиковой не видно. Жива ли? И Приходько не появлялся.

Пластикова пришла в середине дня.

— Непорядок,— проговорил Корчагин.

— Что случилось?

— Где знамя за август?

— Приходько связывается с обкомом партии, выясняет. Как только станет известно — сообщим. Что у тебя?

Корчагин повел рукой, дескать, смотри сама, все на виду.

— Чем кормишь?

— Пшено и сухари.
— А завтра?
— Придумаем.
Он хотел добавить: если доживем. Но не стал вдаваться в подробности.
— Петр,— окликнули его.— Готово. Поедем?
Корчагин пошел к танку.
— Вы что задумали? — насторожилась Пластикова.— Корчагин, ты куда? — бросилась она к танку, увидев, что ремонтники занимают места в машине.
— Танк надо испытать.
Пластикова смотрела вслед танку и думала, что Приходько велел беречь людей. А вот и он сам.

Дмитрий Васильевич неожиданно спросил:
— Ты давно не заглядывала в заводскую типографию?
— С начала боев.
— Там уцелела печатная машина. И бумага есть. Надо организовать выпуск листовок.
— Каких листовок?
— Со сводками Совинформбюро.
— До этого ли?
— Очень нужны, Лида, листовки. Чтобы не чувствовали себя люди оторванными от страны. Пусть знают всё — и хорошее, и плохое. Ничего! Только злее станут.

С грохотом ворвался танк. Из люка вылез Корчагин.
Приходько непонимающе смотрел на танк, рабочих, Пластикову.
— Что здесь происходит?
— Выругайте их, Дмитрий Васильевич,— возмущенно проговорила Пластикова.— Мало им бомбежек, мин, снарядов, так они решили отремонтированные танки на фрицах испытывать.
Приходько нахмурился.
— Армии нужны танки, понятно? Кто будет ремонтировать, если вас подстрелят? Смотри, Корчагин, чтобы этого больше не было.
— Получил? — спросила Пластикова, когда Приходько ушел.
Корчагин пожал плечами. Потом вдруг выдохнул:

— Отправьте на фронт! Не могу больше! Ребята воюют — Гена Нестеров, Яша Френкель, Сережка Лисин... Один я тут...

7

В разбитой заводской типографии Пластикова слушала по радио и записывала сообщения Совинформбюро. Саша Кузнецов, секретарь комсомольской организации типографии, крутил печатную машину. Медленно, с трудом выталкивала машина неровные листки серой бумаги с напечатанной сводкой Совинформбюро.

Не так просто выпустить какую-то сотню листовок, совсем не просто. Пока запишешь сводку, сделаешь набор, нарежешь бумагу... А перевязанная голова разламывается от боли. Хорошо, еще так обошлось, могло быть хуже.

...Ночью пошла в разведку. Добралась до ничейной земли. И вдруг — страшный удар по голове. Очнулась — куда-то тащат. Застонала от боли. Кто-то наклонился к ней. Лида увидела шапку-ушанку и обрадованно прошептала:

— Звездочка... Свои...

— Братцы, баба!

Она опять потеряла сознание.

Пришла в себя в блиндаже. Как в тумане, увидела подполковника.

— Жива! — обрадовался он.— Значит, теперь долго протянешь. Узнаёшь?

Голос знакомый, а лица не видно: опять туман.

— Ну что же ты? Лида, Лиданя...

— Гена! Нестеров!

Рванулась к нему, со стоном упала и заплакала.

— Лежи, лежи! — ласково проговорил Нестеров.— Тебе сейчас вставать нельзя. Твое счастье, что шапка смягчила удар. Вот он твой крестный, полюбуйся. Красноармеец Чуев.

Пластикова увидела молодого здоровенного бойца.

— Вы уж на меня не обижайтесь,— смущенно заговорил Чуев.— Темно, не разобрался, думал, фашист... А рука у меня тяжелая...

— Ладно, Чуев, иди. «Язык» — за тобой. Только полегче. Нужен живой фриц, а не труп.

— Гена! — все еще удивленно проговорила Пластикова.— Как ты здесь оказался?

— С первого дня воюю. А ты откуда?

— А я и не уходила.

— Неужели все время? Ну и ну... А Вена где? Наши пишут?

— Какие тут письма...

— Да-а... дела... Ладно, Лиданя, бегу. Все будет хорошо. Выздоравливай и береги себя.

Опять — береги. А как это — беречь себя? Заползти в укрытие и не высовывать носа? Так еще неизвестно, сбережешься ли. И зачем тогда было оставаться здесь? Никто ведь не держит. «Береги себя...»

...До чего же тяжело крутить печатную машинку! Но листовки нужны, очепь нужны: ждут их рабочие.

Первым читателем непременно бывал Приходько.

— Скоро конец. Выдыхается фашист. Чувствуешь, Лида?

Если честно, то этого Пластикова как раз и не чувствовала. Может быть, потому, что не было времени осмотреться, подумать.

— Находи время,— советовал Приходько.— Думай, сравнивай, смотри... Ты не только за себя отвечаешь — за всех комсомольцев района. И вот что, товарищ секретарь райкома комсомола, не забывай, что ты у всех на виду. Страшно — не показывай, устала — крепись, с ног валишься — держись! Такая у нас с тобой работа. Партийная!

Сам он был вроде бы отлит из куска железа. Крепкий, коренастый, в шинели без всяких знаков различия, он появлялся на линии огня, в горящих цехах, у зенитчиков; успевал поговорить с рабочими, справиться о здоровье раненых, пошутить с артиллеристами, сообщить последнюю сводку Совинформбюро...

— Собери всех оставшихся комсомольцев,— приказал Приходько,— и выведи их оврагами в район Спартаковки и Рынка. Вы поступаете в распоряжение командиров отдельных стрелковых бригад...

8

Девять человек — тоже сила, если умело ее использовать. Неважно, что все в гражданском, обносившиеся, обтрепанные и порядком измученные. Зато все девять — бывалые люди, умеющие стрелять, окапываться, перевязывать раненых, ходить в разведку...

Пластикову вызвал командир бригады:

— Нужна помощь,— сказал он.— Много раненых. А санитары вышли из строя.

— Ясно, товарищ полковник.

— Я бы попросил несколько человек — на поле боя, двух девушек — на перевязки рядом с переправой, а мужчин — на берег Волги переправлять по льду раненых.

И все-таки с каждым днем становилось легче. Фрицы выдыхались, не было прежних яростных атак, сплошного огня. Выпадали совсем тихие часы. И тогда комсомольцы выискивали и приводили в свою землянку детей. Их было много, отбившихся от родителей или навсегда оставшихся без отца и матери ребятишек.

Еще в первые дни боев, сразу же после бомбежки, комсомольские отряды получили боевое задание — спасать детей. Поначалу удавалось переправлять на левый берег Волги. Правда, и под снаряды попадали, и назад возвращались, и по нескольку суток на берегу ждали... Но детей берегли.

С наступлением холодов пришлось переправу прекратить: рискованно. Недалеко от берега сохранился каменный подвал какого-то здания. Хупавый, Шековец и Кузнецов загородили пробоины горелым железом. Девчата натаскали остатки матрацев, старые вещи. И получился вполне подходящий, а самое главное, безопасный детский сад с толстыми каменными стенами, защищающими от пуль и осколков.

Приближался Новый год.

Пластикова ходила задумчивая.

— Что бы нам, Лида, сделать для ребятишек? — спросил Хупавый.

— И ты об этом думаешь?

— Бойцы говорили, что в саду уцелели две сосны. Рискнем?

Поползли втроем: Пластикова, Хупавый и Шековец.

Темнело. Стрельба чуть поутихла. Изредка шлепались мины, свистели снаряды. Не поднимая головы, ползли по пристрелянной ничейной земле к темневшему саду. Вот и он — голый, изрытый воронками. И две сосенки, такие странные в мертвом саду. Теперь наломать побольше веток — и назад.

Хупавый привстал, и тут же раздался выстрел. Пуля просвистела над головой.

— Ложись,— прошептала Пластикова.

Выстрел мог быть случайным. Главное сейчас — не шевелиться, ничем не выдать своего присутствия. Вот так, хорошо. Еще немножко. Теперь можно попытаться.

Фьюить... Фьюить... Ах, черт! Заметили. Хорошо, что из винтовки. Бросят мину — конец! Что делать? Не возвращаться же из такого опасного путешествия с пустыми руками.

Хупавый толкнул Пластикову и показал захваченную с собой веревку.

— Набрасывай. Только не очень поднимайся.

Когда веток собралось изрядно, поползли обратно.

Все остальное было уже совсем нетрудно: связать веточки, привязать их к деревянной подставке. Вот только чем украсить елку?

В блиндаж заглянул боец:

— Говорят, елку для детей затеваете? А не пригодятся ли мои игрушки?

Он протянул гильзы с вставленными в них деревянными палочками и бумажными фигурками на палочках: петушок с зеленым гребнем, курица с тремя ногами, бесхвостая собака...

— Не очень-то получилось,— смущенно проговорил боец.— Но я ведь для себя делал. Ребятишек своих вспомнил...

— Что вы! — кинулись к нему девчата.— Здорово, просто здорово!

О елке узнали все. И потянулись к комсомольцам бойцы и командиры. Кто нес собачку, сделанную из куска портянки, кто блестящую штучку, выточенную из гильзы, звездочку, пуговицы...

Дуся Костина испекла пряники. Они были крошечны-

ми, едва заметными, но очень вкусно пахли, совсем по-домашнему.

Полковник принес патефон и приказал как можно ярче осветить подвал.

Вечером 31 декабря по окопам и ходам сообщения привели в подвал детишек. Увидев яркий свет, четырехлетняя Ниночка прижалась к Пластиковой и громко заревела:

— Хочу домой. Боюсь.

Восьмилетний Сережа смело прошел в подвал, подошел к елке и с видом знатока определил:

— Настоящая. Ну, чего боишься? — сказал он Нине.— Это елка. У нас дома всегда была. Тетя Лида, а подарки тоже будут?

— Будут, Сережа, будут.

— И Дед Мороз?

Пластикова кивнула Хупавому. Он выскочил и вернулся в вывернутом полушубке.

— Вот и Дед Мороз, Сережа.

— А почему он без бороды? Такие не бывают. Дед Мороз добрый...

— Он тоже добрый. А бороду фашисты оторвали. Сейчас он запоет про елочку. Будешь петь, Сережа?

...За каменными стенами подвала сыпалась пулеметная дробь, трещали автоматы, свистели снаряды...

* * *

2 февраля возле блиндажа раздались выстрелы. Стреляли в воздух, стреляли все.

— Что это? — удивилась Пластикова.

— Все! Конец! Фашисты сдались!

Кто-то обнял ее. Потом она кого-то обнимала. Мельком увидела своих девчат в окружении бойцов, радостно прыгающих детишек. Увидела вдали Хупавого, Шековца.. И, как во сне, пошла к заводу. Туда, где прошла юность, где сложили головы многие друзья и товарищи, где ночи и дни гремели бои...

СТРАНА СКЛИКАЛА...

Шли поезда со всех сторон,
страна скликала,
и нарастал рабочий звон
и гром металла.
Михаил Луконин

Почти в самом центре Волгограда, у подножия Мамаева кургана, там, где земля до сих пор еще усыпана осколками мин и снарядов, пулеметными и винтовочными гильзами, появился недавно парк. Тополь, клен, акация, сосна, каштан... Здешние и привозные, северные и южные, привычные и необычные — самые разнообразные сорта и породы — все прижились, пошли в рост, мирно соседствуют. И на каждом дереве — табличка с фамилиями, иногда с одной, а то и с несколькими. Каждое дерево высажено в память о погибшем — отце, сыне, брате, матери, сестре, дочери, друге...

Он невелик, этот парк памяти, совсем невелик. С одной стороны его теснит шумный проспект, с другой — железная дорога. Но сюда не доходит ни один звук. Будто невидимые стены отделяют этот клочок земли от всего города.

Тишина...

Печальная, торжественная, строгая. Ничем не нарушаемая, даже разговором. Тишина... Деревья... Таблички...

И только высокий тополь — без таблички, хотя с него и начался этот парк.

— Табличка? — грустно говорит Лидия Степановна.— Я думала о ней. Когда дерево сажала. Здесь тогда пусто было. Потом уже вырос парк. И надписи появились. А я не решилась. Разве всех перечислишь? Дети... Муж... Товарищи... А те, кто восстанавливал город? На минах... Под стенами... Теперь говорят — эхо войны. А тогда, в сорок третьем, это была самая настоящая война, только что без винтовок — с лопатами, ломами... Табличка? Где найдешь такую, чтобы вместить всех...

I

Злой февральский ветер мечется по городу, рвет листы горелого железа, яростно набрасывается на уцелевшие

куски стен, перекидывает с одного места на другое груды снега, тщательно и причудливо сглаживая поверхность сугробов. Временами ветер вспоминает про одинокий громкоговоритель на центральной площади, трогает какой-то проводок, и тишина взрывается вдруг бурным маршем или звонкой песней.

Невысокая худенькая женщина в старом пальто, потертом пуховом платке, больших рваных валенках останавливается возле громкоговорителя, прислушивается к его неожиданным вскрикам, удивленно смотрит по сторонам. Неужели это ее город, тот самый, который она, Лидия Степановна Пластикова, знает вот уже ровно тринадцать лет — с февраля тридцатого, когда в числе семи тысяч комсомольцев приехала строить тракторный? Днем и ночью, утром и вечером не смолкал гул завода. Ослепительное солнце и летом, и зимой не покидало город, словно выбрало его для постоянного жительства.

Потом был вой мин, свист снарядов, треск пулеметов... Даже не верилось, что когда-нибудь снова наступит тишина.

— И вот она — тишина.

Такая полная, такая глухая, что кричать хочется. Встать посреди города, поднять голову к небу и кричать, плакать — от пустоты, тоски, одиночества, от этой гнетущей тишины.

Очень хочется есть. До войны на этом месте продавали пончики. Круглые, желтые... Холодно! Пальтишко совсем тепло не держит. Скорее добраться до обжитого подвала на тракторном. Там — печка-буржуйка, шинели и одеяла, собранные после боев для ребятишек.

Утром была в южной части города, которую гитлеровцы не бомбили — берегли для себя на зиму. Пришла туда, как на другую планету. Связисты тянут линию к обкому партии. Очередь у хлебного ларька. Теплый дым из труб, люди...

— Возглавишь городскую комсомольскую организацию,— сказал секретарь обкома комсомола Виктор Левкин.— Начни с помещения. Подыщи подходящую развалину. Только не на тракторном. Надо центр обживать.

Легко сказать — найди помещение. Подвал — еще можно. А дом со стенами, да еще с крышей... Третий час кружит она по занесенному снегом городу — и ничего.

Разве что этот домик: стены на месте и даже внутри — подобие комнат. Обживать так обживать. Прежде всего спать...

Проснулась от голосов за стеной. Гитлеровцы!? Их сейчас много прячется в развалинах. Наши! Работники горкома партии. Тоже ищут помещение. Поделимся: комнату — им, комнату — нам. А сейчас — на тракторный.

Дорога знакомая. Во время боев не раз приходилось ползти по ней. Сейчас можно во весь рост. Но тоже особенно не разбежишься. Дощечки с надписью: «Заминировано» — расставлены по всему городу, а единственная тропка загромождена битым кирпичом, железом, трупами.

Где искать комсомольцев? Кого? Если не считать людей в Бекетовке и двух работников горкома партии в домике, за весь день не встретила никого. Только возле тракторного увидела собачку. Беленькая, в черных пятнах.

Темно. Для бодрости запела «Катюшу». И вдруг со всего маху грохнулась наземь. Луна с виноватым видом вырвалась из облаков, и Пластикова с ужасом увидела под собой здоровенного гитлеровца, оскалившего в злой гримасе зубы. Страшно стало! Так страшно, что побежала, не разбирая дороги, забыв о минах... До самого тракторного. Тут только догадалась, что зацепилась за вмерзший в землю труп. Тьфу ты! Скоро ли их подберут? А кто подберет? Самим и придется. Хорошо, что никто не видел. Вот тебе и секретарь райкома, нет, уже горкома комсомола, вот тебе и бывалый, обстрелянный человек. А впрочем, кому видеть?

На ящике записка: «Лида, уходим в армию. Не ругай нас».

Вот и осталась без комсомольской организации.

Марусю Солотонову, Тоню Щелочкову и Аню Кулишенко принимали в комсомол между бомбежками, в недолгую минуту затишья. И тут же девушки побежали в окопы перевязывать раненых. Боря Шековец, Ваня Хупавый и Саша Кузнецов печатали в типографии сводки Совинформбюро, ходили в атаки, переправляли на левый берег детей. Маруся Гомельская, Галя Ступак и Дуся Костина разносили бойцам почту, кормили раненых, отыскивали затерявшихся детей...

Ну что же, дорогие девчата и ребята, сама бы на ва-

шем месте так поступила. Но приказано остаться, организовать горком комсомола и наладить его работу. Вот только чью работу налаживать?

Утром отправила за Волгу ребятишек — впервые за долгие месяцы отправила спокойно, не боясь бомбежки,— и побежала на завод. Не может быть, чтобы здесь не появились люди. Не могут заводчане, если только живы, не прийти на тракторный!

Так и есть: кто-то уже бродит по развалинам. Кто бы это? Оборванный, обросший, с перевязанной головой. Копшев! Саша Копшев! Тот самый Саша, что строил когда-то завод, потом работал мастером.

— Ох, Саша, как ты мне нужен. Будешь в горкоме комсомола.

— Нет, Лида. Я с завода — никуда. Подожду, пока еще кто-нибудь появится, начнем цех расчищать.

— А как же горком? — растерялась Пластикова.

— Не знаю, Лида. Ты уж как-нибудь сама.

Хотела накричать, еле сдержалась. Подумаешь, какой! Будто Пластиковой завод не дорог. А что сделаешь, если сказано «организовать горком»?

Отыскала человек пять. Привезла их в тот самый домик, а сама — к Левкину. От центра до южной окраины уж не так далеко — всего пятнадцать километров. Мороз поджимает — быстро добежала.

— Зачисляй в аппарат горкома,— сказал Левкин.— И вот что: готовь жилье — подвалы, лестничные клетки, блиндажи, фюзеляжи самолетов. Ищи все мало-мальски подходящее: утюги, кружки, котелки, ложки, бачки, примуса, листы железа — одним словом, все, что может пригодиться для приезжих. Есть решение ЦК комсомола о пятнадцати тысячах добровольцев на восстановление города.

Он поднял воспаленные от бессонницы глаза:

— А ты знаешь, Лида, что в питомнике уже появились люди?

— Ну и что?

— А то,— рассердился Левкин,— что тебе надо об этом питомнике все время помнить. Ты знаешь, о чем я мечтаю? О цветах и березках.

Пластикова пожала плечами. Цветы, березки... Жить негде. А березки никогда здесь не росли — жары не выдерживали. Да и вообще...

— Что вообще? Что? — набросился Левкин.— В городе ни одного дерева не осталось...

— Есть. В самом центре. Тополь.

— Правда? Береги его, Лида, береги!

2

Лиля Голева отыскала на карте небольшой кружок с надписью: «Сталинград», провела прямую линию. Получилось не так много. Да, но это на прямую. А поезд ведь не пойдет по линейке.

— Мама, ты не знаешь, сколько езды до Сталинграда?

— Не знаю, дочка. Я из нашего Ленинабада никуда не выезжала. Зачем тебе?

— Еду Сталинград восстанавливать.

Мать тихо ахнула.

— Ну пойми, мама, не могу я сидеть в такое время в глубоком тылу, не могу! Отец на фронте, брат на фронте, а я хожу каждый день в школу, учу всякие древние истории, будто ничего кругом не происходит.

— Девятый класс, дочка. Кончишь школу, тогда уж...

— А пока пусть другие?

— С кем же я останусь?

Тихий вопрос матери вернул к действительности. В самом деле, с кем она здесь останется?

— Поедем, мама, вместе.

— Ты что, дочка! А квартира? И отец не будет знать, куда письма писать.

— Узнает. Сообщим.

Лиля обняла мать, закружила:

— Едем, едем, едем...

— Пусти, ненормальная,— еле вырвалась мать.— Так уж и едем. Подумать надо.

Вечером прибежала Нелька Котова. Бледное личико порозовело, большие глаза блестят.

— Лиль, я тоже еду.

— Ой, Нелька!

Обрадовалась Лиля и испугалась. Очень уж Нелька хрупкая. Но разве отговоришь!

Мать нерешительно перебирала вещи. Увидела мясорубку, повертела в руках, положила в чемодан.

— Зачем, мама? — удивилась Лиля.

— Пригодится.

Утюг... Чайник... Примус... Книги... Ничего, наверное, нет в разбитом Сталинграде.

...А в это время, за многие тысячи километров от Ленинабада, в небольшом городке Балакове, что выше Саратова, бежала в райком комсомола Аня Прахова. Валя Чугункина сказала, что едет восстанавливать Сталинград.

— Когда? — спросила Аня.

— Через четыре часа.

Недаром в школе и на заводе Аню Прахову называли Анкой-пулеметчицей. Не только потому, что отец воевал в дивизии своего знаменитого земляка Чапаева, а еще и за характер. Маленькая, худенькая, но смелая, решительная. Мальчишки в школе не решались дразнить «рыжей» — может отлупить. На завод устроилась сама. И сейчас решила все в одну минуту.

В райком, на завод, домой...

— Мама, быстрее! Уезжаю в Сталинград! Собери чемодан!

Мать всплеснула руками. Отец посмотрел на дочь:

— Могла бы и посоветоваться.

Анка схватила фанерный чемодан, запихнула в него свои платья, кусок хлеба — и на поезд.

В Саратове девчонок поселили в общежитие, посоветовали устраиваться основательнее и ждать.

Бывший директор одной из школ Саратова Ася Власенко — высокая, решительная, громкоголосая — спросила:

— Сколько ждать? День-два?

— Кто его знает! Может, и неделю. Пока Волга не будет очищена от мин.

Каждый день приезжали новые.

— Откуда, девочки?

— Из Куйбышева.

— Семипалатинские.

— Из Ташкента.

— Из Ленинабада.

Наконец отчалили. Пароход медленно шлепал по воде. Ближе к Сталинграду удлинились остановки. Капитан подробно расспрашивал старых речников, нещадно дымил крепкой махоркой и, прежде чем судно отвалило, долго смотрел на реку. Девчонки притихли.

— Тебя как зовут?

— Анка. А тебя?

— Лиля. Какие у тебя волосы... Совсем красные... Тебе сколько лет?

— Восемнадцать.

— А мне только шестнадцать. Не будут придираться?

— Не должны. Райком утвердил, значит, все в порядке.

— Ты из школы?

— Нет, на заводе работала крановщицей.

— Счастливая! А я из девятого класса. Ничего не умею.

— Научат. Кто это с тобой?

— Мама.

— Провожает?

— Нет. Насовсем едем.

— Здорово!

— Давай, Анка, вместе поселимся.

— Давай. Если получится. Там, говорят, и жить негде.

— Как это негде? Должны же быть какие-нибудь дома.

В Сталинград приехали на рассвете. Ветер пробирал до костей. Хмурые волны накатывались на мокрый берег.

— Без меня ни шагу,— предупредил сопровождающий.— Наткнетесь на мину — и привет маме.

— А какие они, мины?

— Кусачие,— буркнул сопровождающий.

Из-за реки появилось солнце. Высветив верхушки деревьев, озарив широкую водную гладь, оно устремило лучи на город. Девчонки в испуге смотрели на пламенеющие скелеты домов, сверкающие осколки стекол, алеющие груды щебня...

Такими их и увидела Пластикова, прибежавшая вместе со всем своим горкомом встретить первых добровольцев,— испуганными, притихшими, замерзшими.

— Что, девочки, приуныли? Страшно?

Девчата молчали.

— Может, назад повернете, пока пароход не ушел?

По толпе приезжих прокатилось волнение. О чем она там говорит, эта невысокая, неприметная женщина? Или не знает обращения Центрального Комитета комсомола к молодежи: «Комсомол поручает тебе поднять из пепла го-

род, разрушенный фашистами, и ты не должен знать отдыха, не должен покидать строительных лесов, пока наш Сталинград снова не станет красивым и цветущим». И вообще, кто она такая, чтобы предлагать комсомольцам повернуть назад? Секретарь горкома комсомола?

— Плохо шутишь, товарищ секретарь. Не затем ехали, чтобы возвращаться. Все мы теперь сталинградцы.

Ох ты! Ну, молодец, рыжая. И злость-то хорошая.

— Не сердитесь, девчата. Все будет хорошо. Поедем сейчас на тракторный, разместим вас, накормим. Берите вещи — и за мной. Затылок в затылок. С тропки не сходите ни в коем случае.

— Мины?

— Как вам сказать? — Пластикова не хотела пугать и без того еще не пришедших в себя девчат.— И это есть. Готовы? Пошли.

Узкая крутая тропинка вела в гору. С трудом выбрались наверх и тут только увидели город: обуглившиеся деревянные балки, оборванные провода, повисшие в воздухе лестничные марши, непонятно на чем удерживающиеся остатки жилых комнат без потолков и стен, поваленные на бок трамваи, почерневшие от копоти обломки зданий... Да неужели же кто-нибудь в силах поднять этот мертвый город, в котором не слышно ни одного привычного звука: заводского гудка, трамвайного звона, детского голоса, стука каблуков по асфальту — ничего? С какого края к нему подступиться?

Пластикова с тревогой посматривала на девчат. Ага, увидели аккуратно сложенные штабеля нового кирпича — оживились, заговорили. Смотрите, девушки, смотрите! Из землянки тянет дымком... Идут с узлами жители... Вдали белеет палаточный городок... А в этой развалине разместилась школа — слышите, женский голос диктует текст. А вот, смотрите, смотрите: на высокой палке прибита дощечка с надписью от руки: «Улица Ленина, дом № 1». Молодец, житель улицы Ленина, дома номер один, хорошо придумал, очень хорошо!

Живет город! Без домов, улиц, без рынков, магазинов — живет!

Секретарь Тракторозаводского райкома партии Дмитрий Васильевич Приходько обрадовался:

— Вот вы какие! А еще говорят, первая ласточка весны не делает. День-то какой! Солнечный, теплый, ве-

сенний. Ну, с приездом! Нам с вами предстоит за три месяца расчистить территорию и начать на заводе ремонт танков. Правительственное задание. Очень трудное. Труднее, чем вы думаете. Но на то вы и комсомольцы. Будем вместе работать, друг другу помогать. Ко мне приходите в любое время. Непременно. А то ведь я без вас, как командир без армии. Договорились?

3

Хлоптунова — Пластиковой:

«Лиданя! Что делается, что делается! Вся страна живет Сталинградом, нашим тракторным. Раньше в газетах читали только фронтовые сводки, а теперь еще и сообщения о Сталинграде. Машинист Лунин купил на свои деньги эшелон угля весом в 1000 тонн и сам доставил его в Сталинград. Колхозники Коми-Пермяцкого округа дали сверх плана на восстановление Сталинграда почти 100 тысяч кубометров древесины. Саратовцы послали 55 вагонов с оборудованием для школ, больниц. Горьковчане отправили эшелон со строительными материалами, автомашинами, тягачами, моторами. Комсомольцы провели Всесоюзный воскресник, в котором участвовало полтора миллиона человек, и заработанные девять миллионов рублей отправили на восстановление Сталинграда...

Да что это я, глупая, рассказываю тебе то, что ты знаешь лучше всех. Ты же сейчас в центре таких событий! Подумать только: Лиданя, наша тихая Лиданя — и вдруг секретарь Сталинградского горкома комсомола! Я случайно наткнулась в газете на твою фамилию. Пишу на горком комсомола, думаю, получишь.

Лида, напиши мне о заводе, а? Неужели все-все разрушено? И наш цех? И дом коммуны? И деревьев не осталось? Помнишь, как ты любила выбегать к ним?

Мне тут, в Куйбышеве, не дают покоя: расскажи о Сталинграде, о тракторном. Мы с Лешей каждый день выступаем. Знаешь, как слушают! Вот только боюсь, что после рассказов многие уедут. А нам нельзя оголять производство, людей и так не хватает. Выпускаем мы солидные штуки для фронта, понятно?

Могу тебе, как секретарю Сталинградского горкома комсомола, отрапортовать, что вчера провели воскресник

и все заработанные деньги — я еще не знаю, сколько,— отправим вам. На днях решили: в течение этого месяца работать один час бесплатно в фонд Сталинграда. Все ваши заказы выполняем досрочно. Как, товарищ секретарь горкома комсомола, одобряешь? Тогда выбери время и напиши письмо нашим комсомольцам. Они, знаешь, как будут счастливы! Только, пожалуйста, мне само собой, а то ты еще отделаешься одним письмом.

Что это я все о себе да о себе. Ты-то как? Где была во время боев, что делала? Есть ли письма от Вены? Где все наши? Свидеться бы, Лиданя... В Сталинград хочу — сил нет. Как, товарищ секретарь горкома ВЛКСМ, нужны тебе комсомольцы с опытом? Правда, старые, но еще ничего, горячие.

Напиши, Лиданя. Опиши всё-всё. Найди время, ладно?»

4

Мастер Володя Храмцов изъяснялся только языком искусства.

— Кордебалет,— ухмыльнулся он, когда девчата выстроились возле конторы строительства.

— Володя,— укоризненно проговорил начальник участка Андреев.

— Что, Алексей Григорьевич? — невинно спросил Володя.

— Ничего. Распределяй людей.

— Значит, так,— проговорил Володя и прошелся вдоль строя. За ним плелась худая, с ввалившимися боками собака. Володя подобрал ее в развалинах и назвал не очень подходящим, но ласковым именем — Шарик. С собакой Храмцов чувствовал себя солиднее. Он многое делал ради солидности, восемнадцатилетний мастер Володя Храмцов, только что окончивший строительный техникум и добровольно приехавший в Сталинград. Говорить старался медленно и рассудительно, подражая Андрееву, но не выдерживал тона и начинал взахлеб выпаливать слова. Завитушку на голове, про которую говорят, что это теленок лизнул, смачивал водой и пытался зачесывать наверх. Единственное, что давалось Володе,— это театральные словечки.

— Значит, так. Вы приехали в героический город...

Услышав речь хозяина, Шарик радостно взвизгнул и залился глухим лаем.

— Молчи, Шарик! — рассердился Володя. Но речь была уже испорчена.— Артистка, назначаю бригадиром,— повернулся Володя к Лиле Голевой.— Ясно? Пойдете гидранты чистить.

— Какие гидранты? — спросила Нелька.

— Вот цирк-то,— с усмешкой проговорил Храмцов.

Он подвел девчат к открытому колодцу.

— Вот это и есть гидранты. Одна внизу, в колодце, другая наверху — ведро тянет. Брось лопату, барышня,— сказал он Нельке.— Ты там с лопатой не развернешься.

Нелька с опаской заглянула в темную, пахнущую сыростью утробу колодца.

— А если там лягушки? — с испугом спросила она.

— За ноги их — и наверх,—сострил Храмцов.

Взглянув на растерянное Нелькино лицо, Лиля сказала:

— Будешь наверху принимать.

— Лягушек?!

— Да нет — ведро,— рассмеялась Лиля.— Ну чего ты стоишь? — начала уже сердиться Лиля.— Ведра с грязью будешь принимать. Понятно? Держи веревку, опускай ведро. Я полезла вниз.

Нелька проводила Лилю таким взглядом, будто та спускалась не в колодец, а в преисподнюю. Храмцов с равнодушным видом держался в стороне.

— Принимай! — крикнула Лиля.

Нелька вцепилась в веревку.

— Подожди,— произнес Храмцов.— Дай веревку, учись.

Он легко вытянул ведро.

— Попробуем дуэтом,— сказал он.— Вот так. Хорошо. А теперь твой сольный номер. Действуй сама, не справишься — крикни, я рядом.

Он свистнул Шарику и пошел к девчатам, занятым на расчистке домов. Здесь тоже не ладилось. Лопаты елозили в руках, ломы обжигали ладони.

— Представление,— определил Храмцов.— Смотри, рыжая, лопату надо держать крепко, чтобы не вертелась. Одной рукой бери ее пониже, другой — повыше. Понятно? Действуй.

Чуть лучше было на заводе. И то потому, что там работал Саша Копшев. Он подцепил ломом кусок стены, приподнял его. Девушки облепили обломок со всех сторон.

— Осторожнее,— испугался Храмцов.

— А ты не стой! — крикнула Ася Власенко.— Помоги.

К концу работы не было сил разогнуть спину, переставить ноги. Нелька кое-как добралась до подвала и повалилась на кровать.

— Ужинать, ужинать,— тормошила ее Лиля.

— Не могу,— всхлипнула Нелька.— Сил нет.

— А ты не спеша, потихоньку. Я тебе помогу.

Столы наполовину пустовали. Видно, не одна Нелька свалилась.

— Придется разнести еду по палаткам,— сказал повару Приходько.

— Не управимся.

— Поможем. И я понесу. Первый день, сам понимаешь.

Увидев секретаря райкома партии, девчата поднялись.

— Устали? Это в первый день. Погодите, плясать будете — спать не загонишь.

Кто-то недоверчиво хмыкнул.

— А вы поговорите с Пластиковой,— посоветовал Приходько.— Она вам расскажет, как в тридцатом строили завод. Тоже в первые дни с ног валились. А потом втянулись. Все, девчата, будет: и песни, и танцы, и прогулки под луной...

5

Каждый день прибывают добровольцы.

В крошечном потрепанном блокноте Пластикова записывает: «Уфа — 544, Куйбышев — 202, Горький — 164, Ижевск — 155, Семипалатинск — 156, Архангельск — 301, Саратов — 180...» Это не просто счет для себя, это сведения, которые каждый день надо сообщать в Центральный Комитет комсомола, в областной комитет партии, в обком комсомола. А рядом с этими — другие, которых тоже ждет Москва: «Баня — одна, хлебозаводов — 4, водопровод — 5 километров, палаток — 506, подвалов — 98, автобусов под жилье, фюзеляжей самолетов, штабных машин — всего 20...» Следующая страничка: «Златоуст —

три вагона посуды, Челябинск — вагон слесарных инструментов, Якутск — одеяла и перья для подушек...»

Пластикова закрывает блокнот, косится на телефон. Уехать на тракторный? Нельзя. Сейчас начнутся звонки из районов города. Пожалуйста, вот первый.

— Да, я слушаю. Ничего подобного, никто вас не обижает. К вам направлено двести человек. Знаю, что у вас порт. Нет людей. Ждем.

Каждый день звонки, каждый день споры и скандалы. Все требуют людей. А где взять? Прежде всего заводы. И так уж кое-кто обвиняет: дескать, слабость у Пластиковой к тракторному — все туда. Преувеличивают, конечно. Хотя, если честно, тракторный дороже всех. Но разве может это повлиять на распределение людей? Чепуха! Пусть говорят, важно другое: на тракторном вот-вот начнется ремонт танков.

Надо бы побывать там.

Она раскрывает блокнот. Подготовка к комсомольскому кроссу — раз. План летней работы среди детей — два. Учеба актива — три. Обобщение опыта передовиков. Свадьба моториста Саши Ускова и пионервожатой Наташи Куликовой...

Первая семья в разрушенном городе! Многие уверяли, что негоже ее затевать — не время и не место. И вообще, что такое свадьба? Пережиток прошлого. Есть для этого загс.

Может быть, в другое время Пластикова и согласилась бы с такими вескими доводами, особенно с пережитком. Но сейчас была убеждена: нужна свадьба. Как воздух, как вода, как жилье! Чтобы все о ней знали. Чтобы увидели, как стремительно возрождается в городе жизнь, почувствовали себя здесь не временными, а постоянными жителями.

Да, на тракторный сегодня не выбраться. И вообще, в заводские районы не успеть. Разве что побывать в центре города, посмотреть, как идет работа в железнодорожном депо.

Надев пальто, она выходит на залитую жарким солнцем улицу. И сразу чувствует себя, как в парной. Ничего не поделаешь, придется терпеть. Снять пальто невозможно, юбка расползлась так, что заплаты уже не держатся. Надо бы что-нибудь сшить, так некогда и не из чего

На берегу Волги увидела мальчишку. Маленький, ху-

денький, босоногий, в грязных штанишках и длинном, чуть не до пят, пиджаке. Сидит на камнях у чьей-то могилы, задумался: лицо серьезное, усталое, грязные волосенки торчат в разные стороны... О чем думает, почему выбрал эту могилу — случайно или здесь похоронен кто-то из близких ему людей?

Пластикова окликнула его.

— Ты чей? Родители живы?

Опустил голову мальчонка.

— Есть хочешь?

Молчит. Только слюну проглотил.

— Пойдем, накормлю.

— Куда?

— В горком комсомола.

— Пойдем,— неожиданно согласился он.

Привела его в горком, вскипятила чай, нарезала хлеб.

— Спать будешь здесь. Утром отправлю за Волгу в детский дом. Сколько классов кончил?

— Три.

— Ну вот, пойдешь, значит, в четвертый.

— Не... Я на фронт хочу, фашистов бить.

— Успеешь на фронт. Подрасти немного.

Постелила ему в углу пальто, еще кое-что из одежды. Лег и сразу заснул.

В ту ночь Пластикова долго не ложилась: неотложные дела. Заснула только к утру. Проснулась — нет мальчишки.

Первое время ждала, всех предупредила, что может неожиданно появиться такой мальчик. А потом и ждать перестала...

6

В длинном подвале с земляными полами, уставленном двумя рядами аккуратно застланных кроватей, тихо и пусто. Прав оказался секретарь райкома Приходько: втянулись. Даже Нелька, хрупкая, слабая Нелька, совсем недавно горько плакавшая по ночам, и та теперь допоздна пропадает возле костров или на площади, где у единственного репродуктора собираются все с тракторного. Сколько раз приходилось Лиле чуть ли не силой уводить ее домой: не выспится и будет на работе валиться с ног,

Нелька, она ведь не Нинка Миляева: у той на все хватает сил — и на работу, и на ночные гуляния. А эта тоже за ней. Да еще упирается, не уходит, канючит:

— Ну, Лиль, еще капельку.

А вечер теплый, звездный, лунный. Загадочно мечется пламя костров, выхватывая из темноты то веселые, то задумчивые лица, тихо плывет песня про землянку... И даже развалины выглядят романтично, как средневековые замки.

Хорошо девчатам: кончили работу — и никаких забот. А Лиля — бригадир, начальница, как говорит Нинка Миляева, за всех в ответе. Вот и сидит одна в пустом подвале возле тусклой коптилки. Значит, так: на тракторный — пять человек, остальных — в поселок. Нет, на тракторный больше. И обязательно посильнее: завтра начинается расчистка сталелитейного цеха.

Ой, мамочка, опять крысы! Разгуливают нахально по всему подвалу. Никак к ним не привыкнешь — противно и страшно. Хоть бы девчонки не заметили — засмеют. Особенно Нинка Миляева. Этой все нипочем. На днях задержались на работе, домой шли в темноте. Вдруг из развалин — стон. Нинка подобрала с земли железку — и в развалины. Нелька шепчет:

— А вдруг там фрицы?

Был такой случай на соседнем «Красном Октябре». В развалинах первого мартена девчата услышали чьи-то голоса. Заглянули через пролом — костер, котелок, в углу пулемет. Побежали за нашими саперами. И те обнаружили несколько вражеских солдат. Ночами ловили на Волге рыбу, запасались водой, а днем отсиживались. Решили пережидать здесь войну в полной уверенности, что, пока русские доберутся до этих развалин, пройдет очень много времени.

— А что, если в самом деле фашисты?

— Кыш, проклятые! — раздался Нинкин голос. Совы! Надо же. Насмерть перепугали.

Вообще, с приездом Нинки Миляевой стало и легче, и труднее. Первым делом она заявила, что никакие они не монтажники, как их громко называет мастер Храмцов, а бригада «кто куда пошлет». И если так будет продолжаться, она, Миляева, уйдет к штукатурам или каменщикам. Потом научила девчонок равномерно накладывать кирпич на носилки, чтобы не оттягивал руки. Нельке раз-

добыла рукавицы. В подвале переставила кровати и расширила проход. С общего, правда, согласия и с разрешения бригадира. Авторитет бригадира Нипка соблюдала, но держалась независимо. В одном только не слушала Лилю и поступала по-своему: гуляла допоздна. А за ней остальные. И Нелька туда же.

Народу теперь на тракторном! Давно ли палаточный городок был единственным живым местом среди развалин? Идешь, бывало, по поселку и всех знаешь. Как в маленькой деревне. А теперь!.. Одних только ребят сколько появилось! Вася Михин, Григорий Христов, Саша Писаревский, Иван Смолянинов... Девчонки начали прихорашиваться, подкрашивать губы, даже пудриться. А что выделывает со своей внешностью Валька Чугункипа — это ж надо! Увидела вчера Васю Михина, быстро подкрасилась и выбежала навстречу. Храмцов ахнул:

— Маскарад!

Одна бровь у Вальки черная, другая — ярко-голубая: Нипка Миляева подсунула синьку.

Вася Михип не обращает на Вальку никакого внимания. Храмцов толкает его в бок и что-то шепчет.

— До феньки ваша любовь,— громко отвечает Вася.

— А кто это Фенька? — удивляется Нелька.

Она смотрит на него огромными глазами. И Вася Михин сразу теряет свой независимый вид.

Нелька тихо спрашивает:

— Лиль, ты целовалась с мальчишками? Меня как-то провожал Сережка Ермолаев, и мы с ним все время целовались. Совсем неинтересно. Ни капельки. Как думаешь, Лиль, это настоящая любовь? Я маме рассказала, а она: «Маленькая ты моя дурочка». Почему я дурочка?

Девчонки пристают к Лиле: «Почему это, бригадир, не ходишь вечерами на площадь?» Анка Прахова удивляется. Даже мама заметила. Устает она, бедная. Хоть рассыльной и легче, чем носилки таскать, но тоже за день набегаешься.

— И что ты, дочка, как старуха, сидишь вечерами одна? Время твое молодое, шла бы гулять.

Ну как им всем объяснить, что только вечерами и можно подумать о завтрашнем дне? А самое главное, неловко как-то на площади танцульки устраивать. Пластикова рассказывала, что на этой площади встречали в тридцатом

первый трактор и отсюда уходили в бой ополченцы. Если внимательно присмотреться, и сейчас еще разберешь написанный на площади огромный лозунг: «Фашисты! Вы проклян... шли сюда... по пятам ходит смерть. И нет для вас... как в могилу». Написал Леня Супоницкий. Погиб в первом бою, шел на пулемет, говорит Пластикова. И на этой площади крутить всякие вальсы?!

Анка Прахова сказала:

— Если рассуждать по-твоему, то во всем Сталинграде нельзя теперь ни смеяться, ни танцевать. А ведь люди гибли, чтобы жизнь была!

Может быть, и права Анка Прахова?

...Дверь с треском распахнулась, и в подвал ворвалась Нинка Миляева.

— Ну, знаешь, начальница! Хватит!

Она вцепилась в Лилю и потащила на улицу.

— Куда ты, сумасшедшая? — сопротивлялась Лиля.— Да не тяни, сама пойду.

На площади хрипел репродуктор, кружились две-три пары, что-то рассказывал Михин.

Слегка прихрамывая, подошел невысокий парень с темной шапкой волос, постоял, послушал, пошел к танцующим.

— Соколов Николай,— объяснил все на свете знающий Васька Михин.— Секретарь райкома комсомола. Присматривается. Скоро что-нибудь придумает.

— Придумает, как же,— презрительно усмехнулся Саша Писаревский.

— Филармония,— добавил Володя Храмцов.

— А я говорю, придумает. Вы его еще не знаете.

— А ты, Вася, знаешь? — спросила Нелька.

— Конечно, знаю. Вместе ехали.

— Я бы и без него придумал,— не выдержал Писаревский.— А где? На битом кирпиче? Или в развалинах?

— Да ты нас позови, Саша, мигом расчистим площадку,— предложила Анка Прахова.

— И позову. Подожди немного.

— Долго, Саша, ждать? — заинтересовалась Анка.— А то ведь состарюсь, не до физкультуры будет.

— Катитесь вы от меня.— Писаревский обиженно натянул кепчонку и ушел стремительной походкой физкультурника.

— Эй, Саша, как же мы покатимся по развалинам? —

под общий смех прокричала вслед Нинка Миляева.

Воздух сгустился, из светло-синего стал темным, чернильным. С Волги потянуло прохладой.

— Пошли, девчонки, уже поздно.

По дороге Анка нашла в развалинах трубу от граммофона.

— Зачем? — удивилась Ася Власенко.

— Девчат будить. Ночью гуляют, а утром не дозовешься. Голос, что ли, у меня слабый — никто не слышит, спят как убитые.

Ася отвела глаза: в который уже раз возвращалась она в палатку на рассвете.

— Слушай, подружка, ты бы могла полюбить человека, который лет на тринадцать старше тебя? — спросила она вдруг.

— Не знаю, не приходилось.

— А если он к тому же начальник?

— О чем ты?

— Понимаешь, какая история, нравлюсь я Алексею Григорьевичу.

— А он тебе?

— Мне хорошо с ним. Мягкий он, добрый. Умный. Как начнет говорить — заслушаешься. Боюсь девчат, скажут, что за начальником погналась.

— Про тебя не скажут.

— Правда? — обрадовалась Ася.— Ты трубу не выбрасывай, кричи громче. А то уж если я разосплюсь, так меня и десятью такими трубами не поднимешь.

7

Секретарь Тракторозаводского райкома комсомола Николай Соколов пришел к Пластиковой:

— Тошно смотреть, как топчутся девчонки возле хриплого репродуктора.

— А ты что предлагаешь?

Соколов развел руками.

— У меня возможности ограниченные, я — не горком. Но кое-что решил. Приезжайте вечером, будет лекция о Маяковском.

— Кто читает?

— Я.

— Где?

— Вот это вопрос. Нужен клуб. Срочно. Любой.

Пластикова вспомнила длинный мрачный барак времен строительства тракторного, в который и заходить-то не хотелось, представила в таком бараке нынешних ребят и девчат, покачала головой.

— Любой не пойдет. Давайте думать о настоящем.

— Давайте. Только ведь от дум легче не будет, они клуб не заменят.

— Значит, будем быстрее решать.

Вечером выбралась на тракторный. У конторы строительства прочитала большое, от руки написанное объявление: «Маяковский. Рассказывает Николай Соколов. Подвал Дома профессуры».

Несмотря на душный вечер, в подвал набилось много народу. Сидели на кроватях, табуретках, стояли. Из дальнего угла доносился глуховатый голос Соколова. Он говорил о Маяковском, говорил о том, как горячо приветствовал бы Маяковский, будь он жив, ребят и девчат, восстанавливающих Сталинград, и можно не сомневаться — написал бы о них звонкие стихи вроде «Левого марша».

Чуть склонив голову, слушает Анка Прахова. Изумленно раскрыла глаза Нелька Котова. Ловит каждое слово Лиля Голева. Ерзает на месте, словно переживая за Маяковского, Васька Михин...

Пластикова смотрела на ребят и девчат и думала о том, что забыла она — а вместе с ней и горкомовцы — о такой вроде бы мелочи, как стихи и любовь.

Секретарь обкома комсомола Левкин, которому она рассказала о Соколове, лекции, стихах и любви, пожал плечами:

— Не преувеличиваешь?

— А ты видел луну по вечерам? Или забыл, какая она? Разве можно в восемнадцать лет отложить любовь?

— Давай, Лида, сделаем так: ищи певцов, танцоров, поэтов, чтецов. А я еду в Москву, там поговорю.

...Левкин вернулся через неделю.

— Был у самого Михаила Ивановича Калинина. Знаешь, Лида, как он меня слушал! Ни черта нам отсюда не видно, привыкли. А стоит выехать, как сразу чувствуешь, что такое Сталинград. Уж на что занятый человек Калинин, и то два часа со мной разговаривал. Вспоминал строительство тракторного, свой приезд на завод, жалел, что

не может вырваться сейчас в Сталинград. А потом как начал меня расспрашивать. Все ему расскажи: и как живут, и где отдыхают, и кто по профессии, и какое образование, и как настроены, и что читают... Вот это, Лида, государственный подход! Думаешь, про любовь забыл? Ничего подобного. Сколько в городе загсов, в каких помещениях, как проходит регистрация браков, где живут молодожены... Имейте в виду, говорит, это очень важно, чтобы молодость пустила в Сталинграде глубокие корни. А потом, прямо при мне, распорядился послать в Сталинград несколько вагонов музыкальных инструментов, спортивного инвентаря, настольных игр.

Левкин помолчал многозначительно, потом добавил:

— Из Москвы отправился к нам поезд с выездной редакцией «Комсомольской правды». Вот так-то!

...Из глубины памяти всплыла шумная комната выездной редакции «Правды» на втором этаже только что выстроенного дома; ребята чуть постарше семитысячников, а то и одногодки, но уже известные в стране журналисты: горячий, страстный Яков Ильин, вдумчивый Борис Галин, колкий Александр Безыменский... Году в тридцать первом или в тридцать втором — нет, кажется, в тридцать первом — задумала выездная редакция «Правды» создать книгу о строительстве тракторного и первых, самых трудных месяцах работы завода. Такую книгу, в которой выступали бы сами строители и рабочие,— просто, понятно, бесхитростно. Вот когда помучилась Алька Хлоптунова! Похлеще, чем со станками. Как только свободная минута, появляется Борис Галин и начинает у нее выпытывать: вспомни то, вспомни это... А Яков Ильин принялся за Френкеля. Бился с ним, бился — ничего не получается. Уж на что терпеливый Ильин, и тот не выдержал:

— Слушай, ты можешь говорить по-человечески? Расскажи мне просто, по-товарищески, ну хотя бы, как встречал первый трактор.

— Никак. Проспал.

— Что значит проспал?

— Самым настоящим образом. Лег и заснул.

— Вот так и начнем,— обрадовался Ильин.— Торжество я проспал.

— Неудобно,— запротестовал Френкель.

— Очень даже удобно. И, самое главное, правдиво, без прикрас. Пойми же ты, голова садовая, вы и так хоро-

шие — со всеми недостатками. Зачем вам стараться быть лучше?

Потом эта книга вышла. С предисловием Алексея Максимовича Горького. «Я видел эту молодежь «на месте действия»...— писал Горький.— Очень трудно было представить, что муравьиная суета маленьких людей способна оковать пустыню железом, думалось, что, пожалуй, не хватит железа, да и сил тоже не хватит. Но вот — хватило!»

Сгорела книга в бомбежку. И пионерский галстук, который Пластикова хранила, сгорел...

Значит, снова выездная редакция. Ну что же, здравствуй, юность!

Андреев созвал бригадиров.

— Не пора ли, девушки, о профессии подумать? Или вы здесь временные?

Девчата непонимающе переглянулись. Ася Власенко улыбалась. Ей, конечно, Алексей Григорьевич заранее сообщил об этом разговоре. Ни для кого уже не секрет, что Алексей Григорьевич и Ася вот-вот поженятся. Ася подыскивает подходящую развалину, чтобы приспособить под жилую комнату. Анка и Лиля в свободное время вместе с ней обследуют остатки домов, карабкаются по грудам битого кирпича, тщательно, как археологи, изучают то, что когда-то было жилыми помещениями. Вражеские бомбы и огонь начисто вытравили человеческий дух. Трудно поверить, что совсем недавно в этих домах жили люди — со своими радостями, заботами. И каждая квартира имела только ей присущий запах, особый уклад, свой распорядок, неповторимую внутренность. Сейчас все дома именовались одним и тем же тусклым словом, от которого веяло древностью и которое напоминало уроки истории в школе,— руины. И внутри всех бывших домов одинаково упорно пробивался из-под кирпичей и железа бурьян.

И все же изредка встречались следы недавней жизни. Обгорелая кровать. Разбитое пианино. Сплющенное ведро. Кусок стены с обоями. Детская погремушка... А недавно обнаружили висящую на одном гвозде школьную доску, на которой было написано: «Маша ела кашу».

— Девчонки! — растрогалась Ася.— Это же первый

класс! Мордочки круглые, глазенки внимательные. Даже кляксы в тетрадях особенные — аккуратные и приятные. Лучший класс для учителей: никто не шумит, не опаздывает, никто не исчезает с уроков. Первый класс, девчонки!

Подходящую комнату все-таки нашли. И теперь Ася и Андреев каждый вечер пропадают на своем строительстве. Алексей Григорьевич — мастер на все руки. Под его руководством Ася научилась класть кирпичи, штукатурить, красить. Сейчас, конечно, она могла запросто овладеть любой строительной профессией. Но при чем тут временность? И почему добрейший Алексей Григорьевич заговорил об этом?

— Не век же будем подвалы чистить и развалины растаскивать,— пояснил Андреев.— Пришла пора настоящих работ. Надо строить завод, дома, школы, клубы... А кто, если не вы? Вот я и спрашиваю: собираетесь здесь жить? Значит, учитесь профессии.

— Ясно,— перебила Ася.— Мои девчата хотят в каменщики. Настоящее дело. Работаешь и видишь свой труд.

— Нас пишите в штукатуры,— заявила Анка.

Лиля молчала.

— А ты не думала? Время еще есть, посоветуйся,— предложил Андреев.

— Будем монтажниками. Только чтоб серьезно, а не «кто куда пошлет».

— Значит, решили,— подытожил Андреев.— И еще одно: готовьтесь к зиме. Обживайте подвалы, утепляйте их, перегораживайте, полы настилайте... А сейчас идите получать на бригады премию.

Нелька теребила Лилю:

— Слушай, бригадир, не хочу я в монтажники. Хочу в штукатуры. Так и скажи начальству.

Вот тебе и дисциплина!

А на днях послала Лиля Нину Миляеву за посилками. Та пропадала весь день: была у каменщиков. И вдруг заявила, что уходит из бригады, дескать, здесь ей неинтересно. Кто виноват, что люди разбегаются? Не рано ли взялась бригадирствовать? Назначил тогда Храмцов... Как теперь освободишься? Сходить в райком?

Лиля выгладила белую блузку, посмотрела в осколок

зеркала. Блузка ладно охватывала ее фигурку. Черные, чуть вьющиеся волосы спускались до плеч, серые глаза смотрели, как всегда, серьезно, а на этот раз чуть настороженно.

— Ты в театр или па концерт? — прищурилась Нинка Миляева.— В таком случае неплохо заменить ботинки туфельками. Иль ты не согласна?

Васька Михин называет райком комсомола «Ласточкиным гнездом». Васька собственными глазами видел до войны крымские открытки «Ласточкиного гнезда». Райком комсомола действительно висит в воздухе: шесть этажей пустых пролетов, рваные марши лестницы, на седьмом — под самой крышей — уцелевший уголок.

Дверь с узкой табличкой. Лиля немного задержалась, отдышалась.

В комнате у стола с телефоном — Соколов. Темная шапка волос, светлые глаза, смуглое усталое лицо.

— И всего-то?— Он улыбнулся, и лицо его стало приветливым, каким-то своим, что ли.

— Что всего? — не поняла Лиля.

— Я думал, рота солдат идет, а ты одна. Садись, рассказывай.

Соколова ребята звали Лермонтовым. Может быть, потому, что он внешне напоминал Лермонтова, знакомого по школьным учебникам: темные волосы, грустные глаза с затаенной смешинкой, чуть прихрамывающая походка. Правда, никто не знал, хромал ли Лермонтов и какого цвета его глаза: в учебниках — темные, а у Николая — светлые, даже зеленоватые. Но, во-первых, в учебниках все портреты темные, во-вторых, Васька Михин убеждал, что Николай вылитый Лермонтов, и в доказательство приводил самый убедительный аргумент: Николай тоже писал стихи, и у него даже есть своя книжечка, изданная до войны, — «Сиреневая любовь». Васька Михин знал все на свете, не верить ему нельзя; на неверящих Васька обрушивал столько доказательств, что никто не мог его оспорить. А когда речь заходила о Соколове, Васька вообще не давал никому слова сказать. Николая он уважал — единственного па стройке. Даже добрейшего Андреева Васька едва замечал, а с мастером Храмцовым просто не считался. У Васьки своя теория: работать — пожалуйста, сколько угодно, но не капайте мне на мозги, не воспитывайте — не маленький. И Васька небрежно поворачивал-

ся спиной, не дослушав замечания, не считая нужным ответить на распоряжение.

— Садись,— повторил Соколов,— рассказывай.

Лиля молчала.

— Говори же, говори! Кто ты, девушка, и зачем пришла сюда? Явилась ты, царевна, в мою бедную хижину и сказочным светом наполнила ее. Силой своей молодости и красоты превратила ты самые обычные вещи в волшебные. Смотри, смотри внимательно! Разве эта черная штучка — телефон? Нет, то волшебный камень, который может передавать голос и мысли на расстояние. Чем отблагодарить тебя, царевна? Что могу я, бедный человек, сделать для тебя?

Завороженно слушала Лиля забытые на этой выжженной земле слова, мягкий певучий голос, будто в далеком детстве бабушка сказывает перед сном красивую яркую сказку. И было так хорошо, спокойно, радостно, что не хотелось прогонять неожиданный сон и прерывать тонкую золотую нить сказки.

— Продолжать? — спросил обычным голосом Николай.— Смотри! Я ведь могу до бесконечности.

— А чего это ты в секретарях райкома? — очнувшись, с иронией спросила Лиля.— Тебе бы в вещуны, в пастыри. Или в предсказатели судьбы.

— Слушай, а ты угадала. Мне еще в детстве говорили, что обладаю даром предсказывать судьбы. И глаз, говорили, у меня особый. А ну дай руку!

Лиля с улыбкой протянула ладонь.

— Ай, какие путаные линии,— заговорил Николай на этот раз другим, цыганским голосом.— Много трудностей ждет тебя в жизни, моя золотая. Вижу разочарования, слезы. Но дальней дороги не будет. Здесь, моя хорошая, твоя дорога, в этом городе. Позолоти ручку, скажу еще.

Лиля рассмеялась.

— Тяжело у тебя сейчас на душе, красавица. Мучает мысль, что не справляешься с бригадой. Девчонки грустят ночами по дому. Многие ленятся...

Лиля выдернула руку: игра кончилась.

— Откуда ты знаешь? — спросила она.

— Плохой из меня секретарь, если бы не знал самых простых вещей. Ну что тут знать? Что грустят? Так это

не новость. А все остальное ты сейчас мне расскажешь.

Даже самой непонятно, почему она вдруг разоткровенничалась с этим совсем незнакомым человеком. Все рассказала. И не только про бригаду. Про разговор с Нелькой о любви. Про школу, оставленную квартиру, Ленинабад... И о том, как мучительно, до боли мучительно завидовала старшим, на долю которых выпало столько интересного, героического...

...Темнело. Через крошечное окно проникли густые сумерки.

— Слушай, а почему я тебя не вижу вечерами? — спросил Николай.

— Работаем. Подвал к зиме готовим.

— Думаешь, другие не работают? А ведь находят время отдохнуть. Знаешь что, пошли в столовую. Прямо сейчас. Там сегодня вечер «Комсомольской правды».

На улице налетел Васька Михин. За ним шел Храмцов.

— Скажи ему, Николай, скажи! — торопливо заговорил Михин.

— Цирк, — пожал плечами Храмцов. — Артист, — добавил он в Васькин адрес и демонстративно отвернулся.

— Людей забирает. Говорит, на день. Потом буду неделю за ним ходить.

— Вася, он же мастер, ему виднее. Забирает — значит, надо.

— Ты думаешь? Эй, мастер, быть по-твоему. Доволен? Тогда бежим, Володька, в столовую.

Вечер уже начался. Девчата и ребята облепили подоконники, стояли вдоль стен, поднимались на цыпочки, тянули шеи. Молодой широкоплечий парень читал стихи;

Не до отдыха нам,
И неделю подряд,
засыпая урывками ночью,
на лесах,
у станков
сталинградцы стоят
по-солдатски —
упрямо и молча.

— Кто это? — спросила Лиля.

— Поэт Семен Гудзенко, — пояснил Соколов.

— Настоящий поэт? — поинтересовался Михин.

Кругом возмущенно зашикали. Храмцов пихнул Вась-

ку в бок, да так больно, что у того перехватило дыхание. Михин рванулся было к Храмцову, но услышал голос Гудзенко и замер. Поэт читал тихо, словно вспоминая:

Когда па смерть идут,— поют,
а перед этим
можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою —
час ожидания атаки.

Васька судорожно вцепился в Храмцова.

...Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.
Разрыв — и лейтенант хрипит,
И смерть опять проходит мимо.

Тысячи нитей связывали ребят и девчат с разрывами, минами, смертью... У каждого был на фронте родной, близкий человек. И каждый чувствовал себя так, словно в него нацелена мина.

...Поэт замолчал. В наступившей тишине слышно стало прерывистое дыхание многих людей. И вдруг, словно неожиданный гром, грянули аплодисменты.

Лиля тихонько пробиралась к выходу. Вдали белели палатки, за ними черной рекой растекалась степь. Хотелось побыть одной, подумать, пережить все услышанное.

Потрясающая новость! Надя Тюленева из Кирова уложила за смену тысячу триста пятьдесят кирпичей.

9

Ох, этот телефон! Ни минуты не молчит. Без пего плохо и с ним не лучше. Вот если бы можно было по звонку различать новости. Скажем так: приятные вести — звонок нежный, мелодичный; неприятные — резкий, грубый. Услышишь резкий звонок — не снимай трубку. Да, не снимешь... Секретарю горкома нельзя прятаться от неприятностей, он должен делать все, чтобы их было меньше.

Звонок! Пластикова снимает трубку, привычпо прижимает ее головой к плечу, пододвигает блокнот, берет карандаш.

— Слушаю. Я. Что?!! Приходько погиб?!!

Карандаш и блокнот не нужны. Телефон тоже. Он уже замолчал...

С трудом глотая воздух, бежала Пластикова на завод. Возле цеха в тревожном молчании толпа. Кто-то узнал Пластикову, посторонился. За ним другой, третий... Она шла по образовавшемуся проходу — туда, где лежал Дмитрий Васильевич Приходько.

...Все бои провели вместе. И такой нелепый случай: взорвалась мина. Мог же и не приходить сюда, вовсе не обязательно секретарю большого райкома партии непременно самому бывать в каждом восстанавливаемом цехе, в каждом доме. Но нет, не таким он был. Не любил сидеть в кабинете. Радовался каждому дому, каждому станку... Эх, Дмитрий Васильевич, Дмитрий Васильевич...

...Словно в оцепенении, не в силах шевельнуться, смотрела Пластикова, как осторожно поднимают рабочие мертвого Приходько. А в ушах звучит знакомый, мечтательный голос:

— Ого, девчата, вы даже себе представить не можете, каким будет наш город лет через десять — пятнадцать! Жаль, не поэт я. Об этом бы стихами говорить. Широкие зеленые улицы, просторные площади, многоэтажные дома, гранитная набережная, синяя-синяя Волга...

Не пришлось ему увидеть новый город.

Может быть, хватит смертей!?

Пластикова до боли сжала кулаки, крепко закусила губы, сдерживая крик.

Жить надо! Работать, строить! В память о погибших, во имя живых, для этих девушек, для тех, кто будет жить на земле!

Сегодня, 12 июля 1943 года, ушел на фронт эшелон отремонтированных танков с надписью на башне: «Ответ Сталинграда».

Надя Тюленева уложила за смену три тысячи шестьсот кирпичей. Перегнала всех каменщиков, даже таких знаменитых, как Григорий Христов и Иван Смолянинов.

10

Бригада Праховой штукатурила сборочный цех.

Утро начиналось с граммофонной трубы. Анка занимала самую выгодную позицию у входа в палатку и ревела в трубу на все лады. Девчонки вскакивали, быстро оде-

вались, умывались из водопроводной колонки возле палатки и мчались на полчаса раньше в столовую, лишь бы скрыться от Саши Писаревского. К приходу Писаревского в палатке оставалась ответственная за утреннюю зарядку. Писаревский, в своей неизменной кепочке на затылке, обходил палатки, убеждался, что никого уже нет, и каждое утро вел один и тот же разговор с ответственными:

— Никого? Ушли? Ладно, я еще потерплю, но имейте в виду — будете отвечать перед комитетом комсомола.

— Разве их удержишь?

— Утренняя зарядка дает человеку энергию на весь день,— нравоучительно замечал Писаревский.— Не случайно она называется зарядкой. Неужели не ясно? А вы пренебрегаете таким мощным фактором.

И Писаревский величественным жестом указывал на отпечатанные в типографии и расклеенные по всему поселку небольшие листовки:

«Выездная редакция «Комсомольской правды» приглашает девушек на УТРЕННЮЮ ЗАРЯДКУ. Место занятий — ПЛОЩАДЬ ИМЕНИ ДЗЕРЖИНСКОГО. Для смены, начинающей работу с 7 часов утра, выход на зарядку в пять минут седьмого. Для смены, начинающей работу в 8 часов утра, выход на зарядку в пять минут восьмого. На зарядку рекомендуется выходить в легком платье, в тапочках или босиком».

— Ясно? — спрашивал Писаревский.— Думается, нет смысла подвергать сомнению призыв такого популярного печатного органа, как «Комсомольская правда». Будем дебатировать или как?

Это «или как» он произносил с такой убежденностью, что бедная ответственная чувствовала себя кругом виноватой.

— Тапочек нет,— пыталась она оправдаться.— А босиком непривычно.

— Ах, тапочек! Я предвидел это возражение и специально захватил газету. Прессу, между прочим, надо читать внимательно. Прошу. Вслух, вслух!

Совсем уже ошарашенная девушка читала:

«САМОДЕЛЬНЫЕ ТАПОЧКИ. Сталинградское солнце горячо накаляет землю. В рабочих ботинках ходить тяжело и неудобно, поэтому я сам сшил себе пару легких тапочек с прочной подошвой. И хотя я не сапожник, тапочки у меня получились отличные. Если вы сами не

сможете сделать заготовку, я покажу, как это делается. Объясню, какой материал лучше всего поставить на подошву и какими нитками пользоваться.

В. Коновалов,
ученик пятой группы 8-го ремучилища».

— Прошу записать номер газеты. Нет, нет, на память не надейтесь. Девичья память, как известно, коротка,— не слушал возражения Писаревский.— Вот карандаш, клочок бумаги — я все захватил. Пишите, пишите. Год помните? Совершенно точно — сорок третий. Эту бумажечку повесьте на видном месте, и пусть все, кто без тапочек, выучат наизусть.

Писаревский устраивал разнос больше для формы. В душе Саша был доволен, что желание увильнуть от зарядки заставляет девочек быстрее шевелиться и каждое утро бежать в столовую. Тоже своего рода зарядка. И вообще в последнее время у Писаревского настроение поднялось: в поселке появились сразу три волейбольные площадки, в столовой регулярно занимались гимнасты, а по всему лагерю строителей были развешаны отпечатанные в типографии «Комсомольской правды» красочные афиши, стихами призывающие всех на кросс.

Одним словом, граммофонная труба и Саша Писаревский оказывали магическое действие на девчат.

Но на этот раз не помогли ни труба, ни Писаревский: Валя Чугункина не поднялась.

— Что с тобой?

— Плохо, Анка, ой как плохо! Рука!!! Кажется, что-то сломано.

— Может, «скорую помощь» вызвать?

— Вызови, Анка. Ой, больно, больно!

Анка забежала в больницу и попросила приехать за Валей Чугункиной.

В обеденный перерыв побежала в палатку. Валя лежала на кровати.

— Врач был?

— Был.

— Ну и что?

— А ничего. Ругалась, что зря потревожили. А у меня вот он, вот перелом, видишь? — сунула она Анке палец.— Да не щупай ты, тоже мне, врач. Ноготь смотри, ноготь. Чувствуешь, сломан?

Анка ничего не понимала.

— Вставай!

— Куда? Я никуда не пойду.

— Пойдешь!— сквозь зубы проговорила Анка.

— А ты не командуй! Тоже мне, начальница!

Анка с силой дернула Валю, и та полетела с кровати на пол.

— Вставай! — тряхнула ее маленькая, щуплая Анка.— Ты зачем сюда ехала? Тебя заставляли? Тянули?

— Брось, брось...— испуганно попятилась Валя и, выскочив из палатки, побежала на работу.

Анка села на кровать и горько заплакала.

Она плакала от обиды на Валю Чугункину, оттого, что не сдержалась и вынуждена была кричать и даже угрожать. Но больше всего плакала потому, что случилась с ней страшная беда: пропали хлебные карточки.

Без карточек совсем труба. На одном жидком супе далеко не уедешь. Первые дни крепилась. А потом почувствовала, что голова кружится и в глазах мелькают черные точки.

— Ты чего, Анка, без хлеба? — спросила Ася Власенко.

— Аппетита нет.

Сейчас, вот сейчас Ася обо всем догадается — у кого на стройке нет вдруг аппетита? — и пусть не поможет, но хоть посочувствует, и то легче будет. Но Ася, странно даже, поверила и тут же заговорила о своей квартире. Скоро новоселье и заодно свадьба. Много людей не будет—не разместятся. Только самые близкие подруги. Так что, считай, Анка, что ты официально приглашена.

А Лиля сразу поняла.

— Где твои карточки? — спросила она, не сводя с Анки строгих, требовательных глаз.

— Потеряла,— прошептала Анка.

— Как же ты? Возьми немного хлеба.

Вечером Лиля повела Анку к Соколову. Пришли в райком — пусто. Подождали с полчаса — никого. Решили искать по поселку.

— Где же он есть? — недоумевала Лиля.— Вася,— увидела она Михина,— Соколов не попадался?

— Он в нашей палатке.

— Чего ему там делать? Где он пропадал?

— Сказать?— Ваську так и распирало от гордости.—

Меня сегодня встретила знакомая тетушка из родильного дома и спрашивает, не знаю ли я такого, в общем, по описанию я понял, что Николай. Привел он ночью женщину, решил дождаться результата и заснул в приемной. Утром его будит моя знакомая тетушка и поздравляет с сыном. Он обрадовался, расцеловал тетушку, а потом просит ее пойти к этой женщине и узнать, где она живет, как фамилия и кому сообщить о сыне. Тетушка так и присела. Что же ты, спрашивает, маялся всю ночь? Я, говорит Николай, вовсе и не маялся, отлично выспался. А женщину встретил случайно и помог ей добраться сюда.

Возле палатки Васька остановился.

— Слушайте.

— Если бы, ребята, век наш был огромен,— донесся голос Соколова,— мы бы увидели, как красив и горд, как смел и великодушен будет человек совсем уже недалекого коммунистического общества. И как красива будет наша земля, наш город. Тенистые аллеи... Вася! Михин!

— Здесь я, на улице.

— Саженцы взял для воскресника?

— А как же!

— Значит, будут у нас тенистые аллеи. И будем мы, ребята, гулять по парку имени знатного строителя Василия Михина...

— Ну загнул,— с плохо скрываемым удовольствием пробурчал Михин.

— ...или не менее знатного мастера Володи Храмцова. Володя, все приготовил для воскресника? Лопаты, ломы, носилки?

— Все в порядке.

— Отлично. А что, ребята, не пора ли гостям вроде меня и честь знать?

— Стихи почитай,— рванулся в палатку Васька.— Свои.

— Завтра, завтра, ребята. Поздно уже.

Он вышел на улицу, увидел Лилю с Анкой.

— А вы, девчата, что так поздно?

— Тебя ищем. Тут такое дело: карточки пропали.

— Вот те раз,— ахнул Соколов.— Ладно, не расстраивайся. Получишь на несколько дней талончики. А потом... Сколько осталось до конца месяца? Десять дней? Знаешь что, езжай домой. Вроде в отпуск. Хочешь? Ладно, ладно, потом будешь благодарить. Заодно, кстати, расскажешь у

себя в городе о нашей жизни и работе...

II

Пластикова — Хлоптуновой:

«Вчера, Алька, раздался заводской гудок. Не выдержала я, заплакала. Слабая стала. Это после смерти Приходько. Какой человек был!

Сегодня пустили кузнечный цех. Опять чуть не разревелась. Очень уж многое вспоминается. Ну почти все, как в наши годы. И палатки, и костры, и учеба... Помнишь, как мы недосыпали, недоедали, но учились на все сто! И сейчас такая же история. Тянутся девчонки изо всех сил. К нам ведь кто едет — продавцы, телефонистки, официантки, парикмахерши, учительницы, школьницы... Поначалу все получили одинаковую специальность, не требующую никакой квалификации. Ты о такой никогда не слышала — восстановитель. Мастерства не надо — ворочай обломки, растаскивай глыбы, расчищай завалы. А потом начали учиться. На штукатуров, каменщиков, маляров, слесарей, токарей, зуборезов, кузнецов... В общем, что тебе говорить! Перенесись мысленно лет на двенадцать назад и сразу все представишь. Я и то порой забываю, что сейчас не тридцатый, а сорок третий и что мы не заново строим завод, а восстанавливаем. В этом, между прочим, единственная разница: восстанавливать гораздо труднее. У нас есть один парень, Вася Михин, вроде Кольки Покусаева — такой же шумливый, беспокойный и все на свете знающий; так этот Михин подсчитал или где-то вычитал, что после боев на территории завода насчитывалось больше сорока тысяч воронок от бомб, снарядов, мин. Сейчас меньше стало. Но щебня, Алька, обломков, железа, мусора!..

Как я живу? Так и живу — в работе, на людях...

Ладно, Алька, бегу. Тут у нас началось соревнование каменщиков, и такие дела развернулись!..

В общем, живет наш тракторный! Живет!..

СОДЕРЖАНИЕ

Иосиф Самуилович Гуммер

ПАМЯТЬ

Документальные повести

Заведующий редакцией Г. М. Некрасов
Редактор Т. А. Соколова
Художиик И. В. Грюиталь
Художествеииый редактор Г. Л. Ушаков
Техиический редактор Д. А. Стегаицева
Корректор И. С. Судзиловская

ИБ 1457

Сдаио в набор 30.06.82. Подписаио в печать 17.11.82. Г-54538. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гариитура обыкновениая иовая. Печать высокая. Усл. п. л. 6,72. Уч.-изд. л. 6,74.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 1054. Цеиа 45 к. Изд. № 1/е-81.
Ордеиа «Зиак Почета» Издательство ДОСААФ СССР. 129110. Москва, Олимпийский просп., 22.
Ордена Трудового Красиого Знамени типография Издательства ЦК КП Белоруссии, 220041, Минск, Ленинский просп., 79.

45 к.